

Я.М.Свет

ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1960

500 с лишним лет назад великий китайский мореплаватель Чжэи Хэ семь раз возглавлял флотилии, бороздившие воды южных морей; в каждой его экспедиции принимали участие десятки кораблей с экипажами, насчитывавшими, около 30 тыс. человек. За восемь десятилетий до Васко да Гамы Чжэн Хэ открыл восточные берега Африки; его корабли бросали якоря в гаванях Вьетнама, Явы, Суматры, Индии, Ирана, Аравии, «Восточного рога» Африки — Сомалийского полуострова. Китайские моряки бродили среди храмов и дворцов Цейлона и в непролазных чащобах суматранских джунглей, они видели шумные базары Каликута и Хормуза, они побывали в знойном Малинди, откуда караваны шли в Эфиопию и за Лунные горы, в самое сердце Африки.

«Мы посетили, — писал Чжэн Хэ, — более 30 стран, пересекли свыше ста тысяч ли необозримых водных пространств...»

Чжэн Хэ, его плаваниям и этим тридцати странам посвящена книга Я. М. Света.

Оформление художника Л. П. СЫЧЕВА.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ МЕСЕРА ДЖИРОЛАМО

Осенью 1499 года флорентийцев необычайно взволновало письмо, только что полученное из Лиссабона от их земляка Джироламо Серинджи. То была первая весть о знаменитом плавании Васко да Гамы. Открыт был новый путь в Индию, ключи к стране пряностей очутились в руках португальцев. Весть эта была столь ошеломляющей, что вряд ли современники Серинджи обратили внимание на одну чрезвычайно любопытную деталь в его послании.

Серинджи писал, что лет за 80 до Васко да Гамы Индию часто, примерно через каждые два года, посещали белые «длинноволосые, словно немцы», люди, которые приходили туда на двадцати—двадцати пяти больших кораблях. Моряки эти, говорил Серинджи, «не могли быть немцами, ибо иначе мы бы услышали о подобном плавании». Возможно, добавлял он, то были московиты, если только есть у них в Индии какой-нибудь порт. Но ведь хорошо было известно, что у московитов не было гаваней на морских путях, ведущих в Индию, И» вероятно, читая письмо из Лиссабона, кое-кто из флорентийцев с досадой пожимал плечами. В самом деле, как могли объявиться в Индии длинноволосые морские гости начале XV века, в ту пору, когда португальцы даже еще не начинали прокладывать путь в индийские воды?

А между тем сообщение Серинджи было верным. Он ошибался лишь в двух отношениях. Во-первых, мореплаватели, которые задолго до португальцев наведывались в гавани Индии, не были длинноволосыми. И, во-вторых, не в Германии, не в московских землях и не в Португалии следовало искать их родину. Они явились в Каликут из Китая. Было это в ту пору, когда еще в Европе не занималась заря Великих географических

открытий, когда португальцы медленно, ощупью начали продвигаться на юг вдоль западных берегов Африки, когда в Китай и Индию европейские путешественники проникали лишь по сухопутью через Иран и низовые донские, волжские и яицкие степи, когда величайшим достижением европейских мореплавателей были «дальние» переходы к Канарским островам, через тот небольшой участок открытого океана, который впоследствии испанцы презрительно называли «Кобыльим заливом».

За 28 лет, с 1405 до 1433 года, семь грандиозных китайских экспедиций — каждая из них раз в полтора раза превосходила по числу участников первую экспедицию Васко да Гамы — прошли путь от устья Янцзы к Индии и восточным берегам Африки. Китайские корабли достигли Красного моря — этого преддверья Европы, они бороздили воды теплых морей, омывающих берега Мозамбика, они бросали якорь в шумных гаванях сомалийского побережья, у стен знойных белых городов, откуда десятки путей вели в глубь Черного материка.

Корабли эти водил в далекие южные и западные моря китайский мореплаватель Чжэн Хэ. И удивительная вещь. Хотя с того времени, когда Джироламо Серинджи писал свой отчет об экспедиции Васко да Гамы, прошло 460 лет, Европа знает о китайских плаваниях XV века не многим больше, чем в те времена, когда жил любознательный флорентиец.

Имени Чжэн Хэ нет ни в многотомных европейских энциклопедиях, ни в объемистых справочниках. О нем ни одного слова не говорят европейские авторы в трудах о великих открытиях, хотя они подробно описывают все действительные и мнимые плавания португальцев, кастильцев, каталонцев, генуэзцев, венецианцев, французов, англичан, немцев и датчан¹.

Правда, о Чжэн Хэ и его заморских походах не раз упоминали голландские и французские китаеведы. Но писали они об этих китайских плаваниях в сугубо специальных журналах, редких и труднодоступных, а поэтому их сведения подобны сокровищу за семью замками.

Чжэн Хэ не повезло на родине. Долгое время официальная историческая литература замалчивала его подвиги, и лишь за последние десятилетия у китайских историков пробудился интерес к своему великому соотечественнику. Ныне в Китайской Народной Республике ведутся плодотворные исследования истории семикратных плаваний Чжэн Хэ. Четыре года назад вышла в свет ценная работа китайского историка Чжу Ци «Чжэн Хэ» (этот труд использован автором настоящей книги), которая дает возможность истинной мерой оценить великий подвиг Чжэн Хэ. Поэтому, опираясь на материалы изысканий, уже ранее проведенных китайскими и западноевропейскими исследователями, следует приподнять завесу неведения и молчания и воздать должное великому китайскому флотоводцу и его предшественникам. Ведь не только по своим масштабам, но и по непосредственным результатам экспедиции Чжэн Хэ ни в чем не уступали европейским заморским плаваниям XV века.

В иной исторической обстановке, движимые иными целями, Чжэн Хэ и его отважные спутники, используя достижения минувших поколений китайских мореходов, совершили поразительные открытия. Они далеко раздвинули рубежи мира, известного и доступного народам Дальней Азии; они создали сквозную трассу Китай— Африка, трассу, промежуточными звеньями которой оказались гавани Вьетнама и Малайи, Сиам и Явы, Суматры и Цейлона, Индии и Ирана, Аравии и Африки, Они положили на китайские карты берега южных морей.

У нас, в Советском Союзе, имя Чжэн Хэ за последние годы приобрело некоторую известность. Статья, посвященная Чжэн Хэ, появилась во втором издании БСЭ, а карты его походов читатель может найти в III томе «Всемирной истории».

¹ Отметим однако, что должное место уделяется Чжэн Хэ в японских трудах по истории географии.

Оговоримся при этом, что заморские походы Чжэн Хэ не были исторической случайностью. Они были завершающим этапом в многовековой истории китайского мореплавания, на протяжении которого китайцам стали известны десятки стран на пространстве от Курильских островов до Малабара и берегов Персидского залива. Они закрепили связи, издревле существовавшие между народами Китая и Южной Азии, и способствовали плодотворному контакту великих культур Китая, Индии, Индонезии и Ирана.

Поэтому описание деятельности Чжэн Хэ неизбежно становится «биографией» его страны и неминуемо выходит за хронологические рамки семикратных заморских походов.

Поэтому и наша книга начинается с событий глубокой древности, с той эпохи, когда китайцы впервые вышли на широкие морские дороги Старого Света.

СТРАНА ТРЕХ МОРЕЙ

Перед нами карта Китая. Вглядитесь внимательно в причудливые контуры его береговой линии. От границ Кореи до границ Вьетнама на протяжении многих тысяч километров берега Китая омываются водами трех морей — Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского. На севере глубоко внутрь материка вдается Желтое море. Острый клин Ляодунского полуострова и массивный выступ Шаньдунского полуострова с севера и с юга врезаются в это море и отделяют от него два обширных залива — Ляодунский и Бохайвань. На гористых полуостровах много превосходных глубоких бухт, и в одной из них на берегах великолепной Тигровой бухты лежит город Люйшунь (Порт-Артур).

Берега обоих заливов низки. В давние геологические времена их воды затопили часть Китайской равнины, дошли до Ляосийских гор и приостановили свой упорный натиск на сушу в двустах пятидесяти—трехстах километрах от хребтов Тайханынань и Утайшань.

Уцелевшая в битве с морем часть великой равнины открыта в сторону Бохайваня. Она прорезана протоками и старицами капризной реки Хуанхэ; множество других рек, ленивых и мутных, пробивается здесь к морю через низины и топи.

К югу от Шаньдунского полуострова голубая сеть рек, озер и каналов сложным узором накладывается на зеленую гладь равнин. Особенно густой она становится в устье Янцзы, там, где ныне расположен один из крупнейших портов мира — Шанхай.

К югу от Янцзы, за широким заливом Ханчжоувань, берега гористы. В Восточно-Китайское море обрываются здесь отроги древних Южно-Китайских гор. Глубокие бухты с берегами, изъеденными морем, следуют одна за другой, а вдоль всего побережья рассеяно бесчисленное множество рифов, шхер и скалистых островов. Таковы берега Чжэцзяна и Фуцзяни, провинций Китая, издревле известных своими удобными гаванями.

К югу от широкого Тайваньского пролива начинается Южно-Китайское море. Оно омывает высокие и гористые гуандунские берега с многочисленными бухтами; порой горы здесь отступают в глубь страны и на много километров тянутся вдоль побережья низкие отмели. Река Си-цзян, судоходная почти на всем своем протяжении, образует глубокий эстуарий в своем низовье. В устье Сицзяна находится самый значительный порт Южного Китая — Гуанчжоу (Кантон), а у входа в него расположен остров Гонконг.

За далеко вдающимся в море полуостровом Лэй-чжоубаньдао и островом Хайнань начинается глубокая излучина Тонкинского залива, на берегах которого проходит граница Китая и Вьетнама.

Три китайских моря отделены от Тихого океана прерывистой островной гирляндой. Она протягивается от самого южного острова Японского архипелага Кюсю через острова Люцю к Тайваню и Филиппинам.

Исконные земли Китая, те земли, на которых 4000 лет назад зародилась величайшая культура Старого Света, лежали на Китайской равнине, где мало удобных гаваней, и на обширном лёссовом плато к западу от нее.

Однако сама природа проложила здесь путь к морю. Далеко на западе, на склонах Куньлуня, зачинаются широкие и полноводные реки, которые из конца в конец пересекают лёссовое плато и Китайскую равнину.

Подобно великим цивилизациям Египта, Месопотамии и Индии, цивилизация древнего Китая зародилась в благодатных речных долинах. Вода рек и искусственных каналов поила землю, обильно удобренную тучным илом, который оставляли реки после ежегодных разливов.

Многие из них были судоходны на всем своем протяжении. По великой реке Янцзы (длина ее достигает пяти тысяч пятисот километров) в наше время океанские суда поднимаются до Ханькоу, который расположен в тысяче двухстах километрах от моря, а небольшим кораблям эта река доступна на расстоянии двух тысяч восьмисот пятидесяти километров.

Уже со второй половины I тысячелетия нашей эры реки и озера Великой равнины были соединены системой каналов, и пресноводные дороги, большие и малые, пересекали китайскую землю во всех направлениях.

Правда, реки Китайской равнины были коварны и своенравны. Они постоянно меняли свои русла, и особенно отличалась в этом отношении река-бродяга Хуанхэ, низовья которой за последние 3000 лет перемещались семь раз, причем река то несла свои воды в Желтое море, то поворачивала в залив Бохайвань, то снова возвращалась в старое ложе, захватывая по пути в плен долину соседней Хуайхэ.

При этом каждый раз Хуанхэ смывала с лица земли десятки городов и селений. Только в наше время Хуанхэ и другие равнинные реки окончательно обузываются системой грандиозных дамб, водохранилищ и каналов.

Долины этих рек были и остаются поныне воротами в открытое море. Уже во II тысячелетии до нашей эры из гаваней на берегах великих и малых рек китайцы совершили смелые вылазки в Желтое море.

В I тысячелетии, в эпохи, которые вошли в историю Китая под названием «Лего» («Разделенные царства») и «Чжаньго» («Воюющие царства»), на территории к северу от Янцзы было множество самостоятельных государств. Восточные государства — У и Чу в междуречье Хуанхэ и Янцзы, Ци в Шаньдуне — лежали на берегах Желтого моря, там, где в него впадали многочисленные судоходные реки. Именно эти восточнокитайские царства и были колыбелью китайского морского флота. Здесь в огне жестоких междоусобных войн и первых морских походов получили боевое крещение китайские мореплаватели и китайские кораблестроители.

В конце VI века до нашей эры, как раз в то время, когда в водах Эгейского моря греки одерживали решительные победы над персами, Холмой, царь земли У, одолел в ходе морского сражения властителя царства Ци, причем в этой битве участвовали корабли пяти различных типов.

Мы не знаем, были ли эти корабли приспособлены для дальних плаваний в открытом море. Скорее всего они строились как речные суда, но их легко можно было использовать при рейдах вдоль морских берегов.

К середине I тысячелетия до нашей эры выдвигаются новые исторические области, расположенные к югу от древнего ядра Китая, за рекой Янцзы.

ЮЭ — МОРЕПЛАВАТЕЛИ СОЛНЕЧНОГО ВОСХОДА

Это были земли, населенные племенами юэ. Владения восточных юэ охватывали территорию современных провинций Чжэцзян и Фуцзянь и протягивались вдоль берегов

Восточно-Китайского моря. Южные юэ обитали в границах нынешнего Гуандуна, на побережье Южно-Китайского моря.

Страна, населенная восточными юэ, разительно отличалась от Северного Китая, от широких равнин, на которых зародилась Китайская держава. Сразу же за Янцзы начиналась область гор. Не очень высокие, сглаженные временем, размытые водами бесчисленных рек и проливными дождями, цепи этих гор образовывали запутанный лабиринт. Густые леса тянулись вдоль речных долин, взбирались вверх по склонам горных хребтов; на юге простирались бамбуковые чащобы и непролазные тропические заросли, опутанные лианами. За Тайваньским проливом начинались мангровые леса, знойные и влажные; они росли на гнилых трясинах, образуя непроходимые барьеры на берегах Южно-Китайского моря. В разрыве этой зеленой стены, на горячем песке отмелей и на скалистом побережье глубоких бухт рассеяны были рыбацкие селения.

Земля речных долин была сказочно плодородна, на юге кирпично-красные латеритные почвы давали баснословные урожаи, но эту землю приходилось брать штурмом, выкорчевывая и выжигая столетние деревья и цепкие кустарники. Земля была кормилицей восточных юэ, но она была и их врагом, упорными неумолимым. Истинным их другом было море, и по соленой воде сообщались между собой селения, лежащие на берегах двух морей, в полосе протяженностью четыре тысячи километров.

Недаром один из вождей восточных юэ говорил, что народ его привык странствовать по морю, жить на островах, пользоваться лодкой вместо повозки и рулем вместо поводов и постоянно бороться с бурей и ненастьем.

Естественно, что люди племен юэ — прирожденные мореплаватели, оказались отличными кораблестроителями и кормчими. У них были опытные мастера-корабельщики (*мукэ*) и большие «корабельные дворы» (*чуаньгун*) — верфи, где строились речные и морские суда нескольких типов.

Леса здесь было вдоволь. Рядом на склонах гор росли великолепные куннингамии (фучжоусские пихты) и гигантские высокоствольные сосны — замечательный материал в руках строителей кораблей; густые чащи с магнолиями, кипарисом, тюльпанным, камфарным и тунговым деревьями спускались к морю, а в долинах рек рос тростник, гибкие и мягкие стебли которого служили прекрасным материалом для парусов. И крепкий смолистый дух, дух гаваней и верфей, с той поры всегда стоял в фучзяньских и чжэцзянских бухтах.

В войнах с соседними китайскими царствами флотилии юэ заходили далеко на север, до устья Хуайхэ и берегов Шаньдунского полуострова, и порой в открытое море отправлялось до трехсот боевых кораблей.

Мореплаватели из страны юэ в V—III веках до нашей эры побывали на многих островах Восточно- и Южно-Китайского морей. Они добрались до Тайваня и островов Люцю, а плавая к югу, обошли северные берега Вьетнама.

В конце III века до нашей эры властитель одного из китайских царств — Цинь, Цинь Ши-хуанди, разгромил своих соперников, покорил их земли и создал единую и могучую державу, в границах которой, правда на короткое время, оказались и области племен юэ.

Цинь Ши-хуанди, который вошел в историю не только как создатель объединенной Китайской империи, но и как строитель Великой стены, грандиозного пояса укреплений, воздвигнутого на западных и северных границах Китая для защиты от кочевников, уделял большое внимание флоту. Он неоднократно плавал по Желтому морю и, по преданию, организовал огромную экспедицию в поисках «эликсира бессмертия», которая дошла до Японии.

Но Цинь Ши-хуанди не удалось создать прочных опорных пунктов на юге, В Восточно- и Южно-Китайском морях безраздельно господствовали люди юэ, которые лишь формально числились подданными империи и порвали с ней связь уже после смерти Цинь Ши-хуанди.

Новый этап в истории китайского мореплавания начинается в следующем, II веке до нашей эры, когда Китай овладел землями восточных и южных юэ.

РОЖДЕНИЕ МОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

На рубеже III и II веков до нашей эры, после кратковременной смуты, последовавшей за смертью Цинь Ши-хуанди, в Китае воцарилась Ханьская династия². В эту эпоху вопрос быть или не быть Китаю единым решался положительно, ибо на той стадии исторического бытия, которой достиг в ту пору китайский народ, непреодолимая сила экономических интересов притягивала друг к другу южные и северные, западные и восточные области страны, опрокидывала все рогатки, мешавшие им сблизиться теснее.

Именно поэтому Ханьская держава смогла снова сплотить все исконные китайские земли.

Это объединение открыло в истории Китая новую эпоху, благоприятную для быстрого и всестороннего развития страны.

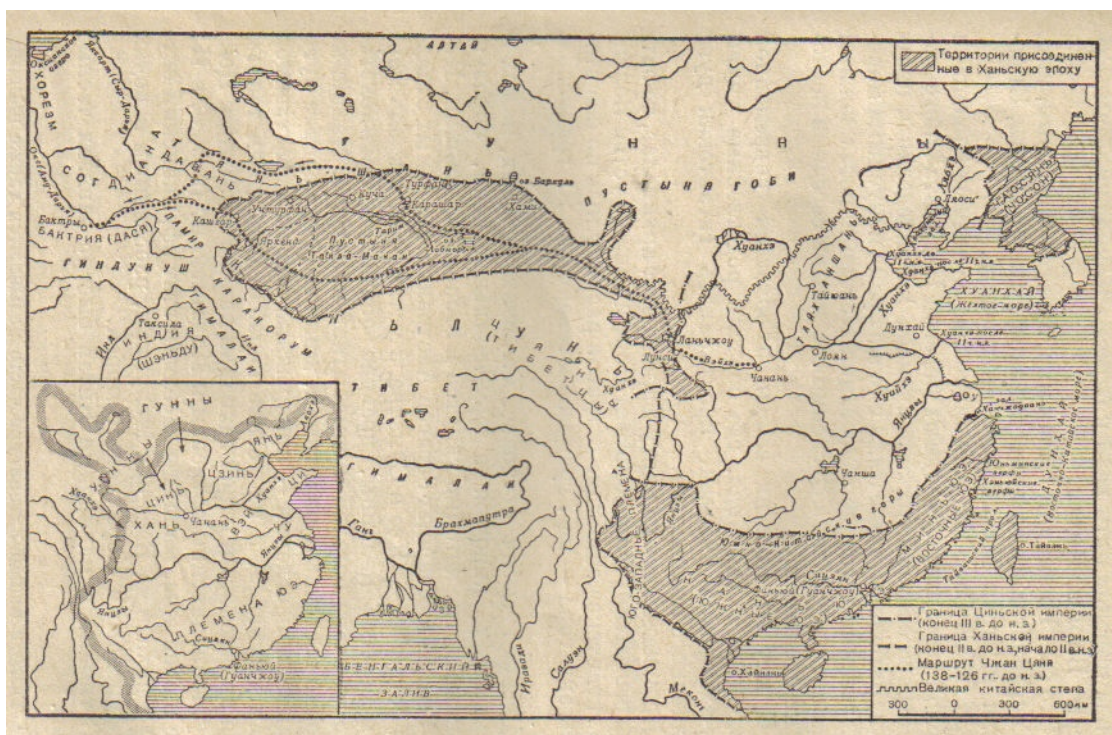
В старых границах Китаю становилось тесно. И при императоре У-ди (140—87 годы до нашей эры) Китай перешагнул через Великую стену; великий китайский землепроходец Чжан Цянь через горы и пустыни, через области, занятые кочевниками гуннами, добрался до Средней Азии. Идя по следам Чжан Цяня, китайцы проложили путь на Запад и вступили в непосредственный контакт с западным миром — с Согдианой и Бактрией, странами, которые были в орбите эллинистической культуры и поддерживали постоянные связи с Средиземноморьем и Индией. Путь Чжан Цяня стал трансасиатской магистралью — Великой Шелковой дорогой; по этой дороге на Запад шли, однако, не только караваны с китайским шелком...

Одновременно китайцы двинулись и на юг. В 30-х годах II века до нашей эры они покорили земли восточных юэ, а в III веке до нашей эры завоевали Фаньюй, город, который находился там, где ныне расположен Гуанчжоу. Восточные юэ влились в великое Китайское народное море, но они не бесследно растворились в нем. Опыт этих искусных мореплавателей усвоен был последующими поколениями, в которых нераздельно сплавились черты аборигенов и пришельцев.

Вскоре китайцы прошли еще дальше на юг и проникли во Вьетнамскую Месопотамию — область Красной и Черной рек, цветущую страну с плодородными землями и многочисленными морскими гаванями.

Таким образом, Ханьская империя и на западе и на юге далеко раздвинула свои рубежи. Продвижение к югу открыло перед Китаем огромные возможности: подчинив юго-восточные прибрежные области, Китай дошел до порога южных морей; из Гуанчжоу и гаваней Тонкинского залива морские пути вели к берегам Камбоджи, Явы, Суматры, Бирмы, Индии.

² Две Ханьские династии — Западных и Восточных Ханей — правили Китаем, соответственно с 206 года до нашей эры по 25 год нашей эры и с 25 года нашей эры до 220 года.

Китай в Цинскую и Ханьскую эпохи

Это был новый для Китая мир, богатый и пестрый, мир, где переплетались влияния великих культур Индии, Индокитая и стран Малайского архипелага.

За рекой Сонг-Ма, несколько южнее дельты Красной и Черной рек, вдоль западных берегов Индокитайского полуострова обитали тямские племена³. Земледельцы, охотники, рыболовы, тямы были в то же время искусными мореплавателями и еще до завоевания Китаем царства южных юэ они поддерживали со своими северными соседями постоянные сношения.

К югу от тямских земель и областей современной Камбоджи и Таиланда, где обитали родственные тьямам мон-кхмерские племена, простиралась гигантская дуга Малайского архипелага.

Если наложить на карту Европы этот архипелаг, то острова его вытянутся в полосе от Португалии до устья Волги. Это гигантское созвездие островов раскинулось по обе стороны экватора — на 7 градусов к северу, на 10 градусов к югу.

Десятки тысяч островов, больших, средних, малых и мельчайших, нижутся в тысячемильные цепи, образуя длинные дуги, которые тянутся в сторону Филиппин, Новой Гвинеи и северных берегов Австралии. На самых западных островах — Яве и Суматре, в устьях рек и вдоль морских берегов малайцы, древние обитатели архипелага, создали очаги богатой и самобытной культуры. Малайцы, подобно восточным юэ и тьямам, жили морем; морские пути связывали их селения — прибрежные оазисы в девственной гнили джунглей, и их легкие корабли бороздили теплые моря архипелага и порой заходили далеко на запад к Цейлону, Мальдивским островам и Мадагаскару (позже, в III веке нашей эры, малайцы заселили этот африканский остров) и далеко на Восток к Молуккам, рассеянным в водах Арафурского и Кораллового морей.

С тьямами и малайцами Китай быстро завязал тесные связи.

В I веке нашей эры из гаваней в Жинани — страны Солнечного юга (так в Китае называлась область дельты Красной и Черной рек) и в Гуандуне китайцы плавали в страну тямов и на Суматру. Возможно, что они в это время доходили до Коромандельского

³ Тямы в нашей литературе часто называются также шамами; последнее название соответствует не местному произношению слова *tham*, а французской традиции в передаче весьма своеобразного звука *th* — *m* с глухим придыханием.

берега Индии. Купцы из Южного Китая везли в дальние страны южных морей шелк, бронзовые изделия, кожи, лак и привозили оттуда пряности и лекарственные зелья, слоновую кость и черепаший панцири, жемчуг и драгоценные камни. Однако на южноазиатских морских путях в ту эпоху господствовали южные соседи Китая, а несколько позже, во II и в III веках, пальма первенства перешла от них к индийцам, и корабли, которые шли с юга в Жинань и из Жинани на юг, были не китайскими.

ВЕЛИКИЙ МУССОННЫЙ ПУТЬ

Если по сухопутью через Кашгарию и Среднюю Азию китайцы дошли до Индии раньше, чем индийцам удалось, следуя этой трассой, достичь рубежей Ханьской империи, то на морских дорогах индийцы опередили китайцев. Индия и в то время и на протяжении всего средневековья была в отличие от Китая страной лоскутно-пестрой. Множество крупных и мелких государств, независимых и полунезависимых городов, племенных союзов и диких «ничейных» земель, затерянных в джунглях Декана и Бенгалии, в предгорьях Гималаев и в пустынях Раджахстана, создавали невероятную чересполосицу.

Великая индийская цивилизация зародилась в долинах Инда и Ганга, и постепенно ее влияние распространялось все дальше и дальше на юг, захватывая области Декана, населенные народами дравидийской семьи — андхра, тамилы, малайяли, каннара.

В северной части страны за несколько столетий до нашей эры сложились крупные государства, в границы которых порой входила большая часть Индии.

На юге процесс этот начался позже, примерно в I веке нашей эры. Вся эта сложная, хаотически запутанная система постоянно изменялась, границы непрерывно перекраивались, то и дело на севере и на юге возникали новые царства. Кроме того, с севера в Индию непрерывно вторгались народы-завоеватели, и эти волны иноземных нашествий захлестывали северную половину Индии, сметая там все старые рубежи.

В вершине и на обеих сторонах индоостанского треугольника, далеко вдающегося в воды Индийского океана, в начале нашей эры возникло множество торговых городов.

Здесь сходились морские дороги из Египта и Явы, отсюда тянулись сотни нитей в города Римской империи, к берегам Африки и к торговым центрам Средней Азии, здесь основали свои колонии яваны — выходцы из восточных областей Римской империи, говорившие на греческом языке. Эти города были очагами заморской торговли и заморской колонизации; отсюда индийские купцы и переселенцы в первых веках нашей эры проникли в Индокитай и на острова Малайского архипелага, и вскоре там возникли государства, в которых индийские и местные элементы дали начало цветущим самобытным культурам.

В это время окончательно наметились пути, которые шли из гаваней Аравии и Индии к берегам Жинани и Явы. По этому пути пришли в 166 году в Жинань гости из Рима, по этому пути на индийских кораблях заходили далеко на восток, в Бирму, дельту Меконга, тямские земли и на острова Малайского архипелага, яваны из индийских приморских городов. Их рассказы о землях и морях «Загангской Индии» использовал великий греческий географ Клавдий Птолемей; в своей «Географии», которая появилась на свет около 150 года, он описал берега Индокитая и островов Малайского архипелага.

Таким образом, Индия подошла к южным границам Китая, и морская дорога, которая вела из гаваней Малабарского и Коромандельского берегов в Южно-Китайское море, приобрела поистине международное значение.

По этой трассе и по Великому Шелковому пути, связавшему западные области Китая со Средней Азией, шли не только торговые корабли и торговые караваны, по этим межазиатским магистралям индийская культура шагала к границам Китая и до Индии доходило могучее влияние китайской цивилизации. По этим путям в начале нашей эры

проник в Китай буддизм, который спустя несколько столетий стал господствующей религией в этой стране⁴.

Южноазиатский морской путь нередко называют муссонным. Действительно, движение кораблей с давних пор было подчинено здесь режиму сезонных ветров — муссонов, которые в Индийском океане и китайских морях отличаются поразительным постоянством. С октября по январь постоянно здесь дуют северо-восточные муссоны, с мая по август — юго-западные. Индийские, малайские и китайские мореплаватели, зная закон муссонов, точно определяли время движения кораблей. Весной корабли шли на восток, осенью на запад. Были рассчитаны дистанции на этом огромном пути, и каждый кормчий знал, какое расстояние он сможет пройти за благоприятный для плавания сезон.

Хотя китайцы в Ханьскую эпоху были в южных морях не столь активны, как индийцы, но навигационное искусство и кораблестроение развивалось в это время весьма быстрым темпом.

Трудно перечислить самые разнообразные типы судов, которые в ту пору строились в Китае. Любопытно, что появляются особые типы морских кораблей и при этом кораблей, специально предназначенных для дальних плаваний, — так называемые *ланчжоу* и *фа*. Строятся крупные корабли — двух-, трех- и четырехпалубные (*лу*, *файлу*, *цзюеши*), суда с тяжелым вооружением (*цзянь*), быстроходные рейдеры (*чима*) и корабль-разведчики (*чжихоу*).

Создаются верфи для постройки речных судов внутри страны и ряд верфей для морских кораблей на побережье Бохайваня, Шаньдуна, в устье Янцзы, на берегах Чжэцзяна, Фуцзяня, Гуандуна и Жинани. Крупнейшим центром морского судостроения был в то время город У (современный Сучжоу) близ устья Янцзы. Славились своими кораблями юньнинские и хэньюйские верфи в Чжэцзяне, близ современных городов Вэньчжоу и Пиньян; не меньшей известностью пользовались верфи Гуанчжоу.

География кораблестроения Ханьской эпохи весьма показательна. Юго-восточные области страны с их унаследованными от эпохи юэ морскими традициями прочно удерживают первенство. Здесь создаются не только корабли, но и кадры опытных моряков — матросов, лоцманов, кормчих, которые из поколения в поколение передают навыки, приобретенные в ближних и дальних плаваниях по китайским морям.

ПОДВИГ ФА СЯНЯ

В начале III века Китайская империя на довольно продолжительное время распалась. В течение двух с лишним столетий страна раздиралась феодальными усобицами, и тяжелые последствия непрерывных внутренних смут усугублялись частыми вторжениями соседей-кочевников.

Тем не менее это беспокойное время отмечено новыми успехами китайского мореплавания.

В III веке завязываются постоянные сношения с новыми государствами, основанными индийскими колонистами в Индокитае, в землях тямов и в дельте Меконга, в области расселения кхмеров.

Индо-тямское царство Тьямпу и индо-кхмерскую державу Фунань посетили китайские послы Кан Тай и Чжу Ин, которые оставили подробное описание этих стран.

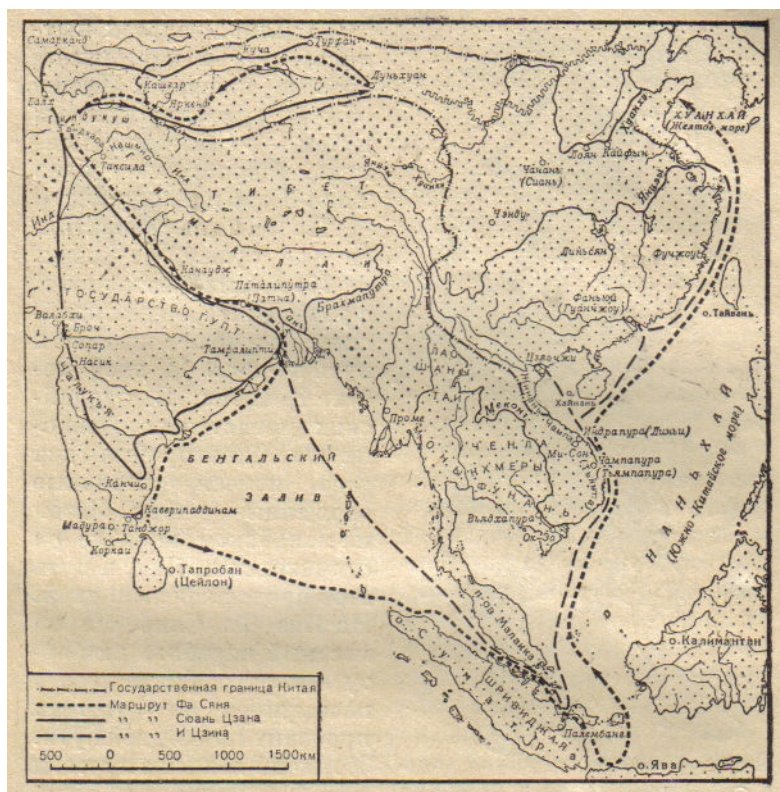
Позже, в IV и V веках, Тьямпа и Фунань постоянно обменивались посольствами с Китаем, а порой вели войны со своим северным соседом. Китайский флот в 359, 407 и 432

⁴ Нельзя не отметить, что в первых веках нашей эры большое значение имел еще один путь, связывающий Индию и Китай,— дорога, ведущая через Ассам и Бирму в Юньнань. Этим путем буддийские монахи проникли в Китай уже в конце I века нашей эры.

годах появлялся в водах Тьямпы, причем в боевых операциях участвовали десятки больших кораблей.

К периоду между 420 и 479 годами относятся очень интересные указания китайских источников: мы узнаем, что в это время бурно развивалось торговое кораблестроение и создавался мощный торговый флот. И хотя по-прежнему инициатива в морской торговле принадлежала индийцам, тямам и малайцам, но в эту пору все чаще и чаще китайские купцы на китайских кораблях посещают гавани Малакк-ского пролива, Явы и Суматры.

К началу V века относится замечательное путешествие китайского монаха-буддиста Фа Сяня, которое оставило глубокий след в истории китайской географической мысли.

Маршруты Фа Сяня, Сюань Цзана и И Цзина

Выше говорилось, что в начале нашей эры в Китай из Индии была занесена буддийская религия. Буддизм оказал большое влияние на развитие китайской культуры. Общность религии укрепляла культурные связи между Китаем и Индией.

Из долины Хуанхэ в долину Ганга непрерывно шли по дорогам Центральной Азии китайские монахи-пилигримы. Они отправлялись в Индию не только на поклонение буддийским святыням. Они стремились овладеть языками буддийской литературы — пали и санскритом, изучить богатейшие памятники этой литературы, в которых содержались бесценные сведения по медицине и астрономии, математике и философии, архитектуре и истории, Фа Сянь, человек пытливого ума и неутомимой энергии, пришел в Индию обычным для того времени путем — по Великой Шелковой дороге, перевалив Тянь-Шань и Гиндукуш.

Но Фа Сянь возвратился не сушей, а морем. Из гавани Тамралипти, в устье Ганга, он на индийском корабле вышел в путь и через 14 дней достиг Цейлона. В буддийских монастырях Цейлона Фа Сянь пробыл два года, изучая старинные священные книги. Затем на малайском корабле он отправился на Яву, и путь этот продолжался 90 дней. На Яве Фа Сянь сел на местный корабль, на борту которого было двести пассажиров, а в трюмах провиант на 50 дней пути. Кормчий сбился с курса, и корабль блуждал «в великом безмерном океане, где нет ни запада, ни востока», а

затем налетел тайфун («черный ветер, бурный дождь»), и корабль отнесло далеко на север, и 70 дней судно было в открытом море. В конце концов корабль прибило к берегам Шаньдуна.

Путешествие Фа Сяня продолжалось 17 лет, с 398 по 415 год, и результатом его явился замечательный труд «Описание буддийских стран» («Фогоцзи»).

Вслед за Фа Сянем в страны Южной Азии явилась целая плеяда путешественников-пилигримов, труды которых вошли в золотой фонд китайской географической литературы. Особенно прославились пилигримы Сюань Цзан (его называют также Сюань Чжуаном) и И Цзин, о которых подробнее будет сказано ниже.

ТАНСКИЕ ЗОРИ

При двух династиях — Суйской (581— 616) и Танской(618—906), Китай снова стал единой и мощной державой, причем при первых императорах Танского дома границы страны вновь значительно расширились, и во второй половине VII века Китайская империя простиралась от Тихого океана до Тянь-Шаня и от Хингана до Южного Вьетнама. Танская эпоха — период стремительного расцвета Китая.

По сравнению с Танским Китаем, с его великолепными дорогами, каналами, общественными зданиями, библиотеками, не только империя Карла Великого, но и Византия, наследница Рима и Афин, были варварскими странами. Большие города возникли в Китае на перекрестках торговых путей и на берегах трех морей. В ремесленных кварталах этих городов золотые руки китайских умельцев творили истинные чудеса. Узорчатые шелка, металлические изделия, оружие завоевали признание на рынках стран южных морей, Индии, Ближнего Востока. Именно в танское время бумажное производство (бумага была уже известна в Китае в начале II века нашей эры) стало одной из ведущих отраслей ремесленной промышленности страны. Китайские мастера научились выделывать бумагу не только из тряпья, но из луба различных растений, и их секреты лишь много веков спустя разгаданы были на Западе. Вспомним, что бумага появилась в Европе только в 1190 году и что завезли ее туда крестоносцы с Арабского Востока; арабы же в свою очередь получили бумагу от своих дальних соседей — китайцев. В Танскую эпоху заложены были основы для грядущего расцвета производства фарфора; в то же время китайские пиротехники широко стали применять порох, с которым европейцы познакомившись лишь спустя пять-шесть столетий. Широкое применение нашел в это же время способ печатания книг с гравированных досок.

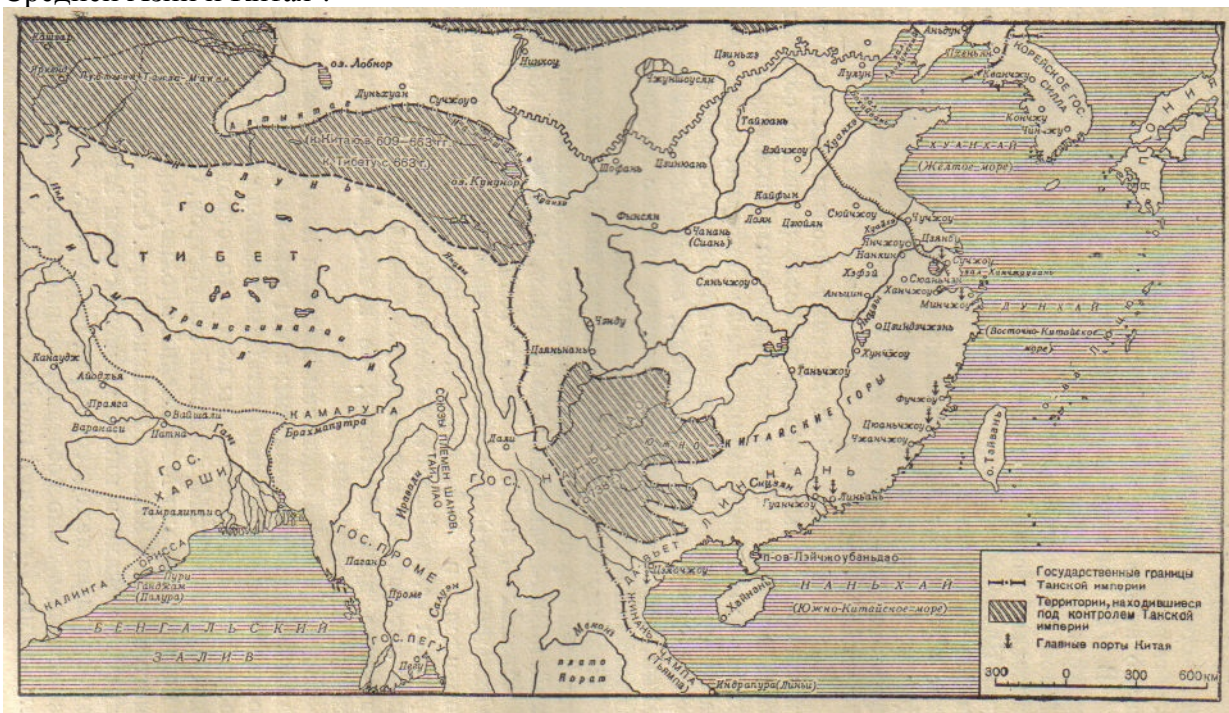
В Танском Китае бурно расцветала культура. Это был золотой век китайской поэзии, век возрождения лучших традиций народного творчества. Имена великих поэтов Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюй-и также дороги китайцам нашей эпохи, как русским имя Пушкина, иранцам имена Саади и Хафиза, итальянцам имя Данте.

Глубоким чувством проникнуты произведения тан-ских художников, танских мастеров пейзажа, ценителей красоты китайской природы. И хотя немногие памятники танской архитектуры сохранились до нашей эпохи, но по тому, что пощадило время, мы можем судить о ее величии. Легкая и в то же время монументальная пагода «Диких гусей» в Сиане — живое свидетельство высокого мастерства и замечательного вкуса танских зодчих.

Танская культура оказала огромное влияние на соседние страны, и в частности на Японию.

К этому времени политическая карта мира неузнаваемо изменилась по сравнению с Ханьской эпохой. В конце V века окончательно рассыпалась Римская империя. Вся западная ее часть была завоевана варварами, в восточной же половине натиск германцев, гуннов и славян едва сдерживала Византийская держава, которой приходилось также вести борьбу с Ираном. Старая система связей, соединявшая Римскую империю со

Средним Востоком, распалась, и Западная Европа оказалась отрезанной от Индии, Средней Азии и Китая⁵.

Китай в Танскую эпоху

В Средней Азии, на территории нынешнего Казахстана, в степях Поволжья и Украины господствовали различные тюркские племена, которые враждовали с Китаем и нередко вторгались на его западные территории.

В VII веке на авансцену истории вышли арабы. За несколько десятилетий они покорили Сирию, Иран, часть Малой Азии, всю Северную Африку, а в начале VIII века завоевали Испанию и вторглись в Среднюю Азию и в Индию. Владения арабского халифата, столица которого сперва была в Дамаске, а с 750 г. в Багдаде, простирались, таким образом, от Атлантического океана до Инда и Сыр-Дарьи, и гавани в Персидском заливе были исходными пунктами широкой торговой экспансии на Восток, в страны южных морей.

⁵ Правда, сообщение между странами Запада и Китаем по суше, то есть по Великой Шелковой дороге, не прекращалось и в это время. В VI—VII веках в западных областях Китая появились колонии христиан-несториан, выходцев из Сирии. Эти несториане в V веке откололись от православной церкви и подверглись затем таким гонениям в Византии, что предпочли бежать на Восток в нехристианские земли. Несториане занесли в Кашгарию сирийское письмо, которое положено было в основу письменности некоторых обитавших там тюркских народов, в частности уйгуров. В Танскую эпоху несториане играли роль торговых посредников между Китаем и странами Передней Азии и через них сведения о Китае доходили до Византии. Много веков спустя вести о несторианских колониях на Востоке породили в Западной Европе легенду о царстве христианского владыки пресвитера Иоанна, которое европейцы искали в странах Дальнего Востока, в Индии и Эфиопии.

Немалую роль в торговых сношениях на межазиатских сухопутных трассах играли в ту эпоху также согдийцы: купцы из согдийских городов Самарканда, Мерва, Ходжента везли по Великой Шелковой дороге самые разнообразные товары и на восток — в Китай и на запад — в Сирию и Малую Азию. Согдийский язык был тогда языком азиатской караванной торговли, и согдийскую речь отлично понимали на рынках Ланьчжоу.

Индия являла собой мозаику феодальных царств и княжеств. Старые, некогда наиболее развитые области в бассейне Инда и Ганга были разорены белыми гуннами и тюрками; крепла и набирала силу Бенгалия, выдвинулись на историческую арену южноиндийские царства — Чалукья, Пандья, Паллава, Чола, очаги заморской колонизации, постоянно поддерживавшие связи с государствами Индокитая и Малайского архипелага.

Картину Индии того времени дал наиболее выдающийся китайский путешественник раннего средневековья буддийский монах-пилигрим Сюань Цзан. Его труд «Записки о странах Запада в эпоху великой [династии] Тан» («Датансиюцзи»), плод семнадцатилетних странствований, появился в 648 году и справедливо может быть признан величайшим произведением мировой географической литературы. Без «Записок» Сюань Цзана немыслимо изучение древней Индии, ее культуры, ее внутренней жизни, ее географии.

На островах Индонезии выросли могущественные ма-лайско-индийские державы; в VII веке на Суматре возникло царство Шривиджая (китайцы называли его Саньфоци), государство, морские силы которого господствовали в морях, омывающих Малаккский полуостров, Суматру и Яву, и контролировали Малаккский пролив, ворота из Индийского океана в Южно-Китайское море. Столица этого государства лежала в нижнем течении реки Муси, примерно там, где ныне находится город Палембанг. Вокруг простирались тщательно возделанные рисовые поля с цветущими селениями, Иранский географ Абу Сеид Хасан писал в 918 году, что в час, когда в городе Забаг (так иранцы и арабы называли Шривиджаю) петухи возвещают наступление дня, на клич этот отзываются все их собратья на сто и более фарсанхов⁶ вокруг. Шривиджая была видным центром буддизма, сюда в поисках источников мудрости — старинных рукописей, писанных на пальмовых листьях, — стекались из Китая и Индии десятки пилигримов.

На Яве образовались государства, в которых огромного расцвета достигла культура, восходящая к местным и к индийским образцам; в Индокитае по-прежнему существовало индо-тямское царство Тьямпа, а в дельте Меконга возникла держава, которую индийцы называли Камбоджей, а китайцы — Чэнла; в Камбодже, приемнице Фунаня, успешно развивалась культура кхмерских народов, обогащенная индийскими элементами.

В конце VII и начале VIII века в Южной Азии на великом муссонном пути сложилась новая система международных связей. Ее исходными звеньями были гавани Китая и Персидского залива, промежуточными — порты Малабарского и Коромандельского берегов Индии, Цейлона, Малаккского полуострова и Шривиджайи.

По этому пути в VII веке пришли в Китай иранские и арабские купцы из халифата. Арабы и иранцы — китайцы называли их даши — основали в портовых городах Южного Китая свои кварталы, и эти торговые колонии поддерживали оживленные сношения с гаванями на Персидском заливе и с торговыми арабскими факториями в южных морях⁷.

Даши торговали весьма активно и оттеснили на второй план индийцев и малайцев, которые во II—VI веках играли огромную роль в транзитной торговле на Южноазиатском морском пути. Однако у даши были сильные соперники — китайцы; в Танскую эпоху появились они на дальних морских путях и на собственных кораблях дошли не только до индийских гаваней, но и депортов Персидского залива.

О сношениях Китая со странами южных морей, сношениях, куда более оживленных, чем во времена Фа Сяня, свидетельствует прежде всего китайский путешественник-пилигрим И Цзин, который в конце VII века посетил Индию и Суматру. На его глазах возникло царство Шривиджая, в столице которого он изучал древние

⁶ Фарсанх — персидская мера длины; около шести и двух десятых километра.

⁷ По всей вероятности, в VIII—X веках иероглифы «ши» произносились иначе, и китайцы называли арабских и иранских гостей «та(да)джи».

буддийские рукописи. И Цзин говорит о регулярном сообщении на морском пути из Шривиджайи в Гуанчжоу. Он приводит имена тридцати семи паломников, которые в разное время, но примерно на протяжении второй половины VII века, совершили морем переходы из Гуанчжоу в индийские гавани. И Цзин приводит точный расчет времени этого перехода, который подтверждается арабскими географами.

Маршрут Гуанчжоу—Индия, И Цзин подразделял на следующие отрезки! Гуанчжоу — Шривиджая (или Ява), Шривиджая — северо-западная оконечность Суматры; северо-западная оконечность Суматры — Цейлон; Цейлон— устье Ганга (Тамралипти). Путь до Цейлона отнимал 90 дней. В Индию всегда шли зимой с северо-восточным муссоном, возвращались летом с юго-западным муссоном.

И Цзин, правда, указывает, что обычно китайские корабли доходили только до Шривиджайи, где путешественники пересаживались на другие суда. Но известно, что в 647 году китайский император направил на китайских же кораблях посольство в североиндийское государство Канаудж.

Впрочем, в VII и VIII веках постоянные переходы китайских кораблей в Индию стали совершенно обычным явлением, чему свидетельство замечательный труд о морских и континентальных путях из Китая в Индию «Описание десяти стран» Цзя Даня (740—805).

Цзя Дань приводит обстоятельные данные о маршруте Китай — Персидский залив, из которых явствует, что за 90 дней китайские моряки доходили до гаваней в Персидском заливе, по пути посещая Шривиджаю, Никобарские острова, Цейлон, Куилон (порт в южной части Малабарско-го берега) и Гуджарат⁸.

ОКНА В ДАЛЬНИЕ МОРЯ

В Танскую эпоху на берегах китайских морей создается та сеть торговых портов, которая существовала во все последующие эпохи истории Китая. Рос и богател Гуанчжоу, где в то время было множество даши (они называли этот порт Ханьфу).

В Тайваньском проливе, в бухте, глубоко врезанной в гористый фуцзяньский берег, возник богатый торговый город Цюаньчжоу, который у даши носил название Зайтон. Севернее Цюаньчжоу лежал значительный порт Фучжоу, а в глубине залива Ханчжоувань находился крупный город Ханчжоу, где, как и в Гуанчжоу, даши имели свои колонии.

Это были многолюдные города, равных которым не было в Западной Европе того времени. Вдоль деревянных пристаней выстроены были приземистые здания складов, в которых местные и чужеземные купцы хранили свои товары. За гаванью начинались кварталы, где постоянно жили заморские гости — даши, цейлонцы, тамилы и бенгальцы, выходцы из Чэнлы, Тьямпы и Шривиджайи. Рядом с многоэтажными буддийскими ступами высились белые и голубые минареты мечетей, муэдзины гортанными возгласами призывали правоверных к молитве, а в узких темных переулках в полночный час собирались в тайных капищах поклонники зловещей богини Кали. Города были прорезаны густой сетью каналов, а через каналы были переброшены мосты каменные и деревянные, с крытыми галереями, где шла оживленная торговля. Тысячи лодок, больших и малых, сновали по темным водам каналов. Драконы, тигры, змеи, слоны, львы, резанные на дереве, вылепленные из глины, отлитые из бронзы, украшали многие из этих лодок.

На рынках, шумных и пестрых, торговались надву-надесяти языках. Здесь продавали хорсанские ковры; клинки из Дамаска; амбру с берегов Занзибара; мускатные

⁸ Арабские и иранские географы IX века подробно описывают этот путь, отмечая, что от Сирафа, гавани на Персидском заливе, до Куилона корабли идут месяц; отсюда до гавани Калах на Малаккском полуострове путь продолжается также месяц, а от Калаха до Гуанчжоу — 34 дня. Таким образом, данные Цзя Даня в точности совпадают с данными арабских авторов.

орехи, имбирь, перец, гвоздику с Суматры, Малабара, Явы, Молуккских островов; дешевые хлопчатые ткани и тяжелую, затканную золотом парчу, носорожий рог и сан-даловое дерево, гашиш, сахар, слоновую кость, тигровые шкуры, жемчуг, кораллы, индиго. Краснобородые персидские гости, призывая в свидетели аллаха и его пророка Мухаммеда, до хрипоты торговались с китайскими купцами, скупая легкие, как пух, шелковые ткани, фарфор, нефритовые изделия, бумагу, лак, чай, тунговое масло, лекарственные травы и элексиры. Дородные таможенные досмотрщики — императорская казна неукоснительно взимала пошлину со всех чужеземных товаров — проплывали в высоких паланкинах над толпой.

Порой толпа плотным кольцом обступала заклинателя змей или фокусника. Впрочем, для всевозможных развлечений отведены были особые места. Здесь устраивались петушиные бои и конские скачки, причем коней для этих состязаний привозили из Ирана и Аравии, и болельщики VIII и IX веков по накалу страстей и азарту ничем не отличались от болельщиков нашего времени. Вечером разноцветные фонарики загорались на тесных, переполненных народом улицах, и синие, желтые, зеленые, красные отблески отражались в черной воде каналов. Настежь распахивались двери увеселительных заведений, разноязычные песни неслись из портовых кабачков. Их было много, и над ними, как над боевыми кораблями, реяли яркие вымпелы.

Ночью в бледном свете луны сказочно прекрасны были эти города с лесом мачт на рейдах, многоярусными пагодами, пустынными площадями, тихими каналами с горбатыми силуэтами мостов. Время от времени отбивали часы гонги ночной стражи. Медный звон, постепенно замирая, плыл над тихими улицами, над ласковым теплым морем, и снова наступала гулкая тишина.

Однако далеко не всегда царил мир в этих шумных торговых городах, которые были для Китая окнами в дальние страны южных и западных морей.

Беспокойное, жадное к наживе население чужеземных кварталов не раз доставляло танским императорам серьезные неприятности. В 758 году в Гуанчжоу взбунтовались даши, они дотла разграбили город и, захватив несметную добычу, ушли на родину.

Неоднократно вспыхивали волнения и в Цюаньчжоу, но когда стихали страсти, жизнь входила в старую колесу и снова открывались рынки, и караваны торговых кораблей прибывали из гаваней Персидского залива в южнокитайские порты.

Кораблестроение в Танскую эпоху далеко шагнуло вперед.

Морские суда строили в это время по крайней мере в тридцати пунктах на побережьях Желтого, Восточно- и Южно-Китайского морей; район устья Янцзы с его многочисленными реками, озерами и каналами стал гигантской кораблестроительной верфью.

В это время на воду спускались суда длиной до двадцати чжанов (шестьдесят два метра), на борту которых могло помещаться свыше шестисот человек.

В Суйскую эпоху, то есть в конце VI и в начале VII века, созданы были новые типы пятипалубных боевых кораблей-гигантов. Они назывались «у'я» («пять клыков») и их команда насчитывала восемьсот человек.

Флот суйских императоров состоял из десятков тысяч боевых кораблей типа *хуанлун* («желтые драконы») и *лун-чжоу* («суда-драконы»), каждый из которых нес на борту до сотни человек.

В искусстве кораблестроения китайцы успешно соперничали с арабами, иранцами и индийцами, хотя предприимчивые даши имели на Южноазиатском пути больше судов и чаще посещали Танскую империю, чем китайцы гавани халифата.

В истории Китая, так же как и в истории многих других стран, были периоды подъема и спада. Феодалная Танская империя на последнем этапе своего существования, в IX веке, вступила в полосу кризиса. Магнаты-землевладельцы достигли небывалого могущества, ослабла центральная власть и одновременно катастрофически ухудшилось положение многомиллионного крестьянства и городской бедноты. Весь IX век — эпоха

непрерывных крестьянских волнений, которые в 80-х и 90-х годах вылились в грозное восстание Вань Сянь-чжи и Хуан Чао; это восстание с трудом было подавлено феодалами с помощью чужеземных наемников (в Китае их называли «черными воронами»).

Во второй половине IX века пострадали приморские торговые города. Не раз они подвергались опустошению, и в конце концов разоренные чужеземные купцы начали покидать Китай. Большинство их на время обосновалось в Шривиджае и в гаванях Малаккского полуострова, заморская торговля в китайских водах оказалась парализованной. Разумеется, это тяжелое время не принесло никаких успехов мореплаванию.

КИТАЙ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К МОРЮ

В начале X века Танская империя прекратила существование. В течение 60 лет царил смута, причем в стране возникло несколько враждующих друг с другом царств, и Китай подвергся неоднократным вторжениям маньчжурских кочевников киданей.

В IX веке и в эту смутную эпоху (в историю Китая она вошла как время «Пяти династий») Китай потерял многие владения, приобретенные при первых танских императорах.

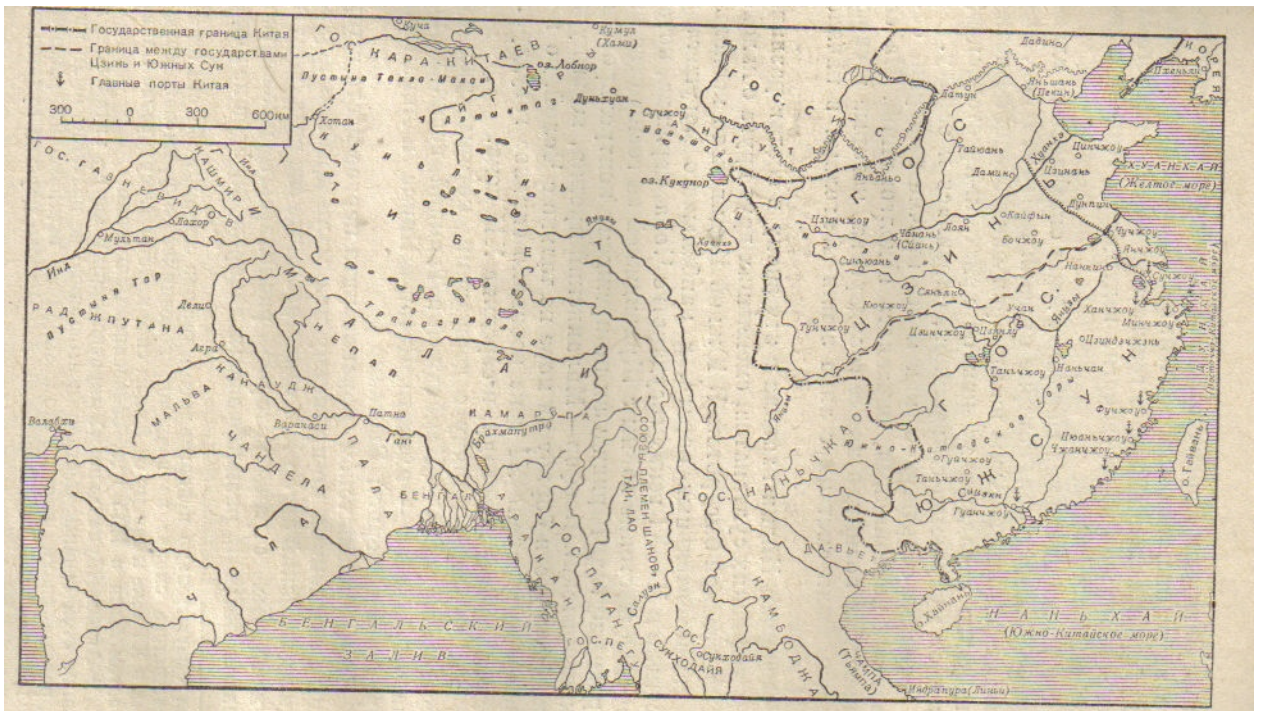
Утрачены были и вьетнамские земли, которые в течение девяти веков находились в вассальном владении Китая.

В 960 году к власти пришла Сунская династия, которой удалось снова объединить территорию страны и удержаться на престоле в течение более трех столетий⁹.

В X, XI и XII веках за рубежами Китая произошли существенные перемены; к этому времени распался арабский халифат и повсеместно на его землях — в Испании и Северной Африке, в Сирии и Иране, в Средней Азии и в Афганистане — возникло великое множество самостоятельных феодальных государств.

В самом конце XI века ополчения западноевропейских рыцарей-феодалов двинулись в крестовый поход на Восток, и на протяжении двух столетий Сирия и Палестина были ареной ожесточенной борьбы франкских захватчиков и коренных жителей этих стран — арабов. С крестоносцами пришли в гавани Кипра, Сирии и Палестины венецианские, генуэзские, пизанские и флорентийские купцы; Западная Европа продвинулась к рубежам восточного мира, она завязала сношения с Ираном и Египтом, вездесущие венецианские и генуэзские рыцари чистогана усиленно разведывали дороги, ведущие в Индию и на Дальний Восток.

⁹ Традиционные даты царствования Сунской династии 960—1280 годы. Фактически всей территорией Китая Сунский дом правил сравнительно недолгое время, так как северные области страны находились сперва во владении кочевников чжурчженей, создавших в XI веке к северу от Янцзы свое царство (государство Цзинь), а затем были в 1215 году завоеваны монголами.

Восточная Азия в XI – XII веках

В XI веке почти вся Передняя Азия оказалась во власти турок-сельджуков, которые пришли в Иран, Ирак, Закавказье и Малую Азию из приаральских степей. Византия, равно страдавшая как от христиан-крестоносцев, так и от мусульман-сельджуков, близилась к закату.

Держава сельджуков, как и все прочие империи, основанные кочевниками, оказалась недолговечной. На ее развалинах возникли новые государства, которые в свою очередь были сметены с лица земли монголами в начале XIII века.

Северная Индия входила в эту эпоху в состав различных тюркских султанатов, сменявших друг друга с калейдоскопической быстротой. В Южной Индии было несколько самостоятельных царств, и наибольшего могущества достигло в X—XI веках государство Чола, держава, которая вела жестокие войны с Шривиджаей за господство на морских путях. Шривиджая по-прежнему контролировала южноазиатский Босфор—Малаккский пролив, но вынуждена была вести борьбу на море не только с Чолой, но и с Явой, где в начале XI века возникло сильное государство, распавшееся, правда, в середине XII века.

В Индокитае наряду с державами, которые уже существовали ранее — Камбоджей и Тьямпой, возникли новые государства — империя Паган в Бирме и Аннамское царство в Северном Вьетнаме¹⁰.

На Южноазиатском морском пути первое место в торговых сношениях по-прежнему занимали арабы и персы; один китайский автор XII века писал, что «из всех богатых чужеземных стран, которые располагают множеством драгоценных и разнообразных товаров, ни одна не может превзойти Даши. Затем следует Дупо (Ява), а на третьем месте Саньфоци (Шривиджая)».

В сунский период территория, на которую распространялась власть императоров, сводилась по существу лишь к южнокитайским областям. Кочевые племена плотным кольцом охватывали с севера и запада эти земли, они контролировали все дороги, ведущие по сухопутью в страны Средней и Передней Азии.

¹⁰ Аннам (буквально «Умиротворенный юг») — китайское название этой страны; местное (вьетнамское) ее название было иное. В разные эпохи царство это называлось вьетнамцами различно. Условно можно для обозначения Аннамского царства принять название Да-Вьет.

А в связи с этим возросла роль морской торговли и морских сношений. Окна в мир, прорубленные в Ханьскую эпоху и расширенные в танское время, широко распахнулись в сунский период, когда Китай вынужден был решительно повернуться лицом к морю, когда путь на юг стал основной трассой его внешних связей.

Во всей полосе побережья Восточно- и Южно-Китайского морей — в устье Янцзы, в Чжэцзяне, Фуцзяни, Гуандуне — быстро развивались те торговые города, которые стали здесь на ноги еще в Танскую эпоху.

В одиннадцати приморских городах велась торговля с дальними странами, и четыре из них — Гуанчжоу, Ханч-жоу, Цюаньчжоу, Минчжоу (современный Нинбо в Чжэцзяне, у входа в залив Ханчжоувань), играли в этой торговле первостепенную роль.

Это было время, когда ремесло и торговля получили мощный стимул к дальнейшему и при этом очень быстрому росту. Повсеместно закладывались новые мастерские, возникали крупные торговые компании, разработана была практика кредитных операций и всеобщее признание получили бумажные деньги, известные еще в Танскую эпоху.

Морской торговлей кормились не только купцы приморских городов. Сунский двор извлекал из нее огромные барыши (в XII веке пошлины и сборы палат внешней торговли составляли двадцатую часть всех доходов империи), причем власти, ведавшие торговыми делами, проявляли иногда чрезмерное рвение, которое грозило гибелью курице, несущей золотые яйца.

В конце X века сунские императоры объявили заморскую торговлю монополией казны и учредили особые палаты внешней торговли (*шибосы*) сперва в Гуанчжоу, а затем в Ханчжоу, Нинбо и в Цюаньчжоу (здесь такая палата основана была в 1087 году). Правда, еще в 714 году в приморских городах появились инспектора по надзору за внешней торговлей (*шибоши*), но в Танскую эпоху власти ограничивались сборами пошлин и не пытались наложить руку на все торговые операции. Согласно сунским установлениям, казна, и только она одна, получала исключительное право на закупку у иноземных купцов «тонких» товаров — пряностей, предметов роскоши, лекарственного зелья, и приобретали эти товары «на корню», заставляя торговых гостей разгружаться на правительственные склады. Ни один иноземный купец не мог прикоснуться к своим товарам до тех пор, пока досмотрщики не закончат их опись и пока не будут внесены проходные пошлины, которые порой достигали сорока и даже пятидесяти процентов стоимости груза. Впрочем, даши пользовались льготами и платили эти пошлины в половинном размере.

Торговать с иноземцами могли лишь те китайские купцы, которые получали на это особое разрешение от торговой палаты.

Так как закупочные цены, которые установила казна, были низки, то процветала контрабанда. Чужеземные купцы шли на любые хитрости, чтобы обвести вокруг пальца таможенных чиновников. Были, например, указания, что только казне следует продавать крупные слоновые клыки.

Купцы, чтобы не иметь дело со столь невыгодным покупателем, еще на пути в Китай распиливали на части крупные бивни и «лом» слоновой кости на «законном» основании сбывали затем частным лицам,

В эпоху монгольского владычества власти то устанавливали монополию заморской торговли, то отменяли ее, причем наметилась новая, очень любопытная тенденция: казна вступала в соглашение с компаниями купцов и предоставляла этим компаниям ссуды и корабли, отбирая, однако, в свою пользу семь десятых прибылей.

Любопытно, что как раз в это время подобная же практика процветала в Генуе и Венеции.

Чтобы поощрить чужеземцев к торговле с Китаем, сунские императоры посылали в страны южных морей особые миссии, и чиновники-златоусты, попадая ко дворам ино-

земных властителей, не жалея слов, описывали богатые китайские рынки и воздавали хвалу отеческим заботам китайских властей о чужеземных купцах.

И усилия эти не пропадали даром. С 1049 по 1175 год ввоз иноземных товаров — слоновой кости, носорожьего рога, жемчуга, ароматических веществ, пряностей — вырос почти в десять раз, с пятидесяти трех тысяч до пятисот тысяч счетных единиц.

Чужеземные кварталы приморских городов, опустевшие в конце IX века, возродились в сунское время. В Гуанчжоу этот квартал назывался Фаньфань и насчитывал несколько десятков тысяч жителей; в конце Сунской эпохи не меньше иноземцев проживало в Цюаньчжоу и Ханчжоу, причем иностранные кварталы были своеобразным государством в государстве.

Иноземцы подчинялись старостам, которые назначались из числа их соотечественников, у них были свои судьи и свои школы.

В Сунскую эпоху Китай установил связи с Филиппинами, Калимантаном, Тимором, и китайские корабли постоянно курсировали на Южноазиатском морском пути.

В это время появляются замечательные географические работы, и авторами их были уже не монахи-пилигримы, а должностные лица служб, ведающих заморской торговлей, учреждений, в архивах которых накопилось множество ценнейших сведений не только о тех странах, которые посещали сунские кунцы, но и о землях, куда еще не ступала нога китайца.

В XII и XIII веках Чжу Ю, Чжоу Гу-фэйи особенно Чжоу Чжу-гуа, ревизор палаты заморской торговли в Фуцзяни, деятели сугубо практические, самым тесным образом связанные с купцами приморских городов, дали подробные «торгово-этнографические» описания всех «варварских» стран южных и западных морей. В трудах этих авторов описываются горы, реки, гавани больших стран, пути, которые туда ведут, нравы, обычаи и формы правления различных чужеземных народов. Чжоу Чжу-гуа обширный раздел своего трактата «Обозрение варварских народов» посвятил природным богатствам и объектам торговли заморских земель. В его «Обозрении» перечислены сорок три вида сырья и собраны сведения о малайских пряностях, благовонных смолах Аравии, жемчуге, который добывается в водах Индии, о драгоценных камнях Ирана, ценных сортах суматранской древесины, ароматических травах на островах Индийского океана. Географический кругозор Чжоу Чжу-гуа безграничен. Ему известны страны Африки — Бибало (Бербера) и Чжун-ли (Зендж) на Сомалийском полуострове, Цэньдань, или Цэнба (Занзибар), он пишет о стране Усыли (Египет), Сицилии и Мавританской Испании.

В XIII веке появляется огромный энциклопедический труд—собрание сведений о «чужеземцах» южных, западных, северных и восточных, в котором описаны все народы Дальнего, Среднего и Ближнего Востока — от Камчатки до Аравии. Автором этого труда был китайский ученый Ма Ду-ань-линь.

ЮГОУКАЗУЮЩАЯ ИГЛА

В истории китайского навигационного искусства Сунская эпоха была временем огромных революционных сдвигов, сравнимых с тем переворотом в кораблевождении, который пережила Европа в XV веке и начале XVI века. В досунские времена кормчие, водившие суда в открытом море, далеко не всегда были уверены, что корабль их придет в назначенное место.

Фа Сянь, корабль которого 70 дней блуждал по Восточно-Китайскому морю, писал: «только наблюдая солнце, луну и звезды, можно идти вперед. Если же погода дождливая и небо в тучах, корабль, влекомый по воле ветров, идет неведомым путем». Действительно, в те бескомпасные времена кормчий, «потеряв» Полярную звезду и Солнце, должен был вести корабль наугад, и если ненастье длилось много дней, а случалось так нередко, корабль легко мог заблудиться в открытом океане, как это и произошло с тем судном, на котором возвращался на родину Фа Сянь.

Поэтому кормчие предпочитали переходам через открытое море плавание вдоль берегов, где всегда можно было ориентироваться по знакомым очертаниям мысов, прибрежных островков, бухт и отмелей. Но такие плаванья были подобны шагам младенца, который может передвигаться, лишь держась за стенку.

В XI веке китайские моряки оторвались от «стены» и смело вышли на открытые морские просторы¹¹.

Это была истинная революция в мореплавании, вь званная применением на кораблях «югоуказующей иглы» — компаса.

Не случайно мы говорим о применении, а не о изобретении компаса. Дело в том, что свойства магнитной стрелки были известны в Китае с незапамятных времен, по всей вероятности уже с III века до нашей эры. Вот изображение компаса, который применялся в эпоху Ханьской династии (206 год до нашей эры — 25 год нашей эры). Это квадратная медная пластинка с делениями, на которой свободно вращалась стрелка из магнитного железняка. Впрочем, стрелкой этот стержень, имеющий форму нашей деревянной ложки, можно назвать лишь условно. Ложкообразная стрелка касалась медной пластинки с делениями только выпуклой своей частью и легко изменяла положение. Однако использовался такой компас только на суше.

Более совершенный компас, который нашел такое же применение, изобретен был в начале III века Ма Цзюнем; этот компас устанавливался на повозке и им могли пользоваться при сухопутных поездках.

На море китайские мореплаватели стали пользоваться югоуказующей иглой лишь в конце XI века или в самом начале XII века, и первые упоминания об этом встречаем в книге астронома Шэнь Го (конец XI века) и в трактате Чжу Ю, сына правителя города Гуанчжоу, который прекрасно был знаком с морским делом.

Чжу Ю писал: «Корабли отправляются из Гуанчжоу в одиннадцатую и двенадцатую луну [ноябрь—декабрь], дабы использовать северный ветер [северо-восточный муссон], и приходят обратно в пятую или шестую луну [май—июнь] с южным ветром [юго-западный муссон]. . . В море они ходят не только при ветре с кормы, но и при ветрах, дующих от берега или к берегу. Только при лобовых ветрах они не могут продвигаться вперед... Кормчим ведомы очертания берегов, и ночью они определяют путь по звездам, днем — по солнцу. Если же солнце скрыто за тучами, то пользуются они югоуказующей иглой...»

Применив компас в морском деле, китайцы опередили в навигационном искусстве все прочие народы мира. Только спустя столетие начали по примеру китайцев пользоваться компасом арабы и иранцы, а в Европе волшебная магнитная стрелка (там она стала не юго-, а североуказующей) нашла признание лишь в XIII веке¹².

¹¹ Есть предположение, что оторваться от берегов и выйти в открытое море китайцев побудили весьма реальные мотивы. Следуя новым курсом, китайские моряки могли оставить в стороне гавани Вьетнама, где купцам приходилось платить большие проходные пошлины.

¹² Возникает, естественно, вопрос: почему китайцы, зная свойства югоуказующей иглы, применили ее в морской практике спустя много веков после ее открытия.

Швейцарский ученый Леопольд Соссюр, автор ряда трудов по истории китайской астрономии, так объясняет причины этой задержки:

1. Звездные ориентиры гораздо яснее различимы в Китае, где северо-восточные муссоны очищают атмосферу, и в Индийском океане, чем в нашем европейском климате со столь частыми туманами.

2. Ветры стойких направлений облегчают вождение кораблей и в то же время с большим постоянством указывают основные румбы, которых следует придерживаться в плаваньи.

В Сунскую эпоху новые успехи были достигнуты в кораблестроительной технике и в организации морской службы, которая регулировалась изданными в 1141 году законами о навигации.

Современный китайский автор Чжан Сюань, говоря о навигационной практике Сунской и следующей за ней Юаньской эпох, так резюмирует многочисленные данные, которые содержат на этот счет китайские источники:

1. Китайские морские суда того времени могли перевозить от нескольких сот до тысячи и более пассажиров.
 2. На корабле был капитан, помощник капитана (*ган-шоу, фуганшоу*) и матросы различных категорий.
 3. Каждый корабль получал от таможенного управления свидетельство, в котором указывалась численность команды и количество пассажиров.
 4. Суда были вооружены для отражения пиратов.
 5. Материалом для постройки кораблей служила сосна, обшивка делалась трех- и четырехслойной.
 6. Корабли передвигались главным образом силой ветра и имели от четырех до двенадцати мачт, несущих паруса.
 7. В штиль применялись веша. Обычно судно имело от восьми до двадцати весел, за которые садились от четырех до двадцати-тридцати гребцов.
 8. Корабли имели по два якоря.
 9. На больших судах было пятьдесят-шестьдесят небольших, но весьма емких и удобных кают.
 10. На каждом крупном корабле было по несколько шлюпок, на которых подвозились топливо и питьевая вода и которые использовались для рыбной ловли.
 11. Трюмы больших кораблей делились на несколько наглухо отделенных друг от друга отсеков, так что в случае если корабль получал пробоину, вода проникала лишь в ближайшие отсеки, и судно не погружалось в воду.
 12. Во время плавания ночью ориентировались по звездам, днем — по солнцу, в пасмурную погоду — по компасу.
 13. Часто спускали за борт лот и отбирали образцы донного ила, по которым устанавливали примерное положение судна. Для измерения глубины пользовались том со свинцовой гирькой.
 14. В те времена чужеземные купцы предпочитали вать на китайских судах¹³.
- Добавим к этому, что в Сунскую эпоху на кораблях применялся любопытный поворотный механизм, который позволял придавать мачтам горизонтальное положение,

PAK MONGOLICA

3. К востоку от Индостанского полуострова очертания берегов и расположенных прибрежных островов благоприятны для каботажного плавания. К западу же от этого полуострова плавание в открытом море облегчается тем, что здесь господствуют муссоны и пассаты, так что проще пересечь в этих широтах океан, чем следовать вдоль берегов Аравии.

4. Компас удалось применить для навигационных целей только после того, как магнитная стрелка была посажена на шпильку. Это усовершенствование в свою очередь дало возможность привязывать показание стрелки к точной шкале румбов.

Соссюр считает, что югоуказующую иглу китайцы, вероятно, применили на море еще в I тысячелетии нашей эры, но поскольку конструкция компаса была примитивна, ему отводилась роль прибора, не слишком необходимого в условиях муссонного плавания.

¹³ Чжан Сюань. Мореходство в древнем Китае, Пекин, 1954 (вышла в русском переводе в Географгизе в 1960 году).

В первые годы XIII века горький дым пожаров возвестил начало завоевательных походов Чингис-хана. В 1215 году монголы покорили Северный Китай, овладели чжурчженским царством Цзинь, а спустя шесть лет их несметные полчища прошли через всю Среднюю Азию, обращая в руины цветущие города, разрушая оросительные системы, поголовно истребляя мирное население.

Вскоре участь Средней Азии постигла Иран, Закавказье и Русь, и разделенная на несколько улусов монгольская держава преемников Чингис-хана распростерлась на огромном пространстве от Желтого моря до Карпат.

Один из внуков Чингис-хана, Хубилай, носивший титул великого хана и владевший восточным улусом, в границы которого входил и Северный Китай, к 1279 году овладел всеми южнокитайскими землями.

Монгольские завоевания, в результате которых дотла были разорены десятки стран Азии и вся Восточная Европа, пагубно отразились на всех народах этих стран, и они долгое время вынуждены были переносить тяжкое чужеземное иго.

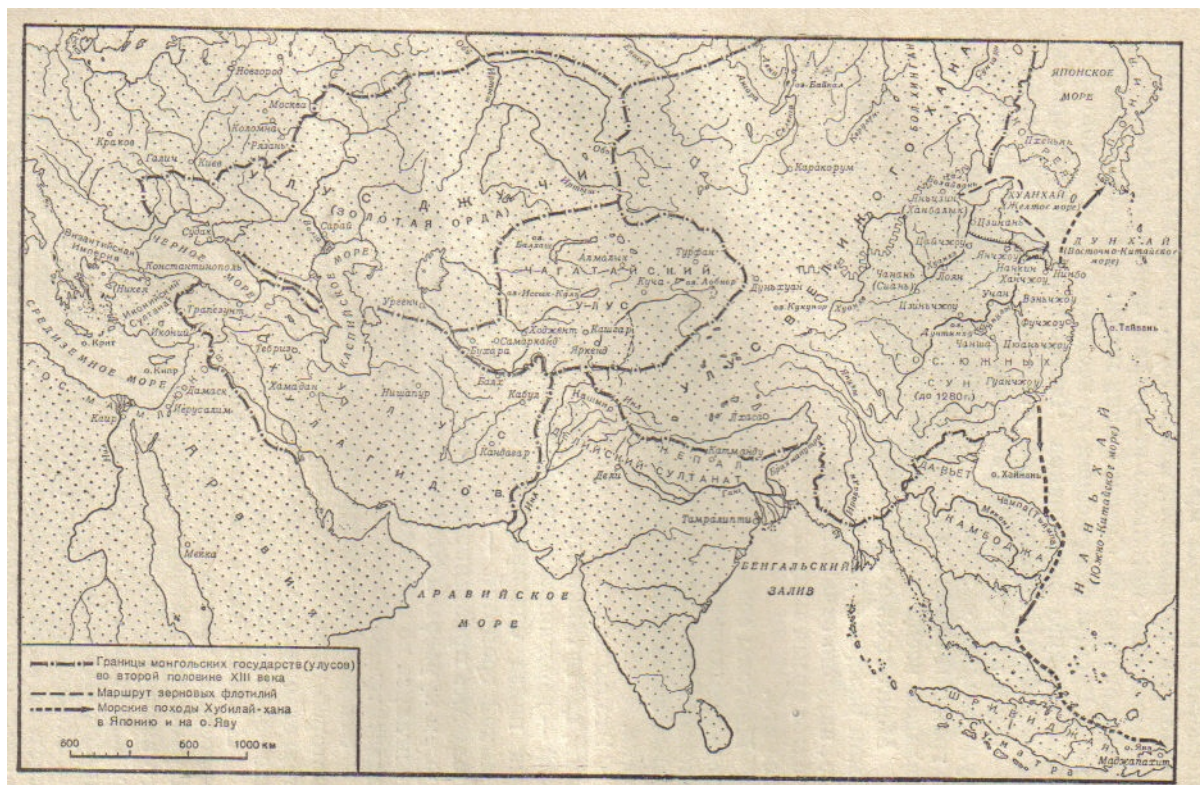
Монголы создали искусную систему эксплуатации всех подъяремных земель, и одним из важнейших звеньев этой системы была образцовая сеть сквозных путей, которыми оказались прошиты все владения потомков Чингисхана.

Это были почтовые тракты с многочисленными станциями, где путники странствовали, снабженные ханской пайзой — деревянной, медной, серебряной или золотой биркой; эта пайза одновременно служила и пропуском и охранной грамотой — тот, кто ее предъявлял, всегда мог получить пристанище, еду и свежих лошадей. По этим дорогам курьеры и баскаки монгольских ханов быстро передвигались во всех направлениях, выполняя приказы своих властителей.

Эти же дороги открыты были всем иноземным купцам, которым монгольские власти охотно оказывали покровительство; чем успешнее шли дела торговых гостей, тем больше обогащалась казна.

И снова, как в далекие ханские времена, древние сухопутные трассы, связывающие Китай с Средней Азией, Ираном и Средиземноморьем, стали магистралями мирового значения. По этим путям в XIII веке пришли в Китай европейские гости. В числе этих гостей был венецианский купец Марко Поло.

Монголы, покорив Южный Китай, не нарушили и той системы морских связей, которая сложилась там в сунское время. Они унаследовали от Сунской империи не только флот, но и опытных адмиралов и кормчих; вряд ли, однако, процветанию заморской торговли способствовали колоссальные и при этом неудачные экспедиции, которые Хубилай направил в 1274 и в 1281 годах в Японию и в 1292 году на Яву, чтобы овладеть этими странами.

Pax Mongolica

Размах этих завоевательных морских походов был грандиозный. В 1281 году Хубилай велел построить в Фуцзяни четыре тысячи пятьсот кораблей, снабженных баллистами, которые выбрасывали зажигательные снаряды; на кораблях погружены были многочисленные соединения пехоты и конницы. Эту экспедицию, так же как и экспедицию 1274 года, погибшую в Цусимском проливе, постигла, однако, участь испанской Великой Армады: флот был рассеян бурей и значительная часть кораблей пошла ко дну.

В походе 1292 года на Яву участвовало тысяча кораблей и двадцать тысяч солдат. Монгольская десантная армия благополучно высадилась на острове, но вскоре была разгромлена яванцами.

ЗЕРНОВЫЕ ФЛОТИЛИИ

На последующую историю китайского мореплавания оказали влияние не эти заморские походы, а сугубо мирные морские экспедиции—зерновые транспорты. В конце 70-х годов XIII века столица страны — Ханбалык (Пекин), город, где стояло огромное войско Хубилая, постоянно находился на голодном пайке. Зерно из южных областей страны привозилось в Ханбалык по суше, и гужевой транспорт не мог справиться с переброской колоссального количества грузов.

Система каналов, соединявшая долину Янцзы с северными реками, была крайне запущена, да и, кроме того, она также не в состоянии была обеспечить завоз зерна на север в нужном количестве.

Очевидно, выход из создавшегося положения был лишь один — организовать перевозку зерна морем. Чтобы сократить трассу пути из устья Янцзы в Бохайвань, решено было прорыть канал в основании Шаньдунского полуострова. В Шаньдун переброшено было десять тысяч солдат, десять тысяч моряков и тысяча кораблей; работы начались одновременно и на северном и на южном берегу, но вскоре выяснилось, что проложить канал через центральную часть Шаньдунского полуострова не удастся.

Тогда двум бывшим пиратам Чжу Циню и Чжан Сюаню, в свое время совершившим десятки набегов на берега Кореи и Ляодунского полуострова, поручено было построить шестьсот плоскодонных судов и проложить постоянную трассу в обход Шаньдунского полуострова к устью реки Байху, которая впадает в Бохайвань.

В 1282 году за шесть месяцев построено было шестьсот судов; эта флотилия в конце лета вышла в путь и весной следующего года достигла гавани Чжигу в устье Байху, перебросив на север сорок шесть тысяч ши зерна¹⁴. Эта первая экспедиция продолжалась свыше полугода, но опыт ее не пропал даром. Вскоре зерновые флотилии за 10 дней совершали переход из устья Янцзы к устью Байху, а в 1330 году морем перебрасывалось уже три миллиона пятьсот тысяч ши зерна.

В дельте Янцзы, на островах ее устья и на реке Люцзя-хэ возник самый крупный в мире центр кораблестроения. Здесь десятки тысяч моряков проходили подготовку к дальним морским плаваниям, сюда отовсюду стекались люди, охочие до моря. Кормчие зерновых флотилий считались непревзойденными мастерами искусства кораблевождения.

Что особенно важно — здесь на зерновой трассе разработаны были принципы четкой организации гигантских флотилий. Это была та школа, без которой оказались бы невозможными великие плавания Чжэн Хэ.

В конце XIII и в первой половине XIV века Гуанчжоу, Цюаньчжоу и другие приморские города вели торговлю с заморскими странами примерно в тех же масштабах, что и в Сунскую эпоху.

В 1349 году появился труд любознательного и вдумчивого китайского путешественника Ван Да-юаня «Описание островных варваров». Ван Да-юань сам побывал на Суматре, Яве, в Индии и на Цейлоне и описал девять стран на пространстве от Южно-Китайского моря до атлантических берегов Мавритании. Судя по его обзору, китайским купцам приходилось сталкиваться в южноазиатских водах с сильными соперниками. Правда, в середине XIV века уже исчезла некогда великая морская держава Шривиджая, но зато наивысшего расцвета достигло яванское царство Маджапахит, возникшее сразу же после изгнания монгольских захватчиков. В это время оно распространило свою власть на соседние острова — Суматру, Бали, Флорес и овладело берегами Малаккского пролива. Флотилии царства Маджапахит дошли до Филиппин и появились во внутренних водах Китая.

Кроме того, в южных морях усилилась активность мусульманских купцов, главным образом гуджаратцев, которые в XIV веке основали ряд своих опорных баз на Суматре.

Таким образом, в конце XIII и в первой половине XIV века масштабы китайской торговли вряд ли существенно изменились по сравнению с Сунской эпохой и приморские города Китая жили примерно так же, как и 50—100 лет назад.

ГОВОРIT МАРКО ПОЛО

О том, что собой представляли эти города, самым убедительным образом могут свидетельствовать записки гостей из другого мира — Марко Поло и Одорика Порденоне, францисканского монаха, который посетил Китай в 20-х годах XIV века.

Оба они были уроженцами Италии, страны великолепных городов. Царица морей — Венеция, город мраморных палаццо над зелеными водами каналов, город-амфибия, откуда корабли расходились во все концы света, Генуя — белая Генуя, город-купец в голубой излучине Лигурийского залива, с храмами и дворцами, штурмующими крутые склоны гор. Рим — слава мира, десятки квадратных миль монументальных руин, что могло сравниться на земле с этими городами?

Но вот венецианец Марко Поло попадает в царство великого хана и с почтительным изумлением говорит он о китайском городе Кинсае (Ханчжоу):

¹⁴ *Ши* — примерно соответствует центнеру.

«Пришли мы вот сюда и расскажем вам все о величии этого города; поговорить о нем следует, без спору то самый лучший, самый величавый город на свете ... город в округе около ста миль, и двенадцать тысяч каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить... Не удивляйтесь, что мостов тут много; город, скажу вам, весь в воде, и кругом вода... было там двенадцать ремесел и для каждого ремесла двенадцать тысяч домов; в каждом доме было по меньшей мере десять человек, а в ином пятнадцать, а то тридцать или сорок... Много здесь богатых купцов, и шибко они торгуют; и никто об этом истинной правды не знает, так тут много купцов... Богатства тут много, и доход великого хана большой; коль порассказать о нем, так и веры не дадут... В этом городе, знайте по истине, все улицы вымощены камнем и кирпичом, так точно все дороги в области Манги [Южном Китае]... В этом городе, скажу вам, добрых четыре тысячи бань, и есть ключи, где люди нежатся... бани эти самые красивые, самые лучшие и самые просторные в свете...»¹⁵.

А о Зайтоне [Цюаньчжоу] он говорит: «... на каждое судно с перцем, что приходит в Александрию или в другое место для христианских земель, в это пристанище, скажу вам, прибывает сто. То, знайте, самое большое в свете пристанище; товаров больше всего приходит сюда».

О другом великом китайском городе — Гуанчжоу, Одорик Порденоне писал следующим образом:

«Город этот такой по величине, как три Венеции... и кораблей здесь столько, и так велики они, что просто глазам не веришь. Право же, во всей Италии нет такого множества кораблей, как в этом одном только городе».

А в другом месте Одорик Порденоне говорит: «Я собрал сведения [об Южном Китае] от христиан, сарацин и язычников и от подданных великого хана, и все они говорили мне, что в провинции Манзи [Южном Китае] две тысячи больших городов и что города эти столь величественны, что ни Тревизо, ни Венеции не могут стать в один ряд с ними. А народу в этой стране такое множество, что нам сие кажется невероятным... и в стране этой великое изобилие хлеба, вина, риса, мяса, рыбы и всяческих иных припасов, любых, какие только потребляются в этом мире».

И мысленно сравнивая Китай и Италию, Марко Поло и Одорик Порденоне все время опасаются, что их земляки сочтут правдивые сообщения о стране великого хана беспардонной ложью...

В самом деле, кто же в Италии того времени мог поверить «небылицам» о горячих камнях, которыми в Китае топят печи, или о клочках бумаги, которые в этой стране ходят наравне с золотой монетой!¹⁶

МИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Обозревая историю китайского мореплавания и китайских заморских связей, мы подошли непосредственно к той эпохе, с которой связаны семикратные плаванья Чжэн Хэ.

¹⁵ Отметим, кстати, что Марко Поло, описывая китайские города, многое весьма основательно преувеличивал.

На самом деле длина городских стен Кинся-Ханчжоу была не сто, а лишь десять-двенадцать миль. Конечно, в городе не было двенадцати тысяч мостов. Иранский автор начала XIV века Вассаф говорит о трехстах сорока мостах, фактически же их было триста сорок семь: в самом городе — сто семнадцать и в предместьях — двести тридцать.

¹⁶ Отметим, что уже во времена Одорика Порденоне немало европейцев проживало и в столице Китая Ханбалыке, нынешнем Пекине, и в Зайтоне-Цюаньчжоу, а также в других городах страны.

Эпоха эта начинается в 1368 году, когда в результате всенародного возмущения было свергнуто в Китае монгольское иго.

Вождь победоносного восстания Чжу Юань-чжан, выходец из крестьянской семьи, принял императорский титул и под именем Тай-цзу вошел в историю Китая как основатель новой, Минской династии, правившей в стране до 1644 года.

В Китае появились францисканские миссии и генуэзские купцы. И любопытная деталь: Иоанн Мариньолли, папский легат, посетивший этот город около 1346 года, писал, что генуэзцы держат склад своих товаров в одной из зайтонских духовных миссий.

Чжу Юань-чжан (Тац-цзу)

В истории Китая начальные этапы правления многих династий обычно бывали временем заметного подъема. Так происходило и в Ханьскую, и в Суйскую, и в Танскую, и в Сунскую эпохи, так было и в первые десятилетия минского периода.

Эти периодические циклы оживления страны, возрождения ее экономики, расцвета ее творческих сил, разумеется, объяснялись не личными заслугами основателя той или иной династии.

Новые династии нередко воцарялись в Китае в кульминационные моменты глубоких кризисов, которые расшатывали обветшавшую государственную машину и выносили на волне широких народных движений новые элементы, враждебные свергнутому режиму. Основатели этих новых династий на первых порах вынуждены были считаться с интересами народных масс, и в первую очередь с крестьянством — главной движущей силой революционных переворотов.

Однако при всех этих переворотах основы феодального строя оставались неизменными. И в деревне и в городе сохранялись старые формы феодальных отношений, старый способ производства, старая система эксплуатации. В результате та социальная прослойка, которая в ходе переворота приходила к власти, становилась в скором времени подобием разгромленной и свергнутой феодальной клики. Прибирая к рукам лучшие земли, захватывая теплые местечки в аппарате управления, она в конечном счете превращалась в паразитический нарост, злокачественную опухоль, которая высасывала все живые соки страны.

В январе 1368 года Чжу Юань-чжан обратился к правительственным чиновникам с таким призывом: «Поднебесная только что утвердилась, средства и силы ее народа на исходе. Она подобна пустившейся в полет птице, у которой нельзя выщипывать перья, или только что посаженному дереву, у которого нельзя ворошить корни; она нуждается в том, чтобы о ней позаботились и дали ей набраться сил».

На первых порах минский переворот 1368 года принес стране немалое облегчение. Прежде всего благодаря решительной победе антимонгольских народных ополчений Китай был очищен от несметной орды иноземных захватчиков. Монгольские владыки и их местные приспешники были изгнаны; при этом они потеряли все награбленные земли, которые перешли в ведение минской казны.

Множество рабов и крепостных получило свободу, немало крестьян переселено было на прежде заброшенные или целинные земли, отменены были изнурительные подати и поборы, которые при последних монгольских императорах чудовищным бременем ложились на все тягловые сословия, и в частности на торговых людей. Решительные меры были приняты против лихоимства — этой язвы, которая разъедала всю систему управления страной при монголах. Указами императора за взятки, если сумма превышала шестьдесят тысяч лян серебра, рубили голову; с казенных лихоимцев сдирали кожу и набивали ее соломой, а затем эти жуткие чучела выставляли на всеобщее обозрение. Мелких взяточников отправляли на тяжелые работы, и все эти грозные установления соблюдались весьма строго. Чжу Юань-чжан оказывал покровительство богатому и влиятельному купечеству, он поощрял все виды ремесла и предпринял решительные меры для освоения земель, заброшенных в годы чужеземного владычества и антимонгольского

восстания. Было распахано множество целинных земель и сооружены десятки тысяч плотин и запруд.

Но огромные пространства изъятых у монголов земель розданы были новой аристократии и чиновникам разных рангов, крупные поместья оказались в руках военачальников, которые помогли Чжу Юань-чжану прийти к власти. Вдобавок Чжу Юань-чжан роздал двадцати трем своим сыновьям крупные уделы, и каждый из этих удельных князей — *чжуванов* — получил право держать свое собственное войско. Естественно, что за кратковременной передышкой, которая последовала после эпохи монгольского владычества в годы правления Чжу Юань-чжана и его ближайших преемников, неизбежно должна была наступить полоса спада и застоя.

Передышка эта принесла, однако, свои плоды — она вызвала оживление во всех областях внутренней жизни страны.

ПУТЕШЕСТВИЕ В XIV ВЕК

Совершим небольшую «производственную» экскурсию в Китай эпохи Чжу Юань-чжана. Наш маршрут будет проходить по центральным и южным областям страны и должен храниться в тайне. Минские власти очень подозрительно относятся к иноземцам, особенно к тем из них, кто приходит в Китай с запада.

В южных землях Китая в ночную пору в темном небе часто вспыхивает багровое зарево. Здесь выплавляют железо и варят сталь. На юго-западе это старый промысел, и во многих семьях здесь насчитывается двадцать поколений литейщиков и кузнецов — столь древней родословной вряд ли могут похвалиться царедворцы Чжу Юань-чжана.

После свержения монгольского владычества в Сычуани, в Хэбэе и Гуандуне построено было много новых чугуноплавильных печей, принадлежащих казне (самая большая из них находилась в Лунжоу, в Сычуани), и на эти заводы отправлено было немало государевых крепостных и рабов.

По отчетам управителей казенных заводов — тье-гуаней, за год во всем Китае выплавляется восемнадцать миллионов цзиней железа (около десяти тысяч тонн), и в чушках и болванках металл везут к пристаням на Сицзяне и Янцзы, чтобы переправить его на кораблестроительные верфи и в оружейные мастерские.

Южнее, в Гуанси и Юньнани добывают медь, олово и серебро. Юньнань, самая южная земля Китая, недавно лишь окончательно присоединенная к империи, это истинное «серебряное» дно, и, по мнению опытных рудознатцев, серебра здесь может хватить на многие века, они считают, что в юньнаньских недрах серебра больше, чем во всех прочих областях страны, вместе взятых.

Во многих фу (округах) страны производят фарфор. Еще издавна получили известность изделия мастерских в Гуаньяо близ Кайфына, старой столицы сунских императоров. Но ничего подобного новым казенным мастерским в Цзиндэчжэне, что в Цзянси, Китай еще не знал. Здесь построено три тысячи печей для обжига фарфора и работает несколько десятков тысяч человек, и этот фарфоровый город раскинулся на площади в тридцать пять квадратных ли (около десяти квадратных километров). Белый, как снег, чистый и мягкий каолин добывают поблизости, а кобальтовую краску для синего фарфора доставляют сюда с берегов Калимантана (Борнео). Мастерские в Цзянси, Хэнани, Хэбэе, Чжэцзяне и других китайских землях выпускают миллионы изделий с прозрачной цветной глазурью, голубой, синей, алой и зеленой, фарфор с изумительно тонким кружевным узором. На вес золота ценятся почти прозрачные чаши с глазурью цихун цвета бычьей крови; только китайским мастерам ведомы секреты окраски фарфора. Эти благородные изделия пользуются неизменным спросом в Индии и на Ближнем Востоке, в Средней Азии и далеком Средиземноморье. Проходя через десятки рук, китайский фарфор попадает в Европу; короли из дома Валуа и банкиры из династии Медичи ценят эти хрупкие изделия даже не на вес золота — много ли весят тонкие, как лепестки лилии,

вазы и чаши из страны Китая? — и сотни флоринов они готовы заплатить за сервис работы цзянсийских мастеров, И только у китайцев фарфоровая мебель и статуи, фарфоровые дома и башни.

Выделкой шелковых тканей Китай славился с незапамятных пор. Но десятки новых мастерских появились после изгнания монголов и двадцать особых окружных палат создано для управления казенными предприятиями; эти мастерские дают куда больше тафты, газа, шелкового полотна, кисеи различных сортов, парчи великолепных расцветок, нежных и в то же время глубоких и ярких, чем шелкоткацкие предприятия Сунской и Монгольской эпох. Через руки размотчиков, крутильщиков, красильщиков, чесальщиков, ткачей, мастеров набивки узоров, работающих сообща под одной крышей, проходят коконы и пряжа, которые постепенно превращаются в скрипучую, легкую ткань с ослепительным блеском. Каждый из них выполняет определенные операции, и шелк создается в процессе разделения труда, а крупные мастерские по характеру своему уже напоминают мануфактуры.

Вот как описывает один из центров шелкоткацкого ремесла — город Шэнцзэжэнь близ Сучжоу — автор Минской эпохи:

«Городок населяет множество народа... все они занимаются прядением шелковых тканей, и шум ткацких станков слышен всю ночь напролет. По обе стороны рынка тянутся помещения скупщиков числом более тысячи ста. Мастерские в дальних и ближних деревнях ткут шелк, и все приходят сюда на рынок. Множество торговцев-скупщиков слетается в это место со всех сторон».

В восточной части города Сучжоу, говорится в другом источнике, все заняты ткачеством и работают в больших и малых мастерских, каждый ткач имеет свою узкую специальность и получает поденную плату.

В казенных фарфоровых мастерских в Цзиндэжэне и в других местностях рабочие делились на пять групп и на двадцать два разряда. Ткацкие заведения в Кайфыне, Нанкине и в городах Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна выпускали различные сорта хлопчатых тканей.

Создаются специализированные мастерские: в некоторых из них выделяется лишь белое полотно лучшего качества (*бяобу*), в других — ткань средней руки (*чжунцзи*) или узкие и короткие штучные ткани — *сяобу*.

А для того чтобы непрерывно работали мастерские казны, насыщая китайские и чужеземные рынки товаром, власти строго следят за выполнением императорских указов, которые не только определяют годовой выпуск продукции, но и предписывают каждому землевладельцу в обязательном порядке отводить определенную долю земли под тутовые деревья, хлопок, коноплю. У кого земли от пяти до десяти му¹⁷, говорят эти указы, должен отвести половину му под каждую из названных культур, «а буде участок больше десяти му, доля сия должна соответственно удваиваться».

Бумагу вырабатывают в Аньхое, Чжэцзяне, Фуцзяни, Хунани, Цзянси и на юге страны в казенных и частных мастерских.

Используется самое разнообразное сырье — бамбук, лубяные культуры, тряпье, рисовая солома, изготавливаются десятки сортов и видов бумаги, и вывозят ее во все страны мира.

Далеко позади осталась младенческая пора книгопечатания, когда текст оттискивался с гравировальных досок. Широко применяются доски со сменными литерами — медными, оловянными, свинцовыми; появляются цветные печатные ксилографии — гравюры на дереве. Способ сменных литер китайские печатники знали уже в Сунскую эпоху, лет за 400 до Гутенберга, но прежде эти технические новшества не находили такого широкого применения; книга в Минскую эпоху получает куда большее

^{17 1} Му — шестнадцатая часть гектара.

распространение, чем в прежние времена, хотя, как и раньше, безмерно трудная грамота остается недоступной шестидесятимиллионному китайскому народу¹⁸.

НУЖНА ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Казалось бы, что казна, которая владела львиной долей китайских предприятий самого различного типа и которая придерживалась в части внешней торговли жесткого режима монополии, установленного в Сунскую эпоху, была остро заинтересована во всемирном расширении местного и чужеземного рынков. Ее интересы явно совпадали с интересами богатого и влиятельного купечества приморских городов. Кроме того, особые обстоятельства, подобные тем, которые во многом определяли торговую политику сунского времени, определяли и жизненно важное значение морских связей.

Ведь Минский Китай в отличие от державы Хубилая и его преемников не поддерживал с Западом сношений по суше.

На его западных рубежах велись непрерывные войны, его врагами были монголы и мощная империя, созданная в кровавых завоевательных походах последних десятилетий XIV века Тимуром, империя, в границы которой входила Средняя Азия, Иран, часть Северной Индии и часть Ирака и Малой Азии.

Старая домонгольская и монгольская система торговых дорог, которые по сухопутью связывали Китай с Передней Азией, вышла из строя. К семидесятым годам XIV века прервались сношения Западной Европы с Китаем, исчезли генуэзские торговые фактории в Зайтоне. Ослабли связи с Ираном и Средней Азией, пески пустынь поглотили заброшенные города на Великой Шелковой дороге. Руины этих убитых песками городов археологи находят и в бассейне Тарима и в Ордосе. Одним из таких мертвых оазисов является город Хара-Хото, открытый замечательным русским путешественником П. К. Козловым.

В этих условиях китайская торговля нуждалась в «зеленой улице» на Южноазиатском морском пути, который с ханьских времен связывал Серединную империю со странами Среднего и Ближнего Востока.

А между тем положение, которое создалось в конце XIV века, было мало утешительным.

По причинам не вполне ясным, Чжу Юань-чжан не склонен был поощрять заморскую торговлю. Возможно, безуспешная борьба с японскими пиратами настраивала его на пессимистический лад¹⁹, но так или иначе связи с южными морями ослабли во второй половине XIV века. В 1374 году были совершенно упразднены палаты внешней торговли в Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне и около этого времени запрещено было частным особам выходить в море на кораблях, имеющих более двух мачт. В 1390 году запрещен был вывоз золота, серебряной монеты, тканей и оружия, а в 1394 году такой же запрет наложен был на ввоз ряда чужеземных товаров. Торговые сношения с Сиамом, Тьямпой и Камбоджей регулировались весьма жесткой системой ограничений²⁰. На

¹⁸ В 1393 году в Китае насчитывалось шестнадцать миллионов пятьдесят тысяч дворов и шестьдесят миллионов пятьсот сорок тысяч человек, на семь миллионов больше, чем при монголах. Эти цифры периодических переписей не очень точны и преуменьшены.

Напомним, что в XIV веке население Англии едва ли превышало три миллиона, а Италии — десять-одиннадцать миллионов.

¹⁹ Японские пираты действовали столь активно, что в 1387 году, на участке морского побережья от Шаньдуна до рубежей Гуандуна пришлось построить семьдесят одно укрепление и направить для охраны китайских гаваней пятьдесят восемь тысяч солдат.

²⁰ В XV веке японцы называли эту систему системой канго (бирочной). Суть ее сводилась к тому, что заранее определялось количество кораблей, которыми Китай

самой трассе Южноазиатского морского пути обстоятельства складывались невыгодно для Китая.

В 70-х и 80-х годах XIV века наметились явные признаки упадка яванского царства Маджапахит, Огромные островные державы начали распадаться, причем очагами сепаратизма везде оказывались торговые приморские города.

На Суматре, вдоль ее северного берега, возникло несколько независимых государств, центрами которых были такие города. Местные властители, в большинстве случаев мусульмане — арабы и гуджаратцы, жили транзитной торговлей и обременяли всех чужеземных купцов, которые проходили через их гавани, огромными пошлинами. Точно такая же картина наблюдалась и в Индии, где независимые и полунезависимые приморские города Коромандельского и Малабарского берегов взимали с торговых гостей не менее разорительные пошлины.

Таким образом, мзда, которую платили китайские купцы на пути из Цюаньжоу или Гуанчжоу в гавани Мала-бара и Персидского залива, порой превышала себестоимость товара, перевозимого на индийские и иранские рынки. Вдобавок конкуренты китайцев — арабы и гуджаратцы, единоверцы суматранских правителей, пользовались всевозможными льготами и повсеместно держали свои фактории и склады.

Воды малайских морей в то время были истинным раем для пиратов: пираты безнаказанно грабили караваны торговых судов, а затем с богатой добычей укрывались либо в пустынных бухтах Вьетнама, Малаккского полуострова и Суматры, либо в гаванях суматранских и яванских властителей, которые нередко были компаньонами морских разбойников и охотно оказывали покровительство этому выгодному промыслу.

Вань Да-юань с горечью писал, что в проливе Линь-ямэнь (ныне Сингапурский пролив) пираты систематически нападают на китайские торговые корабли. «Когда,— жаловался он,— корабли идут в Западный океан, пираты пропускают их свободно, но на обратном пути... все моряки берут в руки оружие... ибо наверняка две или три сотни пиратских джонок подстерегают их здесь. Порой морякам выпадает удача и попутные ветры, и им удается проскользнуть мимо пиратов. Если же этого не случается, то пираты истребляют весь экипаж и захватывают все товары».

Поддерживать престиж китайской державы в далеких водах Западного океана (так китайцы называли все моря к западу от Калимантана) было чрезвычайно трудно. Так, Чжан Юань-чжан вынужден был ограничиться бессильными угрозами, когда на восточной Суматре беглый китайский каторжник захватил власть в одном мелком княжестве и стал промышлять морским разбоем, грабя китайские корабли.

Кроме того, далеко не безопасно было совершать длительные рейсы в Западном океане, не имея там собственных опорных баз, где мореплаватели всегда могли бы пополнить запасы продовольствия, пресной воды и топлива и не платить пошлины местным мздоимцам.

Трудно было навести порядок на Южноазиатском морском пути, послав в малайские моря одну или две эскадры. Такие эпизодические операции не могли принести Китаю никакой пользы, и в Китае понимали, что нельзя резать кисель ножом.

Чтобы прочно утвердиться на Южноазиатском морском пути, необходимо было установить над ним действенный контроль, основать ряд опорных пунктов и баз на берегах Явы, Малаккского полуострова, Суматры и Цейлона и систематически поддерживать с этими базами связь.

должен обмениваться с той или иной страной. Численность их обычно была весьма мала, а на борту их не должно было находиться более ста — ста пятидесяти человек, причем имена членов команды и пассажиров заносились в особые списки (канго), составлявшиеся в двух экземплярах, и соответственно пересылались в Пекин и в столицу той страны с которой велась торговля.

Это была нелегкая задача и разрешена она была в начале XV века при третьем императоре Минского дома Чэн-цзу (1403—1425) великим флотоводцем Чжэн Хэ.

ОБЛАЧНЫЙ ЮГ

Юньнань — «Облачный юг» — одна из самых южных земель Китая. На ее западных рубежах поднимаются убеленные вечными снегами хребты, которые широкой дугой охватывают Тибет — высочайшее на земле нагорье. Пики этих гор выше Монблана и Казбека, и их склоны прорезаны глубокими долинами рек, истоки которых лежат далеко на севере, в Куньлуне. Здесь рядом протекают три великие реки — Янцзы, Меконг, Салуэн; пути этих рек ближе к южной границе Юньнани расходятся широким ребром; Янцзы, кормилица Китая, круто поворачивает на восток, к Восточно-Китайскому морю, Меконг течет на юго-восток и, орошая земли Лаоса и Камбоджи, впадает в Южно-Китайское море, Салуэн устремляется прямо на юг в Бирму и к Индийскому океану. В юньнаньских горах зачинаются младшие сестры Янцзы, Меконга и Салуэна — Красная и Черная реки.

К исполинскому горному поясу примыкает обширное Юньнаньское нагорье, которое становится все ниже и ниже по мере приближения к восточным границам Юньнани. Густая сеть рек глубоко врезывается в это плато, поднятое над уровнем моря на высоту Карпат и Уральских гор, Течение рек здесь стремительное, их ложе образует бесчисленные пороги, порой они пробивают себе путь через ущелья и каньоны с обрывистыми склонами головокружительной высоты. Кое-где небольшие речки внезапно исчезают: их поглощают подземные каналы, которые, словно ходы гигантских кротов, пронизывают массивы известняков. Повсеместно на этом плато рассеяны озера.

Северный тропик пересекает Юньнань, но высота умеряет тропический зной. На Юньнаньском нагорье суровые таежные леса с елью, лиственницей и пихтой прочно занимают самые высокие участки. Чуть ниже ель сменяется дубом, грабом, сосной, еще ниже к ним примешивается куннингамия и тиковое дерево, а на дне долин и глубоких котловин тропический лес, густой, непроходимый, с зарослями бамбука, фикусами, магнолиями, сандаловым деревом, царит безраздельно. Таким образом, Сибирь и Индия уживаются здесь бок о бок: под таежными владениями медведей и рысей, в непроходимых джунглях обитают слоны, тапиры и тигры.

В этом краю человек всегда стремился осесть не в речных долинах, а в просторных впадинах озер. Лучшие земли, давно отвоеванные у леса, лежали на берегах и на широких террасах озер Дяньчи, Фусяньху, Эрхай в восточной части Юньпаньского нагорья. Но удобных земель было мало. Даже в наше время только шесть процентов площади используется здесь в земледелии, даже сейчас в этой области, которая по размерам превышает всю Италию, проживает лишь немногим более пятнадцати миллионов человек — цифра, ничтожная в масштабах Китая. Юньнань издревле заселили не китайские народы. Здесь была родина народов тай, которые впоследствии заняли бассейн Менама и прочно утвердились в Сиаме. Здесь жили и живут поныне народы цзинпо, мяо и др. Здесь с VII по XIII век располагалось мощное царство Наньчжао, которое вело успешные войны с Танской империей и лишь номинально числилось вассалом Китая.

Через Юньнань, край бездорожный, землю, где редкие селения связаны были между собой лишь вьючными тропами, проложенными вдоль крутых склонов ущелий, издревле проходил очень важный транзитный путь из Гуандуна в Бирму; за обладание этой трассой Китай вел постоянные войны с теми царствами, которые владели юньнаньскими землями.

Хубилай, желая завоевать весь Индокитай, бросил огромные армии в Юньнань, преддверие Бирмы и Лаоса, разгромил властителей Наньчжао, уничтожил эту державу и покорил ее владения. Монголы согнали в малярийные трясины и оттеснили высоко в горы коренных жителей и овладели их лучшими землями. В Юньнань был открыт путь

китайским переселенцам, и вскоре на берегах Дяньчи и Фусяньху появилось множество китайских селений; рис и чай завоевали здесь обширные приозерные террасы, старый город Куньмин на высоте двух тысяч метров близ северных берегов Дяньчи стал столицей новой провинции Серединной империи. Здесь добывали серебро, олово, медь — недра Юньнани были несметно богаты.

Километрах в шестидесяти к югу от Куньмина над озером Дяньчи стоял небольшой город Куньян. Расположен он был на бойком месте — на большой бирманской дороге, в двадцати днях пути от Гуанчжоу и в нескольких переходах от границ Бирмы. Куньян после монгольского завоевания стал центром чжоу, округа или уезда; здесь была резиденция окружных властей, здесь обосновалась колония китайских купцов, а в окрестности сеяли пшеницу и рис китайские крестьяне-переселенцы. И в самом Куньяне и в его окрестностях, на берегах Дяньчи и в горах, жили «тумень» — люди племен мяо и цзинпо. Они говорили на языках, непонятных китайцам, и с недоверием относились к пришельцам с севера. Тогда этих аборигенов Юньнани было здесь во много раз больше, чем китайцев.

ЧЖЭН ХЭ ВСТУПАЕТ В ЖИЗНЬ

Должно быть с монгольским войском пришел в Куньян во второй половине XIII века некто Бань Янь. Кем он был, что делал в Куньяне — не известно. Мы знаем лишь — об этом свидетельствует эпитафия на могиле отца Чжэн Хэ,— что этот Бань Янь был прадедом великого мореплавателя.

Близкое по звучанию имя Байян весьма нередко встречается в истории завоевательных походов Чингис-хана и его преемников; так, в частности, звали одного из наиболее выдающихся полководцев Хубилая, но был ли прадед Чжэн Хэ монголом — сказать трудно. Дед и отец Чжэн Хэ жили в Куньяне и — чрезвычайно любопытная подробность, отмеченная в той же эпитафии,— оба они носили звание *хаджи*. А так и поныне называются пилигримы, побывавшие в Мекке. Следовательно, и сам Чжэн Хэ и его родители были мусульманами.

По всей вероятности, отец Чжэн Хэ служил мелким чиновником в одном из окружных присутствий Куньяна. Имел он шестеро детей и весьма скудные достатки; к тому же в те годы, когда родился Чжэн Хэ, а дата его рождения это 1371 год, жизнь в Юньнани была беспокойной.

На этой южной окраине Китая еще удерживались монгольские наместники, которые вели борьбу с Минской империей. В 1381—1382 годах Юньнань была завоевана войсками Чжу Юань-чжана. При вторжении минских войск весь район Куньмина и Куньяна был совершенно razoren. В 1382 году отец Чжэн Хэ умер, и семья осталась без кормильца. Видимо, в это тяжелое время и постигла Чжэн Хэ непоправимая беда: мальчика продали в рабство и оскопили; затем он попал в Пекин ко двору одного из сыновей Чжу Юань-чжана, великого князя (яньвана) Чжу-ди, и спустя несколько лет стал его главным евнухом.

Обычно наиболее способные юноши-евнухи, которые попадали ко двору, предназначались либо для канцелярской, либо для военной службы. Вероятно, путь в канцелярию был закрыт для Чжэн Хэ — современные китайские историки пришли к заключению, что великий мореплаватель в молодости не получил образования. Естественно поэтому, что он не мог стать без надлежащей подготовки (а в китайских условиях она отнимала долгие годы) чиновником. Надо думать, что это пошло на пользу Чжэн Хэ: его миновала каторжная участь писцов императорских канцелярий, его не иссушили изнурительные труды в пекинских бюрократических заповедниках.

Военная служба бесспорно оставляла куда больше возможностей для одаренного юноши, причем карьере его ни в какой степени не препятствовало то обстоятельство, что он начал свою службу уже будучи евнухом.

В середине века не только в Китае, но и на Арабском Востоке и в Византии евнухи нередко занимали высокие государственные должности. Обычно они были выходцами из непривилегированных сословий и попадали во дворцы императоров, султанов и эмиров через невольничьи рынки. Поэтому евнухов — людей, которые не имели никаких связей со знатными фамилиями, восточные властители охотно использовали в борьбе с феодальной аристократией и охотно назначали их на наиболее важные посты, особенно в армии и во флоте.

В последние годы царствования Чжу Юань-чжана десятки яньванов и пуванов — сыновей и внуков престарелого императора — захватили власть в Пекине, в столицах провинций и в пограничных округах, где постоянно стояло большое войско.

Подозрительный и скорый на руку император, следуя коварным советам принцев крови, казнил почти всех военачальников, не пощадив при этом своих старых соратников. Чада Чжу Юань-чжана получили главные командные должности при дворах этих принцев крови, дворах, которые были точным подобием двора «Сына неба» — императора. Дворов этих было много, вероятно, не менее полусотни. И здесь вершились все государственные дела. Глубокая вражда разделяла великих князей, каждый из них с нетерпением ожидал смерти старого императора, мечтал занять его место, а поэтому все эти дворы были центром интриг и козней, и семейный круг основателя династии немногим отличался от скорпионьего садка.

Сын императора Чжу-ди, к которому попал Чжэн Хэ, обладал качествами, которые заметно отличали его от прочих сородичей. Человек необычайной энергии, умный, отважный, безгранично честолюбивый, он сумел до времени скрыть свои истинные замыслы. Чжу-ди постепенно прибирал к рукам войско и охотно участвовал в походах против «варваров», которые предпринимались на северных и западных рубежах империи.

С 1393 по 1397 год он четыре раза возглавлял такого рода кампании, и в пограничных армиях его имя весьма почиталось.

В этих походах принимал участие и Чжэн Хэ.

В 1398 году Чжу Юань-чжан умер. На престол вступил его внук Хой-ди; юный император отчетливо представлял себе, сколь опасны его кровные родичи, и Император Чэн-цзу с помощью своих советников и военачальников, которым удалось уберечь свои головы от мастеров заплечных дел покойного «Сына неба», он ограничил власть великих князей.

Немедленно началась всеобщая смута. Чжу-ди выступил против своего племянника и в четырехлетней войне «за умиротворение страны» добился полного успеха. В 1403 году он взял резиденцию Хой-ди — Нанкин. При штурме города Хой-ди бесследно исчез, а Чжу-ди стал императором и принял тронное имя Чэн-цзу.

В битвах 1399—1403 годов Чжэн Хэ играл далеко не последнюю роль. Один китайский автор XVII века говорит: «В борьбе за умиротворение страны принимали участие многие до той поры безвестные военачальники, часто из придворных евнухов, людей храбрых и умных... Чжэн Хэ и Ли Цзянь... оба юньнаньцы с самого начала боевых действий находились среди сражающихся, и заслуги их были велики. В дальнейшем они стали первыми евнухами и ходили к чужеземным варварам за пределы страны».

Мы, правда, не знаем каковы были эти боевые заслуги Чжэн Хэ, где именно он сражался и какой командный пост был доверен ему претендентом на престол яньваном Чжу-ди. Возможно, что в войне «за умиротворение страны» он руководил операциями на море, но предположение это не подкрепляется сколько-нибудь вескими данными.

Несомненно, однако, что Чжэн Хэ в этих походах приобрел не только военный опыт, но и доверенность будущего императора.

Опорной базой Чэн-цзу в годы войны «за умиротворение страны» были ее северные районы, и южные провинции армиям Чжу-ди приходилось завоевывать в битвах с войсками Хой-ди. Не известно, как богатое купечество южных приморских городов

относилось к претенденту и какова была реакция торгового юга на превращение яньвана Чжу-ди в императора Чэн-цзу.

ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Во всяком случае курс, взятый Чэн-цзу, резко отличался от прежней линии, которой придерживались в Китае в годы правления Чжу Юань-чжана. В 1403 году в восьмой месяц, то есть сразу после переворота, восстановлены были палаты внешней торговли (*шибосы*) в Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне.

Месяц спустя в Китай прибыло японское посольство и японские торговые гости, и в связи с этим Чэн-цзу в весьма отчетливой и ясной форме изложил принципы, которыми впредь следует руководствоваться в сношениях с «чужеземными варварами» и в заморской торговле.

Не должно, говорил Чэн-цзу, связывать иноземцев запретами и ограничениями. Люди, которые пересекают бурный океан и совершают переходы в десять тысяч ли, заслуживают всяческого поощрения, поскольку путь их велик и издержки у них немалые. «Не противоречит человеческому естеству,— писал Чэн-цзу своему министру церемоний,— их желание ввозить разные товары, дабы возместить издержки. Как же мы будем налагать запреты на торговлю с ними?»

И на возражения министра, воспитанного совсем в ином духе, Чэн-цзу отвечал так: «Я не должен ничего запрещать, чтобы не подрывать добрые намерения двора и не умалять тот дух покорности и уважения [к Китаю], которым воодушевлены дальние народы. Поступать так, значит вершить важное дело».

Но, может быть, подобные «фритредерские» мысли были высказаны Чэн-цзу лишь к случаю и касались лишь взаимоотношений с Японией?

Предположение это приходится отвергнуть: точно с такими же декларациями Чэн-цзу выступал в связи с делами, которые ни в какой степени не касались китайско-японских связей.

Так, во втором месяце 1405 года он принял следующее решение о торговле с «сычуанскими варварами», племенами, обитающими на юго-западных границах империи:

«Надо дозволить обоюдный торг в пограничной полосе, дабы удовлетворить нужды страны и побудить отдаленные народы к [торговым] поездкам [в Китай]».

В том же, 1403 году Чэн-цзу направил послов Ма Биня, Ли Сина и Инь Цзина на Яву, в Сиам и Индию. Одновременно ко двору явились послы из дальних стран Западного океана, в частности из Каликута и страны Соли (Коромандельский берег Индии), радушно принятые императором. Им разрешено было ввезти в Китай перец без уплаты пошлин; одновременно был отдан приказ немедленно начать подготовку к отправке китайского посольства в страны Западного океана, причем для этой цели ведено было снарядить двести пятьдесят кораблей.

План этот в 1404 году был изменен, но лишь в количественном отношении: решено было послать не двести пятьдесят, а шестьдесят с лишним судов. Вскоре в необыкновенно быстром темпе началась подготовка к отправке в заморские страны этой экспедиции.

То крайне неблагоприятное для китайской торговли положение, которое создалось на Южноазиатском морском пути в годы правления Чжу Юань-чжана, могло быть выправлено лишь в случае, если бы Китаю удалось наладить действенный контроль на этой великой морской дороге и основать в странах Западного океана сеть факторий и баз, постоянно связанных с Серединой империей.

И возможно, что, поощряя в первые годы своего правления чужеземных купцов к торговле с Китаем и посылая в дальние заморские страны миссии дружбы, Чэн-цзу выполнял предначертания куда более обширного плана.

Отметим, кстати, одну чрезвычайно характерную особенность, которая с незапамятных пор определяла стиль дипломатических отношений Китая с иноземными

государствами. Считалось, что китайский император является верховным сюзереном всех властителей. Не только соседняя Япония, но царства Индии, Ирана и Средней Азии, Византия и Египет в глазах китайских государственных деятелей и правоведов были вассальными владениями Китая. Поэтому во всех династийных историях подарки, которые привозили с собой послы, назывались данью, а государи, которые направляли в Китай своих послов, именовались вассалами и данниками «Сына неба». Когда Хубилай потребовал, чтобы все его западные и южные соседи — Япония, Бирма, Тьямпа и Ява — всерьез и надолго признали свою полную зависимость от Империи, древние дипломатические принципы сразу же вступили в противоречие с практикой. Хотя монголы не только ссылались на прецеденты тысячелетней давности, но применили в качестве *ultima ratio* — последнего довода — силу оружия, все же подчинить себе этих псевдовассалов им так и не удалось.

Чэн-цзу, не отказываясь от своих сомнительных прав на вселенский сюзеренитет и опираясь на дипломатические нормы, которые, вероятно, и в его глазах были чистой фикцией, мастерски использовал их в своей внешней политике. Посылая миссии в страны Западного океана, он выступил не как завоеватель. И не мечом должны были добиться его послы успеха в дальних южных и западных странах. Послы эти шли туда торговать и вести мирные переговоры, но десятки огромных кораблей и десятки тысяч матросов и солдат на борту этих кораблей бесспорно должны были внушить властителям южноазиатских стран уважение к Китаю и показать им, что речь в данном случае идет не о заурядной дипломатической церемонии²¹.

От этой демонстрации до установления контроля на морских путях дистанция была не так уж велика, хотя, вероятно, сам Чэн-цзу не предполагал, что многокорабельные миссии в южные и западные страны окажутся столь действенными и успешными.

ФЛОТИЛИЯ ЗАПАДНОГО ОКЕАНА

Посмотрим теперь, каким образом снаряжались эти дипломатические армады. Первый указ Чэн-цзу о снаряжении экспедиции дан был в третьем месяце (марте) 1405 года. Этим указом главой ее назначался Чжэн Хэ, а его помощником евнух Ван Цзи-хун. Подготовка, видимо, уже начата была раньше и ее удалось закончить к осени того же 1405 года. Она велась на Люцзяхэ, на реке, которая с юга впадала в Янцзы в сорока километрах от Усуна (пригорода Шанхая).

Именно здесь в эпоху Хубилая были организованы знаменитые зерновые флотилии, и мы уже отмечали, что дельта Янцзы, колыбель китайского флота, со времени зерновых экспедиций стала обетованной землей для всех, кто стремился строить корабли или бороздить на них ближние и дальние моря. В дельте и в приморских землях Южного

Китая в избытке имелись мастера-умельцы, знатоки всевозможных корабельных дел, поэтому и подбор экипажей удалось провести очень быстро.

Дельта Янцзы с ее многочисленными озерами, протоками, рукавами, каналами была идеальным убежищем для кораблей. От разливов берега этих водных артерий были надежно защищены двойным рядом плотин, сооруженных в VII веке. Чуть выше дельты

²¹ В «Истории Минской династии», источнике тенденциозном и при этом весьма позднем (начало XVIII века), указывается, что Чэн цзу послал за море экспедицию Чжэн Хэ якобы для поисков бесследно исчезнувшего в 1403 году императора Хой-ди. Весьма возможно, что такой повод для отправки экспедиции и был выдвинут Чэн-цзу. Однако для этой цели достаточно было бы послать один-два корабля и десятка три тайных агентов. Розыски одного-единственного беглеца, пусть даже экс-императорского достоинства, с помощью огромного флота, столь же эффективны и дешевы, как охота на зайца силою пехотной дивизии.

лежала вторая столица Китая — Нанкин, а на озере Тайху, соединенном широким каналом с Люцзяхэ, располагался богатый и многолюдный город Сучжоу.

Корабли строились не только в устье Янцзы, но и на берегах Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна и затем стягивались к якорным стоянкам на Люцзяхэ, где назначен был сбор флотилии.

Здесь флотилия была сформирована и подготовлена к выходу в море. Это была грандиозная экспедиция. В ее состав входило шестьдесят два корабля, на которых находилось двадцать семь тысяч восемьсот человек. Самые большие корабли в длину достигали сорок четыре чжана (сто сорок метров) и в ширину восемнадцать чжанов (пятьдесят восемь метров).

Корабли средней величины соответственно имели тридцать семь и пятнадцать чжанов (сто восемь и сорок восемь метров). Цифры эти буквально головокружительные. Ведь наибольшая (по килю) длина каравеллы первой экспедиции Колумба «Санта-Мария» не превышала восемнадцати с половиной метров, при максимальной ширине семь и восемь десятых метра. При этом данные о размерах кораблей флотилии Чжэн Хэ вовсе не преувеличены. За полстолетия с лишним до плаваний Чжэн Хэ арабский путешественник Ибн Баттута видел в Цюаньчжоу суда, которые несли на борту тысячу человек (шестьсот солдат и четыреста матросов). О гигантских китайских кораблях говорят и Марко Поло и Одорик Порденоне, да и те сведения о морских судах Сунской эпохи и периода владычества монголов, которые дошли до нас, подтверждают, что летописцы походов Чжэн Хэ не грешили против истины.

Корабли эти были отлично приспособлены для дальнего плавания. Приземистые, крепкие и вместительные суда с многослойной обшивкой и множеством кают, камбузом, ретирадами несли паруса из тростникового плетения, необыкновенно прочные и легкие, которые растягивались на реях. Перемена положения парусов достигалась брасопкой-поворотом рей в нужном направлении.

При штиле суда передвигались на веслах, подобно большим европейским галерам. Весла были огромной величины, и Ибн Баттута указывал, что на каждом весле сидит не менее тридцати гребцов. Мореходные качества этих кораблей были весьма высокие. Они могли следовать круто к ветру и отлично лавировать, им не страшны были ни открытые водные пространства, ни узкие проходы с коварными рифами и мелями.

Шестьдесят два корабля и двадцать семь тысяч восемьсот человек! Трудно себе представить масштабы такой флотилии, взяв при этом в расчет, что она снаряжена была в начале XV века, а не в XIX или XX веке. Ведь во второй экспедиции Колумба, в этом необычном по европейским масштабам походе, принимало участие полторы тысячи человек на семнадцати кораблях.

У Магеллана было пять кораблей и двести шестьдесят пять спутников. Правда, в пресловутой «Великой армаде», которую Филипп II направил к берегам Англии в 1588 году, было сто шестьдесят кораблей и тридцать тысяч солдат, но ее трагическая судьба красноречиво свидетельствует, насколько трудно было в век парусного флота управлять такими колоссальными флотилиями. А Чжэн Хэ пересекал со своими эскадрами все моря, омывающие Южный Китай, Индокитай, Яву, Суматру, Цейлон, Индию, Иран, Аравию и восточные берега Африки, и все семь его походов были успешны.

На кораблях флотилий Чжэн Хэ было множество людей самых различных профессий. В списках этих экспедиций, каждая из которых была плавучим городом с населением не меньшим, чем население средневекового Мюнхена или Лиона, Стокгольма или Бордо, числились офицеры (*гуаньсяо*), солдаты «знаменных войск» (*цицзюнь*), добровольцы (буквально «смельчаки» — *ютии*), купцы (*майбань*), толмачи (*туниши*), знатоки циферного дела (*суань шоу*), лекари, писцы (*шушоу*) и различные мастера корабельных работ — кузнецы (*мяо*), конопатчики (*му-нянь*) и плотники. Списки эти, однако, не полны. Да и можно ли было перечислить все специальности этой плавучей академии дальнего плавания?! Вероятно, помимо купцов, игравших весьма видную роль

во флотилии, на кораблях было немало пассажиров, род занятий которых отвечал их будущей деятельности во вновь учреждаемых факториях на берегах Западного океана. Нет в списках экспедиции имен рядовых матросов, тех людей, которые из поколения в поколение ходили в далекие плавания к берегам Японии, Суматры и Индии, уроженцев рыбачьих селений Цзянсу, Чжэцзяна, Фуцзяни, Гуандуна. А ведь именно они, эти потомственные мореходы, чьи имена не сохранились ни в летописях Минской династии, ни в трудах китайских историков, обеспечили успех семикратных походов в Западный океан.

Забота о душах мореплавателей, видимо, не очень обременяла организаторов экспедиций, Сохранилось лишь беглое указание на участие нескольких буддийских монахов не то в третьем, не то в четвертом плавании.

Как тут не сравнить китайские заморские экспедиции с португальскими и особенно с испанскими. Ни у Чэн-цзу, ни у флотоводцев не было ни малейшего вкуса к насаждению огнем и мечом «истинной веры» в заморских землях.

Да и какая «истинная вера» могла быть у участников экспедиции, если в ней превосходно уживались буддисты и мусульмане, даоисты и конфуцианцы и если сам глава экспедиции мусульманин Чжэн Хэ не считал для себя зазорным молиться в буддийских храмах и посвящать мемориальные надписи богине-покровительнице мореплавания.

Флотилия вышла в путь из гавани Люцзяган близ Сучжоу, вероятно, в сентябре 1405 года. Через проход Чанцзянкоу корабли проследовали в Восточно-Китайское море и направились вдоль побережья к югу в бухту Уху-мэнь («Пяти тигров») в Фуцзяни. Здесь, в устье реки Минь, неподалеку от Фучжоу, корабли в гавани Тайпин во всех семи походах выжидали наступления сезона северо-восточных муссонов. Сезон этот длится с середины ноября до февраля, но обычно позже начала января флотилии в плавание не отправлялись. Должно быть, в декабре 1405 года или в первых числах января 1406 года, наполнив трюмы съестными припасами, топливом и пресной водой, флотилия вышла в открытое море и взяла курс на юг.

Флотилии Чжэн Хэ всегда покидали тайнинскую гавань в декабре — январе и завершали переход через Восточно- и Южно-Китайское моря к середине марта.

Иначе и быть не могло, поскольку именно эти месяцы — сезон северо-восточных муссонов — наиболее благоприятны для плавания в страны южных морей из гаваней Китая.

Механизм муссонов, действующий с таким постоянством из века в век и из года в год, органически связан с сезонными различиями в нагревании северного и южного полушарий. В ноябре — феврале, когда в северном полушарии зима, на огромных пространствах Восточной Азии развивается и стойко удерживается зона повышенного давления; одновременно район австралийского материка оказывается в зоне пониженного давления. Этот перепад давления вызывает движение воздушных масс с севера на юг. В мае — сентябре, когда в северном полушарии лето, эти воздушные потоки текут в обратном направлении от зоны повышенного давления в южном полушарии.

Зимний муссон устанавливается сначала в Восточно-Китайском и в северной части Южно-Китайского морей, а затем постепенно распространяется к югу. Обычно у берегов Чжэцзяна северо-восточные муссоны начинаются примерно в середине сентября, в средней части Южно-Китайского моря — в октябре, а южной его части — в ноябре или даже декабре. При этом в октябре и первой половине ноября ветры часто достигают ураганной силы. Поэтому лучше всего парусным кораблям совершать переход из устья Янцзы или от берегов Фуцзяни к Яве, Камбодже и Суматре в ту пору, когда муссонный режим распространяется на все моря, омывающие берега Китая и Вьетнама, то есть в декабре и январе. В это время реже случаются и тайфуны, циклоны, которые возникают в местных воздушных депрессиях на небольшой площади, но в пределах этих очагов достигают огромной силы.

ЛЕТОПИСЦЫ ВЕЛИКИХ ПОХОДОВ

Многое в деятельности Колумба осталось бы неизвестным последующим поколениям, если бы его любознательные современники — скромный приходской священник Бернальдес и историк-гуманист Лас-Касас не оставили бы описаний плаваний великого мореплавателя.

Теми скудными сведениями, которые сохранились об экспедиции Магеллана, мы обязаны ее сверхштатному участнику полуматросу-полупассажиру итальянцу Пигафетте. К сожалению, имена Бернальдеса, Лас-Касаса, Пигафетты известны далеко не в меру их неопценного вклада в историю географических открытий и о них далеко не всегда упоминают те, кто пишет о Колумбе и Магеллане.

У Чжэн Хэ были свои Бернальдесы и свои Пигафетты, и, начиная описание его походов, нельзя не упомянуть о летописцах замечательных событий, связанных с этими отважными рейдами в Западный океан. К тому же трое из них — Ма Хуань, Фэй Синь и Гун Чжэнь — были непосредственными участниками плаваний Чжэн Хэ.

С них мы и начнем эту главу, посвященную тем, кто сохранил для нас бесценные сведения об экспедициях 1405—1433 годов.

Ма Хуань, китайский мусульманин, уроженец города Шаосина в Чжэцзяне, трижды участвовал в качестве переводчика в плаваниях Чжэн Хэ.

Еще при жизни Чжэн Хэ, между 1425 и 1432 годами, он написал трактат «Обозрение берегов океана» («Иньяшэн-лань»). В предисловии Ма Хуань писал:

«Тому назад много лет читал я «Июйчжи», где речь шла о чужедальних странах, их климате, жителях и о том, что в этих странах растет и добывается. Тогда еще одолело меня сомнение — неужто в самом деле существуют на свете вещи, столь диковинные и отличные от того, что мы знаем. Но вот в год Цзи-сы царствования Чэн-цзу [1413 год] император назначил... ЧжэнХэ во главе флотилии и послал его на запад, чтобы доведаться о иноземных народах, и я был удостоен чести и назначен толмачом в эту миссию.

Пройдя тысячи и тысячи ли через безграничные и бурные океанские воды и своими очами увидя множество всяких стран с различным климатом и различными богатствами, понял я, что то, о чем некогда довелось мне прочесть в «Июйчжи», не только не ложно, но что есть вещи еще более удивительные и чудесные.

И я собрал все, будь то хорошее или плохое, о народах каждой страны и о том, что имеется в этих странах, и описал их обычаи и то, что дает их земля, и рубежи тех земель, и все это изложил по порядку. Так появилась моя книга, которую я назвал «Обозрением берегов океана». В ней пишу я обо всем, что касается иноземных стран, и я полагаю, что никогда во время предшествующей династии священное влияние императорского престола не распространялось столь широко, как ныне.

Но я лишь простак, неученый и несведущий, и поэтому, описывая посольство Чжэн Хэ, позволяю себе только скромно упомянуть о многих диковинках и не посягаю на большее; нет у меня книжного лоска, и не могу я украшать свою речь и говорить сравнениями, а пишу только о том, что есть, и пишу так, как об этом мне ведомо».

В этой простой, безыскусной книге Ма Хуань описал девятнадцать стран, причем все эти страны он посетил лично.

По роду деятельности Ма Хуань был тесно связан с «внешним миром»: он присутствовал на торжественных приемах, где свято соблюдался замысловатый церемониал китайской дипломатической службы, он посещал рынки, храмы, склады, дома богатых купцов, вел переговоры с поставщиками и торговыми агентами. Он знал языки «западных варваров» и был мусульманином. А как раз в ту пору ислам одержал решительные успехи в странах южных морей. Все купцы на пространстве от Гранады до яванских торговых городов молились о ниспослании им успеха, обращаясь лицом к

Мекке, религия Мухаммеда была космополитическим культом «деловых людей» — ив Марокко, и в Аравии, и на берегах Суматры.

Естественно, что Ма Хуань быстро осваивался в «чужеземных странах» и собирал нужные и ценные сведения везде, где останавливались флотилии Чжэн Хэ.

Стиль его суховат, сдержан и, действительно, совершенно лишен литературных красот. Отвлеченные материи — философия, искусство, поэзия — Ма Хуаня совершенно не интересуют. О религии зато он говорит много и часто, но в сугубо «земном» плане. Для Ма Хуаня решительно все религии, будь то ислам, буддизм или индуистические культы,— это лишь торговые марки: «скажи мне како веруешь — и я отвечу тебе, чем ты торгуешь...»

В высшей степени его интересуют обычаи «западных варваров», государственный строй заморских стран, пошлины, меры веса, цены на различные товары и то, чем богата та или иная земля и чем она торгует.

Другой спутник Чжэн Хэ — Фэй Синь, уроженец городка Кунынань в Цзянсу, в 1436 году написал книгу «Победное шествие звездных плотов» («Синьчашэнлань»). Фэй Синь принимал участие в третьем, четвертом, пятом и седьмом плаваниях Чжэн Хэ и собрал обильный материал о «варварских странах».

О себе он писал:

«...На 31 году плавания Хун-у [1398 год], мой старший брат, был приписан в охрану порта Тайцан²²; вскоре брат преждевременно скончался, и мне не было еще 14 лет, когда меня вместо него взяли в армию. Дом наш был беден и убог, но я желал учиться и дни и ночи напролет, похищал у себя часы досуга, выпрашивая в долг книги, я учился читать. Так все шло, пока не исполнилось мне 22 года. При императорах Чэн-цзу и Сюань-цзуне [1425—1433] четырежды посылали меня в Западный океан... И я исписал два свитка и назвал свою книгу «Победным шествием звездных плотов». В первой части говорю я о том, что видел сам, во второй сообщаю о том, до чего дознался с помощью толмачей».

Весьма возможно, что военную и флотскую службу Фэй Синь отбывал в принудительном порядке как сын политического преступника. Такого рода потомственные репрессии были обычны в средневековом Китае, и немало сыновей, отвечающих за грехи своих отцов, было отправлено в заморские плавания.

Фэй Синь описывает сорок стран, в том числе африканские земли, где он лично побывал в пятом плавании Чжэн Хэ.

Фэй Синь отмечает, что он составлял в пути карты (*ту*). Это место в его книге — чрезвычайно существенно и свидетельствует, что в ходе экспедиций Чжэн Хэ шла работа по составлению новых карт и лоций.

Третий автор, участник плаваний Гун Чжэнь, написал труд «Обозрение чужеземных стран Запада» («Сияньфан-гочжи»), который до нас не дошел, но был использован китайскими историками XVI и XVII веков.

Как это ни странно, ни Ма Хуань, ни Фэй Синь, ни Гун Чжэнь почти ничего не сообщают о самих экспедициях, их составе, кораблях, участниках плавания. Кроме того, те даты, которые приводятся в их сочинениях, трудно согласовать между собой. Долгое время поэтому шли споры, на какие годы приходится та или иная экспедиция.

Но вот совсем недавно, в 30-х годах, неожиданно исчерпывающие показания на этот счет дал сам Чжэн Хэ. В 1935 году китайский историк Чжэн Хао-шэн обнаружил в собрании старых рукописей копию надписи, которую Чжэн Хэ в 1431 году приказал выгравировать в селении Люцзяган в храме «Небесной супруги» — богини-покровительницы мореплавания²³. А спустя год китайский чиновник Ван Бо-цю в фуцзяньском

²² Город на Люцзяхэ, где в 1353 году были сооружены большие склады корабельного имущества и арсенал.

²³ Тяньфэй — «Небесная супруга» — лицо полуисторическое. Эта святая покровительница моряков, по преданию, жила в X веке в одном фуцзяньском приморском

селении Чанлэ открыл еще одну надпись, также посвященную «Небесной супруге» и очень близкую по содержанию к люцзяганской надписи. Селение Чанлэ находится в устье реки Минь, где, как уже говорилось выше, всегда собирались флотилии Чжэн Хэ перед выходом в открытое море.

Трудности, преодоленные в семикратных походах в Западный океан, цели и итоги этих походов, точные их даты — таково содержание надписей. Естественно, что эти каменные летописи приобрели огромное значение для историков плаваний Чжэн Хэ, только с помощью обеих надписей удалось точно датировать все походы 1405—1431 годов.

Обе надписи начинаются посвящением «Небесной супруге», обе бесспорно должны быть признаны великолепными литературными памятниками эпохи великих плаваний.

Отметим, кстати, что, кроме надписей в Люцзягане и Чанлэ, известны и другие «каменные документы» Чжэн Хэ. В частности, та надгробная эпитафия в Куньяне, о которой упоминалось уже раньше (она открыта была в 1922 году), и каменная стена с надписью, воздвигнутая Чжэн Хэ на Цейлоне.

Таким образом, об экспедициях Чжэн Хэ в буквальном смысле этого слова говорят камни²⁴.

В последней главе книги приводятся более подробные сведения о трудах летописцев заморских походов Чжэн Хэ и его мемориальных надписях.

Там же читатель найдет список литературы о плаваниях Чжэн Хэ, в котором пока, еще очень мало работ на русском языке.

КУЛИ — ЖЕМЧУЖИНА ИНДИИ

Итак, флотилия Чжэн Хэ в конце 1405 или в самом начале 1406 года тронулась в путь. Свежий северо-восточный ветер надувал паруса шестидесяти двух кораблей, и постепенно исчезали в пасмурной зимней полумгле гористые берега Фуцзяни. Стояла ненастная погода, холодный муссон гнал к югу стада темных туч, которые скрывали от кормчих солнце и путеводные звезды. Поэтому большей частью шли по югоуказующей игле. Трасса этого пути была издавна хорошо известна китайским мореплавателям. То была дорога Фа Сяня и И Цзина, маршрут, расписанный по дням Цзя Данем и проходивший вдоль берегов земель, о которых много и подробно писали Чжу И, Чжоу Гу-фэй, Чжоу Чжу-гуа и Вань Да-юань.

Да-Вьет — Тьямпа — Ява — Суматра — Никобарские острова — Цейлон были промежуточными звеньями на пути в Каликут.

Но почему из великого множества гаваней южных морей выбор императора Чэн-цзу пал именно на Каликут?

Ответ на этот вопрос дают путешественники XV века.

селении. Первым ее подвигом было спасение от неминуемой гибели собственных братьев-мореходов, спасла же она их, находясь на суше, за тысячу ли от гибнущего корабля. Она умерла тридцати семи лет от роду, гласит предание, но призрак ее в алых одеждах появлялся в час опасностей и не раз вызволял моряков из беды. Мореплаватель Лу, Юньди, чудом спасенный от гибели у берегов Кореи, в начале XII века добился у императора официального признания чудесных свойств «Небесной супруги». В честь ее воздвигнуто было много храмов. Чжэн Хэ искренне почитал эту богиню, по-видимому, много жертвовал на ее храмы в Люцзягане и в Чанлэ, опорных пунктах заморских экспедиций.

²⁴ Для читателя, который пожелает глубже изучить историю великих плаваний 1405—1433 годов, в самом конце этой книги переброшен мост к литературным памятникам, написанным на родном языке Чжэн Хэ, и к специальным трудам о великом мореплавателе на западноевропейских языках.

«Гули [Каликут] (в южнокитайском произношении Кули) — сосредоточение торговли для всех стран Западного океана»,— говорит Ма Хуань. «Здесь есть, — дополняет его Фэй Синь,— перец, розовое масло, жемчуг, ладан, амбра, кораллы, пучук, цветные хлопчатые ткани и все это вывозится из других стран [на продажу]... и покупают здесь золото, серебро, хлопчатые ткани, голубой и белый фарфор, бусы, ртуть, камфару, мускус, и есть тут большие склады, где хранятся товары... и сюда привозят чудесных коней из западных стран, и стоят они сотни и тысячи золотых монет».

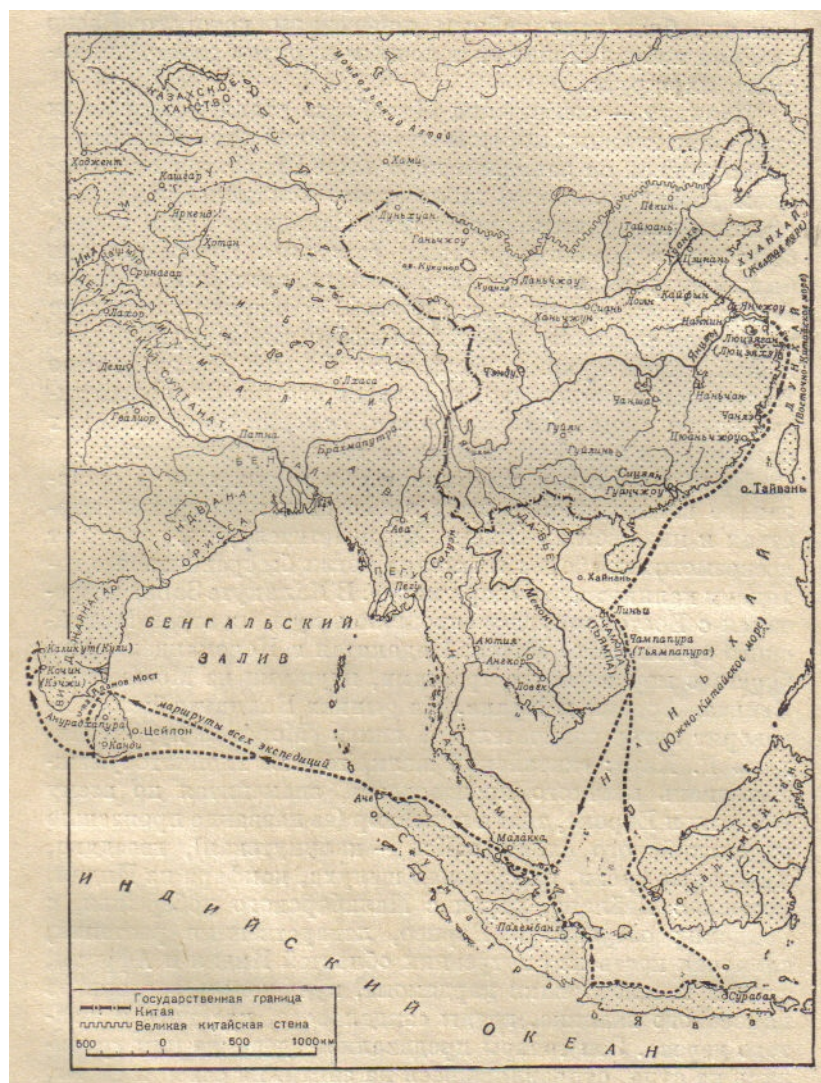
Откроем книгу Афанасия Никитина «Хождение за три моря», написанную спустя несколько десятилетий после плавания Чжэн Хэ.

«А Каликут же есть пристань всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну». Так писал наш знаменитый соотечественник-землепроходец, также говорил и итальянец Николо Конти, и самаркандец Абд-ар-Разак, и агент португальского короля Жуана II Перу Ковильян, благодаря тайным донесениям которого Васко да Гама избрал Каликут конечным пунктом своего индийского маршрута.

Каликут — жемчужина Малабара, стоял в солнечном сплетении главных морских путей Южной Азии. Малабар — узкая полоса на западном побережье Индостана протяжением двести с лишним километров. Эта полоска берега, зажата между невысокой цепью Западных Гат и морем, была густо усеяна торговыми городами. Почти все они были центрами мелких, «карманных», княжеств, которые яростно враждовали друг с другом, оспаривая первенство в морской торговле. Самой сильной и самой крупной державой (территория ее была чуть больше Москвы) было Каликутское княжество; правитель его носил гордый титул «царя моря» (*самудрараджа*, *саморин* португальских авторов) и в какой-то степени он имел на это основание.

Вряд ли была в южноазиатских морях гавань оживленнее каликутской и вряд ли во всех приморских царствах и княжествах Индии был властитель, чьи доходы от всевозможных сборов и пошлин могли бы сравниться с доходами каликутского «царя моря». В Каликуте «Запад ветре» чался с Востоком, здесь сходились пути из стран Малайского архипелага, Китая, Индокитая и Коромандельского берега с морскими же трассами, идущими из Мозамбика, Египта, Аравии и Ирана. На рынках Каликута было все, говорит автор замечательной книги «Морской путь в Индию» Г. Харт: «китайский шелк, тонкая хлопчатобумажная ткань местного производства, знаменитая по всему Востоку и Европе, ткань коленкор (ее название произошло от английского слова *saico* — каликутская), гвоздика, мускатные орехи, их сушеная шелуха, камфара из Индии, корица с Цейлона, перец с Малабарского побережья, с Зондских островов и Борнео, лекарственные растения, слоновая кость из внутренних областей Индии и Африки, связки кассии, мешки кардамона, кучи копры, веревки из кокосового волокна, груды сандалового, красного и желтого дерева. Эти товары продавались здесь же или грузились на суда, отправлявшиеся на запад, на север и на юг, к арабам, неграм, египтянам, персам и франкам»²⁵.

²⁵ Г. Харт. Морской путь в Индию, Географгиз, 1959.

Маршруты экспедиции Чжэн Хэ (восточная часть трассы)

Здесь начинался великий «перечный путь», ведущий из Индии в Хорзум и Египет, а оттуда в Венецию, дорога, по которой шли в Европу пряности — гвоздика, корица, перец, ревеня, имбирь, мускатные орехи, одним словом, все острые и пахучие специи, которые так ценились «франками» и так обогащали венецианских купцов.

«Сам город,— пишет Г. Харт,— не производил большого впечатления на человека, видевшего его впервые. На протяжении около мили дома тесно лепились друг к другу, затем миль на шесть вдоль берега дома становились реже. Стены были «высотой с конного», как выразился один итальянский путешественник в эпоху Гамы, а дома покрыты по большей части пальмовыми листьями». Почти все дома были одноэтажные — дело в том, что стоит «лишь копнуть землю на четыре-пять пядей, чтобы обнаружить воду», так что заложить прочный фундамент, необходимый для возведения крупных зданий, было невозможно. Часть домов более богатых горожан строились из кирпича-сырца, некоторые были каменные, но все были построены хорошо, что свидетельствовало о благосостоянии жителей.

Улицы Каликута, узкие и нередко извилистые, меняли свое направление в зависимости от протоков и каналов. С высоких кокосовых пальм и лоз черного перца, росших повсюду, прыгали обезьяны; по крышам и ветвям деревьев, оглашая воздух хриплыми криками, величественно разгуливали длиннохвостые попугаи. Павлины и голуби, не обращая ни на кого внимания, невозмутимо искали пищу в пыли дорог.

Ночью лисицы и другие мелкие животные делали набеги на сады, поедая плоды и овощи. Хотя все эти грабители причиняли большой урон, религиозные верования страны

запрещали убивать их; жители не истребляли даже ядовитых змей, от укусов которых гибло много людей (как гибнет и теперь).

Внизу, у самого моря, набитые ящиками, тюками и мешками, стояли большие склады, специально приспособленные для того, чтобы в них не проникала сырость... Базары находились в центре города; лавки от палящего солнца были защищены навесами. На базарах и на узких улицах с рассвета до темноты, когда было чуть-чуть прохладнее, толпились люди. Индусы, наиры, арабы, персы, сирийцы, турки, высокие стройные сомалийские негры в белых одеждах, с жирными волосами, заплетенными в тонкие косички, китайцы, люди из Аннама [Да-Вьета] и Кохинхины, малайцы... хаджи из Мекки в развевающихся одеждах и в зеленых тюрбанах, дикари-горцы, высокомерные брахманы с тройными шнурками (знак высшей касты), местные христиане и евреи с побережья, негры, рабы и свободные, иной раз какой-нибудь смуглый итальянец — все они встречались на базарах и улицах Каликута.

Хотя в городе слышны были разговоры на двух десятках языков, на сотне диалектов, все же в нем всегда царил мир и порядок.

Лотки и корзины торговцев ломились от товаров. Ка-ликут был богат, а жители его расточительны. На фруктовом рынке горами лежали горные сливы и красные брин-ды, желтые кораболы величиной с куриное яйцо, зеленые и большие, как орехи, карандели, огурцы, громоздились битком набитые мешки с рисом, с орехами, корзины с семенами кардамона, в которые были подмешаны стручки бетеля, соблазнительные сердцевинки пальмы, идущие для прохладительных салатов, корица в палочках и порошке и темно-красные мангостаны, наиболее сладкие из всех плодов.

На лотках высились пирамиды лимонов, апельсинов и манго, кучи бананов всех размеров и цветов. Бруски пальмового сахара были аккуратно разложены на прилавках рядом с кучками коричневого и белого тростникового сахара и длинными связками сладкого тростника. Для любителей крепких напитков стоял в больших кувшинах арак — водка из перебродившего пальмового сока. Здесь были плоды хлебного дерева, душистые розовые яблоки, пальцеобразные стручки тамаринда, сваренные в сахаре или соли. Там можно было купить имбирь зеленый, в виде варенья или глазированный, кокосовые орехи — и молодые полные молока, и спелые с мясистой сердцевиной, которую растирали теркой или резали на ломтики.

Неподалеку от фруктового рынка были расположены лавки рыботорговцев, доверху заваленные сегодняшним уловом,— рыбу привозили ежедневно за несколько миль. Рядом с ними стояли лавки продавцов лекарств и снадобий... Тут же лежали вечно пополняемые кучи ходовых товаров: орехов арековой пальмы и листья бетеля... там можно было найти сандал, который толкли на камнях и смешивали с маслом, а потом втирали в кожу... У кали-кутских аптекарей были и другие товары — бханг (гашиш) — маленькие зловещие пакетики, которые продавались в укромных местах и которые покупатели, таясь, быстро прятали в свои одежды... продавался тут и дурман, вызывающий временную потерю памяти и рассудка. На подносах были навалены коробочки мака, на которых выступали капли — слезы забвения... Желаящий мог приобрести живых птиц и зверей — павлинов... ручных обезьян и мангуст, которых покупали с той же охотой, как и теперь, чтобы избавить дома жителей Каликута от полчищ крыс... продавцам драгоценных камней не было нужды расхваливать свои товары. Богачи сами приходили в их лавки, где они сидели на циновках, поставив перед собой весы и разложив крохотные пакетики камней. По первому слову ювелиры рассыпали алмазы, сапфиры, обыкновенные и звездные — с Цейлона, рубины, простые и шпинелевые,— из далекой Бирмы, изумруды и аметисты, гранаты, яшму, бериллы, бирюзу...»²⁶.

Каликут продавал все, что рождала земля в странах южных морей, он владел ключами к этим морям, он был истинным сосредоточием торговли, всеазиатским базаром.

²⁶ Г. Х а р т. Морской путь в Индию, Географгиз, 1959.

Не надо было совершать дальних, утомительных и опасных поездок в джунгли Бенгалии, в горы Гиндукуша и Памира, в пустыни Аравии; находясь в Каликуте, можно было купить и бенгальские ткани, и бадахшанскую ляпис-лазурь, и ароматические зелья из Йемена и Хадра-маута.

Не было на столбовой муссонной дороге места, столь удобного и выгодного для большой торговли, и не мудрено, что именно в это скрещение торговых путей послал свою первую заморскую экспедицию Чэн-цзу.

Это был ответ на визит каликутского посольства, которое в 1403 году посетило Китай, и ответ весьма убедительный.

Когда 92 года спустя длиннобородый посланец португальского короля Мануэла явился ко двору «саморина» — властителя Каликута, на трех не очень больших кораблях, когда он вручил сановникам «царя моря» четыре красные шапки, шесть шляп, двенадцать кусков полосатой материи и прочие жалкие дары, недостойные даже привратника саморинского дворца, весь Каликут преисполнился презрением к незванным «франкским» гостям.

И совсем иначе встретил город посла из могущественной восточной державы, явившегося на шестидесяти двух кораблях-левиафанах, кораблях, каждый из которых нес на борту больше людей, чем вся флотилия Васко да Гамы, и наводнившего рынки Каликута первостатейным китайским товаром.

«Царь моря» принял Чжэн Хэ с величайшим почетом; вероятно, иначе и не мог он принять китайского гостя, пришедшего в Каликут с тридцатитысячной свитой.

Каликутцы в порыве ярости и гнева уничтожили в 1498 году памятные столбы — «надраны», которыми Васко да Гама пытался увековечить свой первый визит в Индию.

Но ничего, кроме почтительного любопытства, не вызвала у них стела, которую с согласия «Повелителя моря» водрузил в Каликуте китайский гость Чжэн Хэ, — каменный китайский «надран» с символической надписью:

«Пришли из Китая, отстоящего на сто с лишним тысяч ли. Повидали все народы и познали многое и разное. Пусть же земля и небо будут благосклонны к нам».

ЗАБЫТАЯ ИМПЕРИЯ

Не случайно, видимо, на мореходные карты Чжэн Хэ Каликут и прочие города Малабара положены были в виде островов. Действительно, если не в географическом, то в политическом отношении города Малабара были островами. За грядой Западных Гат лежало могущественное царство Виджаянагар, которое владело всей южной частью Декана, а к северу от него располагалось не менее обширное царство Бахманидов, которое спустя 60 с лишним лет после первой экспедиции Чжэн Хэ посетил Афанасий Никитин. Виджаянагар, лежащий в вершине индостанского клина, с востока и с запада омываемый морем, был, как это ни странно, державой континентальной, очень слабо связанной с морем. Торговые города, рассеянные вдоль Малабарского и Коромандельского побережья, были воротами в это царство, но каликутские или кочинские «привратники» вели себя по отношению к махараджам Виджаянагара как независимые властители. В Виджаянагаре правящий класс кормился за счет эксплуатации многомиллионных масс крестьян-общинников. Чтобы сбыть земные плоды, изъятые у их производителей, виджаянагарский феодал вступал в сношения с купцом. Торговцы-ростовщики — «шетти» — сидели и в самой столице царства, и во всех его больших и малых городах, и они незримыми нитями были связаны со своими собратьями в Каликуте, Кочине и Куилоне, где все было идеально приспособлено для бесперебойного сбыта виджаянагарских товаров. Поэтому между колоссальной внутридеканской феодальной деспотией и карликовыми приморскими княжествами устанавливались примерно такие же отношения, как между китом и рыбой-прилипало. Такой симбиоз был равно выгодным для обеих стран. И весьма показательным, что о Виджаянагаре стране и Виджаянагаре городе (буквально Виджаянагар

— это «град победы»), семистенной столице огромного царства, городе, в котором было свыше ста тысяч жителей, Ма Хуань и Фэй Синь говорят очень глухо, хотя они подробно описывают города Кулам, Куилон, Кочин и Фандарину на Малабарском берегу. Ведь все, что могло дать Виджаянагарское царство — пряности, драгоценные камни, дорогие ткани, плоды, рис, пшеницу, китайские гости имели возможность купить в малабарских городах, не утруждая себя переездом через Западные Гаты.

В Каликут корабли флотилии Чжэн Хэ шли долго, вероятно не менее 10—11 месяцев. На первый взгляд кажется, что эти сроки противоречат данным И Цзина и арабских авторов IX—X веков, которые писали, что из Индии в Китай пути всего 60 дней. Но противоречие это лишь кажущееся. Как И Цзин, так и арабы принимали во внимание лишь «чистый путь», время пребывания в плавании, тогда как Чжэн Хэ не только плывал, но и подолгу останавливался в гаванях, лежащих на Южноазиатской морской трассе.

ЦАРСТВО БЕГЛОГО КАТОРЖНИКА

На обратном пути Чжэн Хэ задержался на Суматре, и для этого у него были основательные причины. По всей вероятности, те акции, которые он предпринял здесь, были заранее предусмотрены при отправке флотилии в Западный океан.

По крайней мере сам Чжэн Хэ, упоминая в люцзяган-ской надписи о первом своем походе, ставит в один ряд посещение Каликуты и суматранские дела.

«В третий год Юнлэ [1405 год], командуя флотом, мы посетили Гули и другие страны. В это время пират Чэнь Цзу-и и его сообщники сидели в Саньфоци, где они грабили местных купцов. Мы взяли живьем этого пирата и возвратились в пятом году Юнлэ [1407 год]».

Напомним, что Саньфоци это китайское название суматранского царства Шривиджая, которое приказало долго жить еще в первой половине XIV века. На развалинах этой некогда могучей державы возникали различные княжества, в которых власть принадлежала и местным и яванским выходцам.

В конце XIV века в этих краях появился беглый китайский каторжник Чэнь Цзу-и, который стал правителем впавшей в ничтожество страны Саньфоци. Чэнь Цзу-и безнаказанно грабил все проходящие суда, в том числе и китайские. Чжэн Хэ пришел в его владения, очень быстро навел там порядок, захватил в плен и казнил Чэнь Цзу-и и посадил в Саньфоци другого китайского выходца, уроженца Гуанчжоу, который не только не покушался на проходящие мимо суматранских берегов китайские суда, но и оказывал впредь своим соотечественникам важные услуги. Видимо, в устье реки Муси Чжэн Хэ основал базу, которая стала ядром китайской колонии на северо-восточной Суматре и важным опорным пунктом на Южноазиатском морском пути. В связи с этими событиями на Суматре выясняются любопытные подробности. Оказывается, что в начале XV века немало китайцев проживало в странах южных морей. То были главным образом выходцы из трех провинций Южного Китая — Гуандуна, Фуцзяни и Чжэ-цзяна, и по традиции, присущей жителям этих областей, большинство из них занималось торговлей и морскими промыслами. Особенно много китайских поселенцев было на северо-восточных берегах Суматры и на Яве, где они основали несколько городов.

Суматранская операция Чжэн Хэ дала Китаю ключ к Южноазиатскому морскому пути. Теперь китайские мореплаватели располагали базой у входа в Малаккский пролив, у ворот в Индийский океан, хотя эта база не во всех отношениях удовлетворяла Чжэн Хэ.

Для всех семи плаваний Чжэн Хэ маршруты на участке от Тайпинской гавани в Фуцзяни до Каликута изменялись незначительно. Кроме того, и Ма Хуань и Фэй Синь описывают различные страны, не указывая, в каком именно заморском походе их посетили флотилии Чжэн Хэ.

Поэтому все земли на трассе Китай—Индия (за исключением Малакки и Цейлона, с которыми теснейшим образом связаны события последующих плаваний) мы посетим с первой экспедицией Чжэн Хэ. Фэй Синь писал²⁷:

«Выйдя в море из Уху [Мэня], что в Фуцзяни, и поставив двенадцать парусов, через 10 дней при попутном ветре дошли мы до страны Чжаньчэн».

СТРАНА НИЗКИХ ДВЕРЕЙ

Чжаньчэн — китайское название царства Тьямпы, которое в начале нашей эры возникло на землях тямских племен и заняло южную часть Вьетнама. Выше упоминалось, что царство это, так же как и соседняя Камбоджа, находилось в сфере индийского влияния.

Религии, нравы, обычаи и одежды народов Индии воспринимала тямская культура, питаемая неиссякаемыми родниками народного творчества. В итоге эта страна с индийским названием, поклонявшаяся индийским богам, черпавшая высшую мудрость из древних индийских книг, создала свою, вьетнамскую культуру, законную наследницу древних традиций индийской и тямской цивилизаций. Санскрит, язык жрецов Вишну и Шивы и авторов многотомных шастр, истинных энциклопедий древней Индии, стал языком религии и науки, в живой же жизни его вытеснили народные говоры Южного Вьетнама, которые развивались из тямских диалектов и жадно впитывали в себя индийские, малайские и кхмерские термины и обороты.

Даже герои и боги на храмовых барельефах, созданных местными художниками по мотивам «Рамаяны» и «Махаб-хараты», приобрели вьетнамское обличье...

Страна эта лежала примерно между 11 и 17 градусами северной широты, в тропиках, в том поясе земного шара, где не бывает ни зимних холодов, ни снега, ни заморозков. Более влажный летний муссонный сезон сменяется более сухим зимним сезоном муссонов, и в столице Тьямпы средняя температура января, самого «холодного месяца», была лишь на 3 градуса ниже средней температуры июля.

Ряды параллельных, вытянутых с севера на юг горных хребтов, на западе более высоких, на востоке, ближе к морю, более низких, пересекают весь Вьетнам. Лишь у моря тянется прерывистая полоса прибрежных низин, и широкие равнины расстилаются в дельте Меконга, захватывающей всю южную окраину страны.

В неширокой прибрежной низине росли (ныне они большей частью сведены) тропические леса. Густые, оплетенные лианами, порой непроходимые, они доходили почти до самого, морского берега, где их сменяли мангровые заросли.

Деревья-гиганты, которые образуют бескрайние чащи в экваториальных лесах Суматры и Калимантана, встречались не так уж часто во Вьетнаме.

Здесь не было кафедральной мглы суматранской римбы, порой, особенно на севере, наряду с лимом — железным деревом, тяжелая древесина которого была тверда как сталь, эбеном с древесиной благородного черного цвета, сандаловым, камфарным и розовым деревом росли дубы и клены.

Тямы — моряки и рыболовы, крепко связанные с морскими промыслами, сперва очень медленно и робко вели наступление на тропический лес. Их атаки усилились в ту пору, когда на берегах будущей Тьямпы появились индийские переселенцы. Здесь в борьбе с лесом применяли систему «рай» — один из способов подсечно-огневого земледелия. В лесу на изрядной площади сперва срубали самые крупные деревья и уничтожали

²⁷ Фэй Синь не принимал участия в первом плавании, однако его записями, которые касаются Юго-Восточной Азии, можно пользоваться при описании любого похода Чжэн Хэ, поскольку маршруты всех экспедиций на трассе Китай — Суматра примерно совпадали.

кустарник. Затем в сухой сезон, накануне дождей, этот ампутированный, но все еще живой лес поджигали и на почве обильно удобренной золой сеяли в течение трех лет подряд разные культуры, чаще всего рис. Когда истекал трехлетний срок, поля забрасывались и огню предавался новый участок леса. За полтора тысячелетия лес удалось основательно потеснить, особенно в низовьях речных долин. Самая решительная победа над лесом была одержана в долине Сонг-Ба, крупнейшей реки центральной Тьямпы, реки, которая пересекала всю страну от плато Бенам на западе до глубокой бухты Куи-Ньон на востоке, на протяжении почти трехсот километров.

Первая гавань Тьямпы был порт, который Ма Хуань называет Синьчжоуган. В этом месте сейчас лежит небольшое селение Куи-Ньон. Полсотни тростниковых хижин и каменная башня маяка — такова была эта гавань у северных рубежей Тьямпы.

Столица этого царства — Виджая («Победа») была расположена в ста ли (пятьдесят километров) южнее бухты Куи-Ньон, в устье реки Сонг-Ба, там, где ныне находится город Бинь-Динь, Виджаю (китайцы называли ее Чжань-чэн) окружали каменные стены. Через четверо ворот вливались в город дороги, ведущие из Лаоса, Давьета и Камбоджи. Но китайским мореплавателям, уроженцам Гуанчжоу, Цюаньчжоу и Ханчжоу, Виджая казалась большой деревней.

Невысокие дворцовые постройки, скрытые за стеной, и ворота этой стены с изображениями слонов, тигров и змей оберегали босоногие стражники, вооруженные копьями и короткими мечами. У дворцовых стен лепились низкие хижины из красноватой глины, бамбука и тростника, покрытые жесткими пальмовыми листьями. Хижины эти порой в высоту едва достигали одного-полтора метров. Через узкие щели дверей люди входили согнувшись в три погибели. Высота жилищ и дверей регулировалась особым кодексом. Только людям «голубой» крови дозволялось входить в собственные дома с поднятой головой; «черная кость» должна была вползать в свои хижины, и эта «дверная» табель о рангах приводила в изумление чужестранцев. Простой народ носил короткие, выше колен, рубахи из грубой хлопчатой ткани и обматывал бедра куском такой же ткани.

Цвет одежды, подобно дверям, определял здесь положение человека в обществе. Белое, черное и желтое могли носить лишь знатные люди; нарушение этого правила каралось отсечением носа, рецидивистам же рубили голову. На улицах и на базарах чаще всего встречались коричневые и синие цвета. Решительно все вид-жайцы, от царя до последнего водоноса, жевали бетель. Жуют его здесь, писал Ма Хуань, везде и повсюду, на ходу и лежа в постели, сидя и стоя, поминутно сплевывая кроваво-красную слюну.

Нередко попадались безрукие и безносые люди — жертвы местного правосудия, скорого на расправу. Порой встречались женщины, лица которых скрыты были под плотной шалью. То были не мусульманки, а особы, наказанные за прелюбодеяние. На щеках у них чернело выжженное палачом клеймо.

По улицам лениво прогуливались коровы, а в густых кронах баньянов кувыркались и прыгали нахальные обезьяны. И коровы и обезьяны считались животными священными, и им была предоставлена полная свобода. Слонов в этом городе насчитывалось не меньше, чем людей, Марко Поло в свое время говорил, что у царя не менее четырнадцати тысяч слонов. Базары были шумные и яркие, но не очень богатые, и больше всего было на этих базарах рыбы. «Народ здесь, — говорит Ма Хуань, — больше занят рыболовством, чем земледелием», поэтому питались главным образом рыбой, тем более, что местный рис, мелкий и красноватый, был дорог и не в какое сравнение не шел с китайским или яванским.

Очень дешево были фрукты, город утопал в садах, и на лотках громоздились высокие пирамиды бананов, кокосовых орехов, апельсинов, джака, слив.

Здесь всегда был спрос на китайский шелк и синий фарфор и в изобилии продавалась ценная древесина камбалового, сапанового и эбенового дерева.

Спутники Чжэн Хэ с удивлением говорили, что в стране Чжаньчэн топят печи черным эбеновым деревом, которому цены не было в Китае.

Слоновая кость из Тьямпы считалась самой лучшей, так же, как носорожий рог; и то и другое китайские купцы усиленно скупали на рынках Виджаи.

Тьямпа постоянно вела войну со своим северным соседом — Да-Вьетом, с которым в то время и позже не в очень мирных отношениях был и Китай. Этим объясняется, что корабли Чжэн Хэ в первом плавании не заходили в да-вьетские гавани и что в Тьямпе миссиям китайского посла-мореплавателя придавали очень большое значение.

Лет за 200 до плаваний Чжэн Хэ Чжоу Чжу-гуа писал, что как только в Тьямпу приходит торговый корабль, на борту его появляются таможенные надсмотрщики с книгой из обрезков черной кожи. Мелом или белой краской они записывают в эту кожаную книгу сведения о всех товарах, которые имеются на корабле, и тщательно обыскивают корабельные трюмы в поисках контрабанды. «А затем,— говорит Чжоу Чжу-гуа,— отбирается в пользу властей две трети, остальное же может продаваться без помех».

Об этой обременительной процедуре и речи не было, когда приходили в гавани Тьямпы корабли Чжэн Хэ. Каждый раз, когда в Куи-ньонской бухте появлялась его флотилия, царь Тьямпы отдавал приказ о торжественной встрече китайских гостей.

В седьмом году Юнлэ [1409 год], пишет Фэй Синь, царь вышел для встречи китайской миссии за городские ворота, к месту, где его ожидал Чжэн Хэ.

Это была величественная процессия — впереди великолепный слон вез легкую колесницу, в которой сидел юный царь Джайя-Синхаварман V — второй монарх тринадцатой династии Тьямпы (он правил с 1400 по 1441 год), в праздничном убранстве. Драгоценные камни сверкали на его одежде и на высокой треугольной шляпе, короткая мантия из узорчатого тяжелого шелка была накинута на его плечи. На запястьях и выше щиколоток царь носил браслеты из массивного золота, на ногах у него были туфли из черепашого панциря.

Принцы крови на слонах и сановники на конях следовали за царем. Головы их покрыты были шляпами из листьев каджанта, цвета одежды отмечали ранг каждого из царедворцев. Пятьсот воинов шли за царской свитой под звон гонгов и тамбуринов, пронзительный свист дудок, выдолбленных из скорлупы кокосового ореха.

Когда пышный кортеж достиг места, где находились Чжэн Хэ и его спутники, царь вышел из колесницы и с низко опущенной головой выслушал приветствие, которое ему послал через Чжэн Хэ «Сын неба». Затем приближенные царя вручили «дань» и богатые дары для императора.

Нетрудно догадаться, о чем вели переговоры высокие договаривающиеся стороны на берегах Куи-ньонской бухты.

В 1400 году в Да-Вьете была свергнута правящая там династия Гран и престол захватил один из вождей восстания Ле Ки Ли. Сторонники низложенной династии призывали на помощь китайцев и в 1407 году, как раз в то время, когда снаряжалась вторая экспедиция Чжэн Хэ, китайские войска вошли в Да-Вьет и заняли Ханой, причем одновременно китайский флот разгромил да-вьетскую эскадру, посланную в бухту Куи-Ньон для операции против Тьямпы. Очевидно, боевые действия против Да-Вьета велись совместно с Тьямпой²⁸.

В эпоху великих плаваний Чжэн Хэ царство Тьямпа расширило свои границы и отвоевало земли, некогда захваченные ее северным соседом — Да-Вьетом. Но часы этого царства были сочтены. Во второй половине XV века, когда Китай ушел из южных морей, Тьямпа, не поддерживаемая более своим могущественным союзником, быстро «надломилась» в войнах с Да-Вьетом и в 1471 году перестала существовать как самостоятельное государство. Последний царь последней, четырнадцатой, династии был взят в плен и увезен в Ханой, и Тьямпа воссоединилась с Да-Вьетом. Лишь на крайнем

²⁸ Впрочем, китайцы оставались в Да-Вьете лишь в течение 11 лет. В 1428 году они оттуда ушли.

юге страны удержалось несколько независимых тямских княжеств, которые только в начале XVIII века вошли в границы Да-Вьета.

Из Виджаи путь флотилии шел вдоль берега Тьямпы к югу. На побережье в мангровых трясинах южной Тьямпы почти не было удобных якорных стоянок. Корабли следовали на изрядном расстоянии от берега. В последних числах января и февраля, когда обычно совершался этот переход, стояла чудесная погода. К концу уже близился сезон зимних муссонов, слабые северо-восточные ветры дули с кормы, в лазурном небе высоко над горизонтом лениво передвигалось ослепительно яркое и жгучее тропическое солнце.

В утренние часы, когда воздух кристально прозрачен, с палубы открывался вид на десятки ли вокруг. На севере, на востоке, на юге расстилалось безбрежное теплое море, тихое и ласковое; на западе за туманной полоской берега видны были синие гребни далеких гор.

Оставив по левую руку островок Куньдуньлашань (его нынешнее название Пуло-Кондор), корабли на третий или четвертый день после выхода из бухты Куи-Ньон вступали в воды царства Камбоджи.

Далеко не всегда в своих семикратных походах Чжэн Хэ посещал это царство. Быть может, поэтому Камбоджу подробно не описывают ни Ма Хуань, ни Фэй Синь.

КАМЕННАЯ ЛЕГЕНДА

Камбоджа, исторические судьбы которой были сходны с судьбами Тьямпы, во многом опередила свою соседку. Народы Камбоджи превратили земли в дельте величайшей из рек Азии — Меконга — в цветущий сад и на вечные времена оставили о себе память в грандиозных сооружениях.

Вероятно, многие помнят часто встречавшийся в дни фестиваля флаг Камбоджи — величественный древний дворец на красно-коричневом фоне. Это храм Ангкор-Ват, сооруженный в XII веке.

Ангкор-Ват стоит близ стен еще более древнего города храмов Ангкор-Тома. Этот город в плане представляет собой квадрат, каждая сторона которого превышала три тысячи метров. По всему периметру этого квадрата шел ров шириной сто метров, а за ним возвышалась мощная кирпичная стена красно-бурого цвета, за которой в свою очередь было еще одно кольцо укреплений — огромный земляной вал. Через рвы было переброшено пять мостов, и вдоль парапета этих мостов в две шеренги выстроились каменные герои и боги. Мосты вели к пяти огромным тронным воротам с центральными башнями, на стенах которых были высечены человеческие лики.

В самом центре Ангкор-Тома, в скрещении четырех главных дорог, возвышался пирамидальный храм Байон, увенчанный башней. Со стен башни глядели вдаль колоссальные лики, широконосые, с чуть раскосыми глазами и спокойной улыбкой на толстых выпяченных губах.

Храм вписан был в прямоугольник сводчатых галерей, к которым снаружи примыкала еще одна галерея, полусводчатая, на легких и изящных колоннах. На стенах этих галерей выбиты рельефы; сцены на мотивы индийской мифологии сочетались здесь с каменными притчами о подвигах царя-основателя Ангкор-Тома. Вокруг храма стояло пятьдесят башен, и дерзкая фантазия кхмерских ваятелей превратила этот многобашенный пояс в каменные джунгли.

Ангкор-Ват («Пагода столицы») был еще великолепней Ангкор-Тома. За рвом и стенами на широких трех каменных террасах, обрамленных галереями, стоял колоссальный храм с четырьмя многоярусными башнями по углам и такой же, но гораздо более высокой башней в центре. Галереи Ангкор-Вата — это высеченная на твердом песчанике древнеиндийская мифология — тут и сцены из войны бхаратов, и подвиги Рамы, и его скитания в поисках прекрасной супруги, похищенной коварным царем обезьян Сугривой, и пятьсот пятьдесят перевоплощений Будды.

Впечатление изумительной цельности и величия оставляет этот ныне сильно разрушенный храм храмов, в котором высшего расцвета достигло мастерство безвестных зодчих Камбоджи...

Итак, обычно, не заходя в гавани Камбоджи, флотилии Чжэн Хэ следовали вдоль берегов этой страны к Яве или Суматре.

ПУТЬ К ЯВЕ

Вблизи мыса Падаран, где вьетнамский берег круто поворачивает на юг, корабли покидали прибрежные воды, и кормчие, взяв курс на юг, шли через Южно-Китайское море к Сингапурскому проливу или к Яве. В первом случае, минуя узкий проход между Малаккским полуостровом и островом Бинтан, корабли вступали в воды, омывающие центральную часть северного берега Суматры. Во втором случае флотилии через пролив

Каримата следовали к северному берегу Явы, а затем ложились на западный курс и, идя вдоль этого берега, вступали в суматранские воды у восточной оконечности Суматры; далее мимо берегов Саньфоци-Шривиджаи флотилии шли на северо-запад.

У выхода из пролива, отделяющего Суматру от острова Бинтан, оба ответвления морского пути сливались и далее вплоть до Цейлона маршрут проходил по единой трассе (см. карту на стр. 98).

Та часть Южно-Китайского моря, которая заключена была между берегами Камбоджи на севере, Явой на юге и Калимантаном (Борнео) на западе и которую пересекало яванское ответвление трассы, была усеяна множеством островов, мелей и рифов; особенно их много было между оконечностью Малаккского полуострова и западным берегом Калимантана.

Почти все эти острова были необитаемы. Многие из них служили тайным убежищем пиратов с Суматры и с островов Малаккского пролива, и для одиночных кораблей воды эти были смертельно опасны. Но спутникам Чжэн Хэ пираты не попадались.

Пустынны были ослепительно белые полосы отмелей, где на горячем песке нежились сотни огромных черепах. И мирная охота на черепах была куда приятнее стычек с морскими разбойниками, вооруженными отравленными стрелами.

Корабли проходили между архипелагами Анамбас и Натуна и поворачивали далее на юго-восток. На острове Цзяланьшань (вероятно, это современный остров Лему-кутан) у северо-западной оконечности Калимантана после десятидневного перехода от берегов Тьямпы флотилия запасалась водой и топливом. На этом острове, сплошь покрытом густым лесом, в 1292 году по пути на Яву останавливались корабли злосчастной армады Хубилая. Сотню больных цингой и тропической лихорадкой матросов и солдат пришлось оставить на берегу острова, и этим людям уже не суждено было возвратиться на родину. Они прочно осели на острове, и потомки этих невольных переселенцев радушно встречали своих соотечественников. Затем путь шел к проливу Каримата; за ним начинались уже яванские воды. Корабли медленно приближались к низким берегам Явы.

ПРЕКРАСНАЯ ЯВА

Становой хребет этого длинного и узкого острова — пояс гор с многочисленными вулканами (их на Яве сотни), действующими и потухшими. В котловинах, которые образовались по линиям глубоких расколов, в глубине этого пояса и на его окраинах, а также в низкогорье вдоль южного берега и на широких аллювиальных равнинах северного побережья яванцы еще в древности отвоевали у тропических лесов и джунглей немало сказочно плодородных земель. Особенно основательно они потеснили лес в центральной

части острова. Однако в то время, когда флотилии Чжэн Хэ посещали его берега, население здесь было далеко не столь многочисленное, как в наши дни. Два — два с половиной миллиона человек проживало тогда на Яве (ныне население этого острова пятьдесят пять миллионов), и главные «стустки» населения были в те времена на невысоком плато у южного берега, в районе современной Джокьякарты, и на северных равнинах, орошенных водами многочисленных рек. На западе, в непроходимых лесах Сунды, и на востоке, в области вулканического высокогорья с исполинскими вершинами Семеру и Раунг, население было очень редкое, и сундские племена на много веков отстали от своих сородичей в Центральной Яве. В серединной части острова находились очаги яванской цивилизации, и на юге на высокой равнине Кеду, на территории древнего царства Матарам, в VIII и IX веках яванцы создали города, храмы и дворцы, которые по величии архитектурного замысла и по монументальной стройности ансамблей ничуть не уступают Ангкор-Тому и Ангкор-Вату. Камень, медь, листья локтаровой пальмы в IX веке запечатлели первые литературные произведения на древне-яванском языке кави, одном из языков индонезийской (малайской) семьи. По мотивам индийского эпоса были созданы поэмы, истоки которых имели, однако, яванское происхождение, а в середине XIV века поэт Прапанса в яванской «Илиаде» — «Нагаракретагаме» дал развернутую

Маршруты экспедиции Чжэн Хэ в малайских водах

панораму Явы эпохи монгольского вторжения и быстрого возвышения царства Маджапахит, ядро которого находилось к северу от горного пояса Центральной Явы. Ява была в гораздо большей степени, чем Тьямпа, страной удивительных, порой кричащих контрастов. Она слыла житницей стран южных морей; на ее землях, обильно увлажненных муссонными ливнями и водами оросительных каналов, собирали ежегодно три урожая великолепного риса, царские амбары ломились от всяческих припасов, и в то же время множество голодных, - изможденных людей просило подавание на дорогах. Рядом с каменными джунглями Боробудура и у стен пышных дворцов Маджа-пахита, столицы царства того же названия, лепились жалкие бамбуковые хижины. Вся земля принадлежала царю, и хотя скованные круговой порукой сельские общины — десы — цепко держались за свои наделы, но они вынуждены были свозить значительную долю урожая в царские зернохранилища и кормить несметную орду феодальных властителей различных рангов и степеней.

Эти властители постоянно восставали против царя и готовы были воспользоваться любым случаем, чтобы растерзать на части царские владения.

Царство Маджапахит было в зените своего величия, когда им на протяжении сорока с лишним лет управлял энергичный главный министр (*манатих*) — ГаджаМада, который держал в узде всех крупных и мелких яванских князей. Цари и в то время и позже были жалкими марионетками, и когда в 1364 году Гаджа Мада умер, яванские магнаты подняли голову. В результате уже к концу XIV века Маджапахит являл собой печальное зрелище. От прежней империи, владения которой простирались от Молукк до западной оконечности Суматры, осталось одно лишь имя, Маджапахиту не подчинялись даже области, лежащие в нескольких часах езды от столицы.

Чжэн Хэ действовал на Суматре против Чэнь Цзу-и от имени властителя Маджапахита. И для Китая и для Маджапахита в одинаковой степени опасны были независимые и полунезависимые приморские княжества, которые, как грибы после дождя, возникли и на Суматре и на Яве в конце XIV века. Опасность эта была тем более серьезной, что сепаратистские тенденции на островах архипелага поддерживались западными чужеземцами — арабами и гуджаратцами; и те и другие развили здесь бурную миссионерскую деятельность и добились большого успеха в насаждении ислама; переход в религию пророка ослаблял и без того слабые связи царей-шиваистов Маджапахита с их подданными.

Ма Хуань писал, что в яванских приморских городах немало мусульман, а ведь за сто лет до похода Чжэн Хэ их почти совершенно не было на Яве. В ислам переходили и китайские переселенцы, и, очевидно, эта религия всего южноазиатского купечества открывала предприимчивым людям богатые возможности.

Корабли Чжэн Хэ сперва приходили в гавань Туван (китайцы ее называли Дубань) в западной части широкого выступа яванского берега. Оттуда они шли на восток к гавани Гресик (Сыньцунь) и завершали обход побережья Явы в Сурабае (Суломаи), портовом городе, расположенном в дельте реки Брантас, против острова Мадур²⁹.

Из Сурабаи Чжэн Хэ в сопровождении большого эскорта обычно направлялся в столицу царства — Маджапахит, развалины которого ныне находятся близ городка Мад-

²⁹ Кстати, отметим чрезвычайно любопытную особенность. Китайцы, посещая дальние страны и собирая о них сведения из «вторых рук», стремились как можно точнее передать на своем языке необычные для них названия чужеземных городов, гор, рек, островов и морей.

Поскольку структура китайского языка не позволяла точно воспроизводить ряд звуковых сочетаний индийских, малайских и переднеазиатских языков и диалектов, некоторые фонетические сочетания китайцы передавали условно; зная законы этих замен, легко восстановить, пользуясь китайскими данными, древние, ныне бесследно утраченные географические названия многих местностей в различных частях Азии.

При этом следует иметь в виду, что чаще всего посещали страну южных и западных морей выходцы из Южного Китая, которые говорят на диалекте, порой непонятном уроженцам Пекина, но пользуются той же иероглифической письменностью, что и северяне.

Так, суматранское название Ламбри на гуандунском диалекте звучало *Лам* (Нам) *боли*, сочетание согласных *бри* передавалось слогом *бо*, сочетание *ри* слогом *ли*. Равным образом, местное (суматранское) название *Ару* произносилось китайцами как *Алу*, яванское название Туван и Сурабая как *Ту* (Ду) *ван* и *Суломаи*, индийские названия Кочин, Каликут как *Кочи* и *Ко* (Ку) *ли* (Гочжи и Гули в пекинском произношении) и т. д.

Поэтому китайские эквиваленты тех или иных географических названий стран Южной Азии, как правило, очень точно передают их местное название, хотя порой на слух кажутся весьма далекими от него.

жакерты, километрах в пятидесяти к юго-западу от Сурабаи, в том месте, где начинается дельта реки Брантас.

Все эти приморские города—Туван, Гресик и Сурабая — были тогда не слишком велики. В каждом насчитывалось пять-шесть тысяч жителей (Ма Хуань, говоря об этих городах, указывает, что в них проживало около тысячи семейств), причем очень много было выходцев из Китая, уроженцев Гуанчжоу, Цюаньчжоу и Ханчжоу по преимуществу. В Туване даже городским головой был китаец.

Рынки в этих городах были куда богаче, чем в Тьямпе. Сюда привозили мускатный орех и его сушеную шелуху, гвоздику и корицу с Молуккских островов, лекарственные снадобья с берегов Бали, Флореса и Сумбавы, здесь в изобилии были крашенные хлопчатые ткани местной выделки.

Спрос на китайскую цветную тафту, железные изделия, белый и синий фарфор был очень велик, и часть этих товаров скупалась купцами-посредниками для перепродажи на дальние острова. Базары были наводнены дурьяном — плодом с детскую голову величиной, с белоснежной мякотью удивительного вкуса, красными, очень похожими на гранаты мангустанами с нежной чуть кисловатой сердцевинкой, шишковатыми рамбутанами, маленькими, величиной с китайское яблоко, дуку-коказанами — плодами с упругой кожурой и сладкой, слегка отдающей камфарой мякотью. Бананы бесчисленных сортов, джак, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева, огромные персики, подернутые нежным пушком, сливы, апельсины и десятки других плодов продавались здесь буквально за бесценок; за горсть медных монет можно было купить целую корзину этих ярких и сочных произведений щедрой тропической природы.

В Гресике был «брильянтовый ряд», и Фэй Синь с восторгом говорит о россыпях сапфиров, рубинов, агатов, топазов, камне «кошачий глаз», о жемчуге и бирюзе. Хотя все без исключения яванцы — старцы и юноши, богатые и бедные, знатные и худородные — носили у пояса кривые малайские кинжалы — крисы, но не было, по словам Ма Хуань, людей более мирных и приветливых, чем эти смуглые, круглолицые островитяне.

Ма Хуань побывал вместе с Чжэн Хэ и в яванской столице — Маджапахите; царские дворцы, писал он, со всех сторон окружены кирпичными стенами высотой в тридцать футов и занимают площадь в три-четыре квадратных ли.

Дворцовые палаты весьма внушительны, есть там залы высотой в сорок футов; полы покрыты ротановыми циновками очень тонкого плетения, кровли же дворцов настилаются из пластин очень твердого дерева.

Одорик Порденоне, который никогда воочию не видел дворцов Маджапахита, легко поверил слухам об их великолепии и перенес нас не в кирпичные стены, а в волшебный замок с золотыми лестницами.

Конечно, Ма Хуань куда ближе к истине, но надо сказать, что кирпичные дворцы царей Маджапахита были воздвигнуты на диво искусно.

Спустя четыре с половиной столетия после визита Чжэн Хэ и Ма Хуаня по Яве путешествовал выдающийся английский натуралист Альфред Уоллес, друг Чарлза Дарвина, который прожил много лет на островах Малайского архипелага. Следуя из Сурабаи в Маджакерту, он посетил места, где некогда стояли дворцы царей Маджапахита.

«По дороге,— писал Уоллес,— мы осмотрели остатки древнего города Маджапахит — две высоких кирпичных стены, которые, очевидно, были городскими воротами. Меня поразила красота кладки. Прекрасно отполированные остроконечные кирпичи были сделаны тонко и крепко. В спайках следы цемента и известки были едва заметны, в некоторых же рядах их не было вовсе. Не могу себе представить, каким образом соединялись и держались эти кирпичи. Ни прежде, ни после мне не доводилось видеть такой прелестной работы... Остатки таких построек видны на протяжении нескольких миль вокруг...»³⁰

³⁰ А. Уоллес. В стране орангутанга и райской птицы, СПб., 1902.

От Сурабаи, которую Фэй Синь называл «сосредоточением товаров и кораблей», флотилии Чжэн Хэ ложились на обратный курс; снова пройдя мимо Гресика и Тувана и минуя негостеприимные берега Сунды, они через шесть дней вступали в суматранские воды, а на восьмой день бросали якорь в том месте, где река Муси впадает в море.

ЗЕЛЕНый ОКЕАН

На Яве в ее срединной части тропическая природа была приручена, и ее неиссякаемую мощь удалось обуздать,

На Суматре римба — бескрайний зеленый океан, почти повсеместно господствовала над человеком.

Римбу также трудно сравнивать с нашими лесами, как каменные чащобы Боробудура и Ангкор-Тома с древними храмами Суздаля и Владимира.

Думается, что на зодчих стран южных морей римба с ее чудовищным многодревием и неиссякаемым расточительным великолепием оказывала столь могучее влияние, что каждый из них стремился сотворить из камня, глины и дерева подобие грандиозных ансамблей римбы, созданных природой, хмельной от знойного тропического солнца,

Береза, сосна, ель, дуб, осина, липа... сколько древесных пород мы можем насчитать в лесах Подмосковья? Вероятно, не более тридцати, а между тем на Суматре известно свыше тысячи видов деревьев.

В римбе нет ни открытых лужаек, ни светлых прогалин. Солнечные лучи не могут пробиться через многоярусную зеленую броню, внизу у земли всегда царит зеленая мгла.

Зонтичные кроны верхнего яруса возносятся на высоту ста двадцати, ста сорока и даже ста пятидесяти метров, выше купола Исаакия, и гранитные исаакиевские колонны кажутся хилыми жердями по сравнению с могучими, в шесть-восемь обхватов, стволами «высотных» деревьев римбы. Наши комнатные панданусы с изящными пальчатыми листьями достигают здесь высоты девятиэтажного дома, а фикусы (баньяны) в своей родной стихии — это деревья-рощи. У каждого из них десятки и сотни стволов, которые растут не от корней, а, подобно живым сталактитам, устремляются вниз от ветвей.

Чтобы удержаться, чтобы выжить, чтобы еще выше поднять свою пышную крону, деревья римбы становятся на костыли и ходули воздушных корней, пускают от главного корня многометровые досковидные отростки.

Гиганты заслоняют небо деревьям второго, третьего, четвертого... двадцатого ярусов, которые с неумолимой силой рвутся к свету. Жестокая, не на жизнь, а на смерть, борьба идет не только за солнце, но и за каждую пядь пространства. Кустарники и деревья-пигмеи стремятся вползти на плечи великанов римбы, они заполняют каждый дюйм свободной площади и свободного объема. Отовсюду тянутся гибкие щупальца лиан с острыми крючками на листьях и стебле; порой лианы тоньше нити, порой толще корабельного каната. Они оплетают ветви и стволы, взбираются на вершины, стелются по воздушным корням, жадно цепляясь за все, что попадается на пути. Некоторые из этих истинных анаконд растительного царства, например ротан, образуют жгуты, петли и спирали длиной до трехсот метров. Пробиться через лес, оплетенный ротаном, невозможно. Щупальца с острыми крючьями рвут в клочья одежду, впиваются в тело; их отсекают, рубят, кромсают, но на место отрубленного щупальца сразу же вытягиваются десятки Других.

Римба, несмотря на обилие растительных форм, утомительно однообразна. Здесь не видно цветов, затерянных в многоярусном зеленом шатре, здесь нет ярких красок. В римбе безраздельно господствует только один цвет — зеленый. В Эквадоре южноамериканский тропический лес — сельву — называют «изумрудной тоской», и действительно, ни в одной чаще умеренного пояса взор так не притупляется от зеленого однообразия.

У римбы есть свои пленники и свои рабы.

Бродячие племена Суматры — батаки, ала, гаджу, са-кай, которые во времена Чжэн Хэ не знали ни меди, ни бронзы, ни железа, не умели возделывать землю и кормились лишь охотой и сбором дикорастущих плодов, были ее пленниками. Люди лесного племени кубу, которые в буквальном смысле этого слова никогда не видели солнца и никогда не пользовались огнем, были ее рабами.

Дерзкий вызов римбе бросили, однако, малайские племена прибрежных областей; этим племенам удалось вырваться из зеленого плена.

В устьях широких суматранских рек, текущих на юг и на север со склонов Барасанского хребта, малайцы захватили у римбы важные плацдармы, и на этих освобожденных землях, которые прерывистой каймой тянулись вдоль всего побережья, они создали свои селения и города. Эти приустьевые города после падения Шривиджайи стали центрами небольших государств. Каждое такое государство, подобно лианам суматранской римбы, крепко цеплялось за прибрежную полосу и устьевой участок впадающей в море реки. Ни одно из них не расширяло своих границ во внутренние области — там полновластно царила римба, там обитали племена, которые не подчинялись ни султанам приморских городов, ни яванским царям. Один из первых португальцев, посетивших Суматру, Томе Пириш писал в 1514 году, что «сазу Ёйа 1а уз!а йе 8ота1ога еа депйшз е езЪозпат зат оЪесНепЪез е пеодие» — почти весь остров Суматра населен язычниками, и люди эти не подчинены никому.

Эти карликовые прибрежные царства жили транзитной торговлей; они лежали на великой морской дороге, на сквозном пути из Китая в Индию и страны Передней Азии, и умело пользовались своим выгодным географическим положением. Транзитная торговля была для них тем, чем для деревьев римбы является солнечный свет, и, подобно панданусам и баньянам тропического леса, они жадно тянулись к источнику жизни и в жестокой борьбе оспаривали друг у друга преимущественное право пользования этими источниками.

Сколько таких государств было на Суматре во времена Чжэн Хэ?

У Ма Хуаня и Фэй Синя не все они перечислены, но два источника, один более ранний, другой более поздний, почти сходятся при подсчете карликовых приморских княжеств Суматры.

В «Нагаракретагаме», яванской поэме середины XIV века, о которой упоминалось выше, перечисляется двадцать четыре вассальных владения царства Маджапахит на Суматре. Пириш в 1514 году указывал, что на Суматре девятнадцать «королевств» и одиннадцать «земель», причем из девятнадцати независимых «королевств» шестнадцать он помещал на северных берегах острова.

Флотилии Чжэн Хэ, следуя вдоль северо-восточного участка суматранского берега с гаванями в устье реки Муси, входили в узкий пролив между Суматрой и островом Бангка; пролив этот китайские мореплаватели называли Цзямэньдашанем («Горы — узкие ворота»). Царство Шри-виджая-Саньфоци уже лет за сто до Чжэн Хэ стало называться у китайцев землей Цзюган, причем авторы XIV века подчеркивали, что страна эта утратила свое былое значение. Не только сильные соседи, но и сама природа нанесли Шривиджае сокрушительный удар.

Ма Хуань писал, что до бывшей столицы Саньфоци надо было добираться, сменив у берегов острова Пэнцзя (Бангка — остров, лежащий против устья реки Муси) большие корабли на малые суда. А между тем еще за двести-триста лет эта столица лежала у самого моря и боевые корабли Шривиджайи прямо от пристани выходили в пролив, отделяющий Суматру от острова Бангка.

ГАВАНЬ, ВЫБРОШЕННАЯ НА МЕЛЬ

В течение нескольких сот лет река Муси, этот суматранский Нил, за счет ила и наносов удлинила свою дельту на несколько десятков километров. Печальная судьба постигла многие города, лежащие в низовьях больших рек и в местностях, где береговая линия испытывает значительные колебания. Так, Равенна, в эпоху Римской империи большой и оживленный порт на берегах Адриатического моря, в средние века оказалась в положении рыбы, выброшенной на берег. Сучжоу, в танское время приморский город, «отодвинулся» в глубь страны, и только его выгодное положение в дельте Янцзы с ее озерами, протоками и каналами позволило ему сохранить значение крупного порта.

Географическая трагедия Шривиджай косвенно содействовала рождению нового центра транзитной морской торговли — Малакки, и щедрым крестником этого ново-рожденного города был, как мы увидим, Чжэн Хэ.

Да, Цзюган — захолустная область, «переместившаяся» вверх по реке Муси, ничем уже не напоминала той страны Шривиджай, о которой в восторженном тоне писали китайские и арабские путешественники VII—X веков.

Город стоял на воде. Не у воды, а именно на воде; Ма Хуань писал, что простой народ живет здесь на бамбуковых плотках, привязанных к деревьям и столбам, и плоты эти поднимаются на речных волнах в часы прилива и опускаются во время отлива. Картина эта вряд ли могла поразить воображение уроженца Китая. На великих китайских реках тысячи людей постоянно жили в легких джонках, и такие джонки усеивали и рукава реки Жемчужной, на которой стоит Гуанчжоу.

У пристаней было много небольших судов, а на берегу довольно многочисленны каменные строения, свидетели былой славы Шривиджай.

Рынки здесь были куда беднее, чем на Яве, и местные купцы торговали главным образом бетелем, лаковым деревом и красными птичьими перьями. В окрестностях города вся земля была тщательно возделана и давала три урожая риса.

Пириш полагал, что всего в «королевстве Палимбанг» (Палембанг) — так называл он область в низовьях Муси³¹, проживает около десяти тысяч человек, причем он подчеркивал, что мусульман в «Палимбанге» было мало — признак, указывающий, что и сто лет спустя после экспедиций Чжэн Хэ область эта не находилась на бойких торговых путях.

От устья Муси корабли шли далее на северо-запад вдоль низких обрамленных душистыми мангровыми зарослями северных берегов Суматры. Море на много ли от берега было мутным — суматранские реки выносили огромные массы желтого ила.

СТРАНА АМАЗОНОК

В междуречье Джамби и Сиака лежали земли малайских племен минангка-бау. Здесь было множество негари — общин, объединенных в племенные союзы, причем рубежи каждой общины считались священными и неприкосновенными, и история этого народа не знала междоусобиц. Каждая община имела несколько селений (*кота*), где строго соблюдались любопытнейшие обычаи и порядки. Здесь жили «большими семьями» по семьдесят-девять человек в огромных домах на высоких сваях.

Деревянные галереи вокруг домов были украшены великолепной резьбой и огромными буйволовыми рогами. Счет родства минангкабау вели только по материнской линии, и основной ячейкой их общества была родовая группа — *са-буах-паруи*, к которой относились все предки матери-родоначальницы до пятого колена включительно. Старшая женщина рода и ее старший брат управляли этой ячейкой.

Минангкабау — отличные земледельцы, оттеснили рим-бу довольно далеко в глубь страны; центром области их расселения было удаленное от моря плато Паданг. Восемь

³¹ Палембангом местные жители называли эту область уже в XIV веке, о чем свидетельствуют записки Ван Дю-юаня. Ма Хуань писал, что страна Цзюган, в древности Саньфоци, называется иноплеменниками (то есть не китайцами) Болинбан.

слабо связанных с этим центром племенных союзов занимали земли в устьях рек, впадающих в море в центральной части северного побережья Суматры. Эти прибрежные земли носили у арабских и иранских мореплавателей название *баб* — входы, ворота; «морские» минангкабау владели множеством ходких и быстрых пирог и плавали по всему Малаккскому проливу. О землях на реке Индрагири, населенных минангкабау, писал еще Марко Поло, у которого об этой стране сохранился весьма сбивчивый рассказ. В XIV веке минангкабау заселили часть Малаккского полуострова, где основали племенную федерацию Негари-сембилан («Девять общин»).

Селения «морских» минангкабау лежали не у самого устья, и экипажи флотилий Чжэн Хэ не вступали в сношения с их жителями. За устьем реки Индрагири китайские корабли входили в Малаккский пролив. Пролив этот по форме напоминает воронку, горлышко которой образуют берега Малаккского полуострова и Суматры. Выйдя в широкую часть пролива, корабли в устье реки Делли (древнее ее название Ару) входили в воды княжества Ару; Ма Хуань и Фэй Синь называли его Алу. «На юге этой страны,— писал Ма Хуань,— тянутся горы, на севере море... на востоке ее равнины, где возделывают скороспелые сорта риса».

Сто лет спустя Пириш так описывал эту землю: «Королевство Ару большое, больше, чем соседние, но оно не богато товарами и не ведет торговли. У короля много подданных и много ланчар (кораблей). На Суматре он слывет великим мастером по части пиратства. Он мавр [то есть мусульманин] и живет в глубине страны, где много рек и куда проникнуть очень трудно... В стране этой много мяса, плодов и вина, и, идя в бой, они могут выставить сто и более кораблей».

ЦАРСТВО ПЕСТРОЛИЦЫХ И ЗЕМЛЯ ХВОСТАТЫХ ЛЮДЕЙ

За рубежами Ару вдоль берегов Малаккского пролива тянулись дикие и низкие земли. Фэй Синь назвал эту область царством пестролицых людей (Хуамяньго), ибо здешние жители разрисовывали щеки и лоб синими треугольниками. То была земля батаков, племен Западной Суматры, впоследствии оттесненных в глубь страны.

Пройдя мимо берегов земли пестролицых, корабли вступили в воды одного из наиболее значительных при- морских княжеств Суматры — государства, которое Марко Поло (он прожил там пять месяцев) называл Самарой, Одорик Порденоне — Сомольтрой или Самудрой, Ибн Баттута — Сумутурой, а Ма Хуань и Фэй Синь — царством Сумэньдала.

По этому княжеству и весь остров получил название Суматры.

«...А царь у них сильный, богатый,— говорил Марко Поло,— рыба здесь самая лучшая в свете, пшеницы у них нет и едят рис...»

Город лежал в устье небольшой реки, впадающей в глубокую бухту; это был оплот ислама на Суматре; местные властители приняли веру пророка в конце XIII века, и с этих пор в город непрерывно стекались мусульманские купцы из Индии; они построили здесь много зданий на индийский манер и развели обширные сады.

Описания спутников Чжэн Хэ очень кратки; судя же по запискам Пириша, город этот (Пириш называет его Пасе, название это удержалось и по сию пору) был важнейшим торговым центром на Южноазиатском морском пути. Его гавань посещали купцы из Калинги (восточный берег Индостана), Бенгалии, Аравии, Ирана, Гуджарата, Сиамы и Явы. Во времена Пириша бенгальцев здесь было больше, чем малайцев, а всего в городе насчитывалось не менее двадцати тысяч жителей. Правда, вряд ли такой размах транзитная торговля имела в начале XV века, но уже тогда гавань Самудры пользовалась большой известностью и в Китае и в Индии.

Мы убедимся в дальнейшем, что Чжэн Хэ отлично оценил значение этой гавани и в своем четвертом плавании, в 1415 году, предпринял в царстве Сумэньдала-Самудре ряд весьма решительных акций.

Из Самудры, следуя прежним курсом на северо-запад, корабли направлялись к гаваням западной оконечности острова. Здесь Ма Хуань и Фэй Синь описали два царства — Ламбри (*Наньболи* у Ма Хуаня) и Ачин.

Ламбри было в ту пору маленьким селением, в котором насчитывалось всего тысяча семейств. В 1514 году Пириш указывал, что город Ламбри подчинен султану соседнего царства Ачин. Ламбри подробно описывал еще Чжоу Чжу-гуа; здесь, говорил он, китайские купцы закупают сандаловое дерево, слоновую кость и белый ратан, а Марко Поло сообщал, что в царстве Ламури (Ламбри), где живут идолопоклонники, много красящего дерева, камфары и всяких дорогих пряностей. Здесь же, в царстве Ламури, добавлял Марко Поло, «есть люди с немощными хвостами, длиною в пядь. Их тут много, живут они в горах, а не в городах, хвост у них толстый, как собачий».

Рассказу о хвостатых людях в стране Ламбри европейцы верили даже спустя три столетия после путешествия Марко Поло, и сообщение венецианца не вызывало на Западе тех сомнений, которыми недавно была встречена весть о снежном человеке в Гималаях.

Одрик Порденоне дал о Ламбри куда более ценные сведения. Он писал, что в этой стране «вся земля находится в общем владении и нет здесь никого, кто по праву мог бы сказать, что то или иное поле мое. Однако дома у них отдельные». Это очень точное и меткое наблюдение; Порденоне в нескольких словах изложил главные особенности малайской сельской общины, подметив те черты, которые далеко не всегда были понятны европейским исследователям XIX и XX веков. В то время, когда странствовал по Суматре Порденоне, мусульман в Ламбри еще не было, но Ма Хуань подчеркивал, что все жители города Нань-боли (Ламбри) исповедуют ислам.

Правитель этой страны, говорит Ма Хуань, жил в большом доме на сваях, причем под домом помещались свиньи и козы. Жители занимались главным образом рыболовством, риса, плодов и овощей в этой земле было мало, местная же знать самое активное участие принимала в торговле.

Царство Ачин, на самой западной оконечности Суматры, располагалось в области расселения племен аче, которые так же, как и минангкабау, входят в малайскую (индонезийскую) семью. Во времена Чжэн Хэ это государство только набирало силу. Но и тогда Ачин был страной, которая славилась своими искусными мастерами-ювелирами, резчиками по кости, строителями ланчар — легких морских кораблей.

«Тот, кто издалека приходит сюда, получает барыши большие, чем в любом другом месте», — так говорилось в одном китайском трактате начала XVII века, и действительно, в Ачине власти особенно благоприятствовали чужеземным купцам.

В XVI и в первой половине XVII века Ачин стал одним из наиболее могущественных суматранских государств.

Воинственный и свободолюбивый народ аче не покорился португальским и голландским захватчикам.

В начале XVII века султан Ачина как равный с равным вел переговоры с английским королем Иаковом I и с большим искусством отстаивал интересы своей маленькой страны, у берегов которой в то время шла борьба между голландскими и португальскими колонизаторами.

Ачин был для Чжэн Хэ очень важным опорным пунктом. Отсюда корабли направлялись к Цейлону, пересекая Андаманское море, и в гаванях Ачина — их было несколько, и все они находились в устьевых участках широких, но не очень длинных рек — закупался провиант. В Андаманском море нелегко было рассчитывать на пополнение корабельных запасов.

Таковы были в начале XV века страны, лежащие на китайско-индийской трассе заморских походов Чжэн Хэ. В октябре 1407 года первая экспедиция возвратилась из плавания. Успех ее был огромный, он превзошел все ожидания. Трюмы кораблей были полны заморскими товарами, и груз, который передал Чжэн Хэ на склады казны в Тайцане

и Люцзягане, едва поддавался оценке. Но главное, чего добился император Чэн-цзу в итоге первого заморского похода, заключалось не в этом.

Гораздо ценнее индийского жемчуга, носорожьего рога Тьямпы и ароматических зелий Аравии были новые торговые и политические связи между Китаем и Тьямпой, Маджапахитом, Суматрой и Каликутом. Морская дорога в Индии стала столь же безопасной, как путь из Пекина в Нанкин, впервые за много веков пираты Южно-Китайского моря и Малаккского пролива утратили свою власть над морскими магистральями.

Не мудрено, что подготовка ко второй экспедиции началась немедленно после того, как корабли первой флотилии бросили якорь в китайских водах. Собственно говоря, это была даже не подготовка. Корабли нагрузили товарами и продовольствием, сменили больных и ненадежных людей и в том же октябре того же, 1407 года флотилия отправилась в плавание.

В ноябре корабли отдали якоря в устье реки Минь в Фуцзяни и, вероятно, в том же месяце или в начале декабря экспедиция вышла в открытое море.

Маршрут второго плавания почти совпадал с трассой первой экспедиции. Флотилия заходила в Тьямпу, на Яву, в гавани Суматры, на Цейлон, в малабарские порты Куилон и Кочин, и конечным пунктом этого маршрута, как и прежде, был Каликут.

МАЛАККА — КЛЮЧ К ЗАПАДНОМУ ОКЕАНУ

Но вторая экспедиция посетила Малакку, куда не заходили суда в первом походе, и этот визит — одно из наиболее знаменательных событий эпохи великих китайских плаваний.

Тщетно мы будем искать ссылку на эту гавань и на это государство у китайских авторов Танской, Сунской или Юаньской эпох. Не упоминают о ней ни Марко Поло, ни Порденоне, ни Ибн Баттута, ни Прапанса — автор «Нагаракретагамы». Причина этому весьма простая: до 1400 года Малакки вообще не было на свете и родился этот город всего лишь за семь-восемь лет до того момента, когда в его гавани стали на якорь корабли экспедиции Чжэн Хэ.

Контур Индокитайского полуострова подобен силуэту человека в капюшоне, поднявшего высоко над головой тощую, слегка согнутую в локте руку. Рука эта — Малаккский полуостров — почти дотягивается до Суматры. Западный берег Малаккского полуострова напоминает берега соседней Суматры. С гор, которые тянутся вдоль всего полуострова и через узкий перешеек Кра уходят в Таиланд и Бирму, текут в Малаккский пролив быстрые, порожистые и мутные реки. В низовьях они расширяются, то образуя довольно глубокие эстуарии, то разветвляются на множество протоков, питающих своими водами прибрежные трясины.

Римба захватывает здесь всю предгорную полосу, она спускается к самому морю, где порой сливается с каймой мангровых зарослей.

В недоступных ее углах обитали темнокожие, жестковолосые пигмеи — лесные бродяги, живущие, как и суматранские кубу, дикими плодами, кореньями и прочими дарами джунглей. Они спали в шалашах из пальмовых листьев, не обременяли себя заботами о завтрашнем дне и бродили с места на место, зная, что «стол и дом» они найдут в римбе повсюду и везде.

Племена малайской семьи — сакаи и джакуны — издавна жили в римбе и в полосе побережья.

Джакуны, которые сами себя называли оранг-лаут или оранг-селат — люди моря, люди пролива, подобно тьямам и малайцам Суматры, были прирожденными мореходами. Они прочно обосновались на мелких островках у южной конечности полуострова, в частности на острове Темесик, который ныне носит название Сингапур, и в приустьевых землях Джохора вдоль узкой горловины Малаккского пролива.

Джакуны были плохими земледельцами — их кормила не земля, а море, и главным их промыслом было рыболовство.

Отлично зная каждую пядь берега на островах, рассеянных у входа в Сингапурский и Малаккский пролив, они на своих быстрых ланчарах бороздили воды проливов, и эти москитные флотилии порой нападали на китайские, индийские и яванские корабли. Это о них писал, жалуясь на опасности, которые подстерегают корабли в водах пролива Линьямэнь, Ван Да-юань.

Джакуны сыграли главную роль в событиях, связанных с основанием Малакки.

Около 1400 года суматранец Парамешвара³², муж одной из принцесс дома Маджапахит, был изгнан из Палембанга и нашел убежище на острове Тумасик. Здесь он сверг и казнил местного царька, но вскоре должен был покинуть остров, на который вторглись войска соседнего раджи; Парамешвара бежал к джакунам и стал вождем в маленьком рыбацьем поселке, лежавшем в устье реки Малакка. Одиссея Парамешвары нашла впоследствии своего Гомера в лице лиссабонского аптекаря Пириша, который писал, что люди пролива — селаты (то есть джакуны) привели Парамешвару на берега реки Малакка, «в местность с просторными полями и тихими водами», и когда Парамешвара согласился остаться здесь, они на манер античных героев ответили ему: «Если земля хороша для тебя, то благо будет, коли ты возьмешь души наши для исполнения своих добрых дел, и мы сторицей будем вознаграждены за это». Действительно, джакуны не проиграли, посадив на своих малаккских землях Парамешвару, и с помощью своих новых подданных, искушенных в морских хитростях, Парамешвара сумел превратить ничтожный поселок рыбаков и пиратов в мощный узел транзитной торговли.

Действовал он при этом весьма смело и решительно: джакунам велено было препровождать в Малакку все чужеземные корабли, проходящие через пролив. Так как пролив в том месте, где стоит Малакка, очень узок, подобные операции проводить было нетрудно. Судно, доставленное в Малакку, вскоре уходило оттуда в полной сохранности; более того, в Малаккской гавани экипаж снабжали водой и топливом, а иноземным купцам продавали всяческие местные товары, которые обходились им гораздо дешевле, чем на рынках Самудры, Тувана или Палембанга.

Методы эти в свое время с успехом применяли цари Шривиджайи, и они полностью оправдали себя и в первые годы существования Малакки. Купцы убедились, что заходить в Малакку выгоднее, чем в другие гавани пролива, и вскоре отпала надобность в крутых поощрительных мерах. Корабли без всякого приглашения стали посещать новую гавань.

В 1405 году Парамешвара сделал еще один ловкий дипломатический ход. Будучи формально вассалом царя Айютии (Таиланда), он послал в Нанкин миссию и обратился к китайскому императору с просьбой взять под свою руку Малакку. Этой акцией он заранее ограничивал притязания на Малакку со стороны своего сиамского сюзерена и предоставлял Китаю возможность пользоваться гаванью, лежащей в самом скрещении торговых путей южных морей. Чжэн Хэ нанес Парамешваре ответный визит и оказал ему всемерное покровительство. Чжэн Хэ вручил Парамешваре серебряную печать, шляпу и одежды особ царского ранга и провозгласил его царем — властителем Малакки. Вскоре Парамешвара с женой и сыном отправился в Китай, был прекрасно принят при дворе и возвратился в Малакку на большом корабле, который ему подарил император.

Парамешвара и его приближенные исповедовали ислам и примерно в эти же годы удачливый властитель Малакки стал называть себя султаном Мегат-Искандер-шахом.

Следуя примеру прочих основателей новых династий, Парамешвара с помощью седебородых мусульманских имамов немедленно сочинил себе родословную; эта родословная через царей Шриваджайи вела к Александру Македонскому, так что, опираясь на внушительное генеалогическое древо со столь глубокими корнями, Парамешвара, он же

³² Парамешвара не имя, а титул. Буквальное значение этого слова — принц-консорт (супруг).

отпрыск великого Искандера-Двурогого, при желании мог предъявить претензии на Афины, Александрию и Вавилон.

Союз с Китаем был одинаково выгодным и для Малакки и для Минской империи. Китай получил возможность держать свои торговые базы в воротах, ведущих из Южно-Китайского моря в Индийский океан, а Малакка овладела ключами в транзитной торговле; отныне основные потоки товаров, которые текли с Востока на Запад и с Запада на Восток, проходили через Малаккскую гавань; пошлины и сборы золотым дождем излились на Малакку, и город этот стал расти с быстротой тропической римбы.

Сто лет спустя Малакка считалась величайшим портом мира, и португальские мореплаватели, которым ведомы были все гавани Запада и Востока, с удивлением и восторгом описывали Малакку. В ее гавани, говорили они, постоянно находилось не менее ста пятидесяти кораблей, в пределах городских стен насчитывалось около тридцати тысяч домов, на рынках же торговались на восьмидесяти четырех языках купцы из всех стран, лежащих на пространстве от Молукк и Кореи до Венеции и Лиссабона.

Впрочем, пора всесветной коммерческой славы во времена Парамешвары и Чжэн Хэ была еще за горами.

Малакка — китайцы называли ее Маньлацзя — в те годы была небольшим селением, и жило в ней не больше пяти-шести тысяч человек, раз в двадцать меньше, чем в 1511 году, когда город этот был захвачен португальским наместником в Индии Афонсу Албукерки.

«Там есть,— писал Ма Хуань,— река, которая протекает через резиденцию царя и затем впадает в море. На мосту через реку крытые навесы на двадцати столбах, и сюда приходят все, кто желает торговать...

Обычаи здесь простые и достойные, а жилища подобны сиамским, и живут тут очень скученно... А [в гавани] для китайских товаров устроены навесы и вокруг них деревянный палисад и на каждой из четырех сторон его ворота и башня, на которой стоят стражники с колокольчиками. Внутри же еще один обвод палисадов, а за ним построены склады...»

Таким образом, когда Ма Хуань впервые посетил Малакку (а это было в 1414 году, через пять лет после первого визита Чжэн Хэ), китайцы имели в Малаккской гавани не только склады, где они хранили свои товары, но и крепость, и при этом довольно внушительную.

Сама Малакка, кроме олова, благовонных смол и черного дерева, ничего не могла предложить китайским купцам. Она даже не в состоянии была прокормиться собственным рисом, и его ввозили с Явы и Суматры, но эта скудость отнюдь не умаляла значения Малаккской гавани, как транзитного порта, лежащего на бойком перекрестке главных морских дорог Южной Азии.

Итак, вторая экспедиция не только закрепила итоги первой, но и положила начало процветанию транзитной гавани на Южноазиатском морском пути. Между вторым и третьим плаванием временной зазор был столь же небольшим, как и в 1407 году.

БИТВА НА ЦЕЙЛОНЕ

Третья экспедиция вышла в плавание в октябре 1409 года и возвратилась в Китай в июле 1411 года. В ней было меньше кораблей, чем в двух первых,— всего сорок восемь, маршрут же ее ненамного отличался от маршрутов первого и второго заморских походов.

В третьем плавании Чжэн Хэ посетил Да-Вьет, Яву, Малакку, Суматру, Цейлон и малабарские гавани.

Цейлон (китайцы называли этот остров Силань), где Чжэн Хэ бывал уже в первых двух плаваниях, на этот раз оказался ареной весьма бурных событий.

Этот сравнительно небольшой остров³³ грушевидных очертаний построен природой весьма просто. В его средней части на высоту двух—двух с половиной тысяч метров поднимается не очень обширное нагорье, со всех сторон окруженное поясом равнин, плавно понижающихся к морю. Пояс этот особенно широк на севере. В ту эпоху густые тропические леса, столь же могучие, как на Суматре, покрывали большую часть цейлонских равнин.

Узкий и мелкий Полкский пролив отделяет Цейлон от Индии, причем через этот проход тянется цепь мелких островов — Адамов мост; наиболее удобные морские пути проходят поэтому не через Полкский пролив, а вдоль юго-западного и южного берега Цейлона и далее следуют вдоль его восточного побережья.

Коренные обитатели Цейлона — сингалы, или сингальцы, связанные родственными узами с народами соседней Индии, создали высокую цивилизацию, которая достигла зрелости уже в первые века нашей эры.

Цейлон в IV—V веках стал оплотом буддизма и обетованной землей для буддийских паломников всей Южной Азии и Китая. В старом священном городе Анурадхапуре, лежащем на высокой равнине центрального Цейлона, и более юной Полоннаруве, расположенной к востоку от гор, близ берегов самой крупной цейлонской реки Махавели-Ганга, созданы были шедевры буддийской архитектуры, не столь грандиозные, как Ангкор-Том или Боробудур, но с характерной для цейлонских зодчих строгостью пропорций и ясностью форм. Должно заметить, однако, что с цейлонскими ваятелями вряд ли могут по щедрости замыслов сравниться их яванские и кхмерские собратья.

Сингальские царства на Цейлоне существовали уже в III—II веках до нашей эры и в первых столетиях нашей эры, когда Цейлон стал одним из промежуточных звеньев Южноазиатского морского пути, приморские города этих царств завязали тесные сношения не только с малабарскими и Коромандельскими гаванями Индии, но и с Римской империей, и немало яван осело на цейлонской земле.

В I тысячелетии нашей эры различные сингальские государства то появлялись, то снова исчезали: на короткое время остров был завоеван южноиндийским царством Чо-ла, соперником Шривиджайи, а с XI века здесь стала править сингальская династия, основателем которой был освободитель Цейлона — Виджая-Баху V. Столица этого царства — город Канди лежал в горах. У верующих буддистов он пользовался такой же славой, как у православных Киево-Печерская лавра с ее мощами святых угодников. В одном из храмов Канди хранится до наших дней архисвященная реликвия — «зуб» Будды.

Задолго до вторжения войск Чолы Цейлон, особенно его северные области, стал заселяться выходцами из Южной Индии, главным образом тамилами. Тамилы продолжали оседать на Цейлоне в XI—XIV веках, и повсеместно вдоль северных берегов они основали ряд мелких княжеств, фактически совершенно независимых. Столь же независимы были и многочисленные сингальские феодалы на юге и в центральных областях острова.

Вот как описывает Цейлон Ма Хуань;

«Буддийских святилищ,— пишет он,— очень много на острове... Царь — ревностный приверженец религии Будды и с великим уважением относится к слонам и коровам. У людей этой страны в обычае сжигать коровий помет и мазать этой золой тело.

А говядину они не едят ни в коем случае и пьют только молоко. Когда же корова околевает, ее хоронят... И самое ужасное преступление, когда кто-либо убивает корову; смерти может [такой преступник] избежать лишь в том случае, если в качестве выкупа он даст коровью голову, отлитую из чистого золота. Каждое утро люди в царском дворце, каково ни было их положение, собирают коровий помет, смешивают его с водой и затем мажут им пол в дворцовых покоях...

³³ 1 Площадь Цейлона — шестьдесят пять тысяч квадратных километров. Он вдвое меньше Явы и почти в семь раз меньше Суматры.

...Царство Силань велико, густо населено и немного похоже на Чжаова [Яву]. И есть тут у людей все, что необходимо для жизни.

Ходят же они нагие, только на бедрах у них повязка из зеленой ткани, перехваченная поясом. А лицо они бреют начисто, оставляют только не тронутыми волосы на голове... бороду отпускают, коли помирает у них отец или мать, и так выражают свою сыновнюю скорбь. Женщины стягивают волосы узлом на макушке и носят белые одежды. Новорожденным мальчикам бреют голову... Покойников они сжигают и хоронят пепел. Не садятся они за трапезу без масла и молока, и если у них нет пищи, то желание есть всячески стараются скрыть. А бетель они жуют все время. У них нет пшеницы, но много риса, сезама и гороха. И собирают они много кокосовых орехов, и получают из них масло, вино и сахар. Есть у них бананы и джак, сахарный тростник, дыни, садовые цветы и травы... В цене у них мускус и цветная тафта из Китая, чаши и вазы из синего фарфора, камфара и китайские медные монеты...³⁴ И платят они за эти товары жемчугом и драгоценными камнями. Китайские корабли, возвращаясь на родину, постоянно привозят послов здешнего царя, которые приносят дань императору драгоценными камнями».

По причинам не вполне ясным царь сингальской династии Алагакконара (Ма Хуань и Фэй Синь называли его Ялекунаэр) вступил в конфликт с Чжэн Хэ. Еще на пути в Каликут в 1410 году Чжэн Хэ встретил на Цейлоне не очень теплый прием. Что именно произошло тогда на острове, понять трудно; китайцы обвиняли Алагакконару в вероломных замыслах, в частности в намерении убить Чжэн Хэ. На обратном пути в 1411 году произошло очень серьезное столкновение с Алагакконарой, которое, видимо, вызвано было цейлонской стороной. Флотилия вынуждена была принять меры к защите, и одновременно Чжэн Хэ с двухтысячным отрядом двинулся на цейлонскую столицу³⁵, взял ее и захватил Алагакконару, его жен, детей и приближенных. Всю царскую фамилию вместе с Алагакконарой Чжэн Хэ препроводил в Китай. Император Чэн-цзу весьма милостиво принял пленников и вскоре отпустил их на родину³⁶.

³⁴ Китайские медные монеты имели хождение повсеместно в странах южных морей. В Индии, Иране, Аравии их покупали на вес и использовали как мелкую разменную монету.

³⁵ Алагакконара (его тронное имя было Виджая-Баху V) перенес столицу из Канди на юго-западное побережье, в район современного Коломбо, в основанный им город Джаявадханакотту.

³⁶ В одном китайском источнике XVI века приводится следующая версия: «Царь Силаня Ялекунаэр впал в соблазн и перестал чтить буддийский закон. Он был жесток и свиреп, безжалостно помыкал людьми в своем царстве и оскорблял святыню — зуб Будды. На третьем году Юнлэ император отправил евнуха Чжен Хэ с благовониями и цветами, дабы принести благочестивые жертвы в [буддийских святилищах] иноземных царств. Чжэн Хэ побуждал Ялекунаэра к почитанию образа Будды и к отречению от ереси. Царь пришел в ярость и вознамерился причинить зло. Чжэн Хэ, угадав его намерения, удалился. Но затем Чжэн Хэ снова был послан, чтобы вручить дары властителям чужеземных стран и привезти в цепях царя острова Силаня. Царь, возгордившийся сверх меры, не оказал Чжэн Хэ знаков уважения и искал случая унижить его. По велению царя пятьдесят тысяч вооруженных воинов завалили дорогу [в столицу] бревнами, а другой отряд должен был напасть на корабли. Но случилось то, что приближенные царя разоблачили его козни. И Чжэн Хэ, выйдя в путь [к столице], поспешил возвратиться со своими людьми на корабли. Но дорога была уже перерезана. Тогда Чжэн Хэ тайно послал гонцов с приказом высадить на берег воинов, дабы с их помощью одержать верх над врагом. Во главе отряда в три тысячи воинов Чжэн Хэ ночью прошел обходной дорогой, внезапно атаковал столицу, ворвался в нее и завладел ею. Тогда воины варваров, посланные для захвата кораблей, а также прочие отряды вражеского войска, ко- торые

Не следует идеализировать личность Чжэн Хэ и наделять его качествами сусального героя, защитника сырых и угнетенных, чертами китайского рыцаря печального образа.

Чжэн Хэ был сыном своего века, а Минский век — время совсем не идиллическое, и феодальный Китай этой эпохи отнюдь не был земным раем. Однако в значительной мере в силу того, что Китай конца XIV и начала XV века не был охвачен той стихией первоначального накопления, которая гнала за тридевять земель кастильских и португальских рыцарей наживы, заморская политика китайской феодальной верхушки была куда более умеренной, чем политика пиренейских держав в эпоху Колумба, Ва-ско да Гамы, Кортеса и Писарро.

Поэтому за флотилиями Чжэн Хэ не шла алчная орда конкистадоров, для которых новооткрытые земли были заповедным полем феерических грабежей и разбоев.

В значительной мере именно этим объясняется то обстоятельство, что, имея все реальные возможности для активных завоевательных акций, Чжэн Хэ никогда без крайней на то необходимости не прибегал к силе оружия.

Великий китайский мореплаватель в каждой своей экспедиции располагал таким количеством кораблей и воинов, которого никогда не было в распоряжении Васко да Гамы, Алмейды, Сикейры и Албукерки.

Чжэн Хэ без особого труда мог захватить все приморские княжества Суматры и Малабара и овладеть Явой, Малаккой и Цейлоном. Он мог подорвать торговые связи гуджаратских, бенгальских, арабских и иранских купцов со странами Малайского архипелага и Индокитая и закрыть мусульманским купцам все дороги на Дальний Восток.

Именно так поступил почти столетие спустя Албукерки, который уничтожил египетский флот, захватил Гоа, Хормуз и Малакку и, пользуясь разобщенностью и взаимной враждой торговых городов-государств стран южных морей, установил португальскую монополию на главных путях, ведущих к Китаю и Молуккским островам.

Но в подобных мерах Минский Китай не испытывал никакой нужды, и Чжэн Хэ предпочитал военным акциям мирные сношения; такая политика была необходима для того, чтобы, не нарушая системы торговых связей, которая сложилась к XV веку на Южноазиатской морской дороге, открыть этот путь для китайской торговли.

Чжэн Хэ нигде не прибегал к провокациям, посредством которых португальцы захватывали мирные города и вероломно разделялись со своими вчерашними союзниками. На Яве, в Палембанге и на Цейлоне в первых трех экспедициях и в Самудре в

стояли в глубине острова, устремились со всех сторон к столице, обложили ее и завязали (с Чжэн Хэ) бой, который длился шесть дней.

Чжэн Хэ и его люди, имея при себе пленного царя, вышли на рассвете из ворот, расчистили дорогу от бревен и прошли свыше двадцати ли, то и дело вступая в битву. Наконец, к вечеру они добрались до кораблей... Они избежали опасностей и остались живы, превозмогли затем все препятствия и прошли морем десять тысяч ли, и не тревожили их ни ветры, ни волны...

В девятый год Юнлэ (1411 год), в седьмой месяц, в девятый день они возвратились в Нанкин»,

В этой версии речь идет о двух рейдах Чжэн Хэ на Цейлон — визите, совершенном во время первого похода, и карательной экспедиции 1410 года. Версия эта правдоподобна в ясти описания боевых операций; но вряд ли мусульманин Чжэн Хэ испытывал «внутреннюю» необходимость бороться за зуб Будды и чистоту буддийской веры. Бесспорно, однако, что, заступаясь за попорченную буддийскую религию, Чжэн Хэ сразу же завоевал симпатии правоверных буддистов, и подобная тактика обеспечила ему поддержку духовенства, весьма влиятельного на Цейлоне. Истинные же причины ссоры Чжэн Хэ с цейлонским царем, очевидно, носили иной характер и вызваны были неблагожелательным отношением царя к китайским торгово-дипломатическим планам.

четвертом заморском походе Чжэн Хэ, правда, применял оружие, но, сломив своих противников, он не превращал их земли в китайские колонии, не посягал на их внутренний строй, религию, обычаи, культуру и внешние связи.

Первые три экспедиции не заходили дальше Каликута. Бросок в воды Передней Азии, очевидно, с успехом можно было осуществить, лишь предварительно полностью освоив китайско-индийскую трассу.

В 1411 году, после возвращения Чжэн Хэ из третьего плавания, эта задача была выполнена. На всех участках Южноазиатского морского пути — от Люцзяхэ до Каликута — Китай имел надежные опорные пункты и базы. Бухта Куи-Ньон в Тьямпе, Туван и Гресик на Яве, Малакка в одноименном проливе, ведущем в Индийский океан, Палембанг и якорные стоянки в устье реки Муси, гавани Ачина и Коломбо на Цейлоне, Куилон, Кочин и Каликут стали этими опорными пунктами, и здесь экспедиции Чжэн Хэ всегда могли пополнить запасы продовольствия, прокренговать и проконопатить корабли, обновить такелаж и парусное хозяйство.

Поэтому в 1411 году уже создалась реальная возможность для рейда к берегам Гуджарата и Ирана, где до того времени китайские корабли появлялись очень редко.

«На двенадцатом году Юнлэ [1414 год], командуя флотом, мы явились в Хулумусы [Хормуз] и другие страны». Так начинается в люцзяганской надписи Чжэн Хэ сообщение о четвертом плавании. Хормуз, гавань в Персидском заливе, был главной целью новой, четвертой, экспедиции, и маршрут заморских походов был, таким образом, продлен на 20 дней пути³⁷.

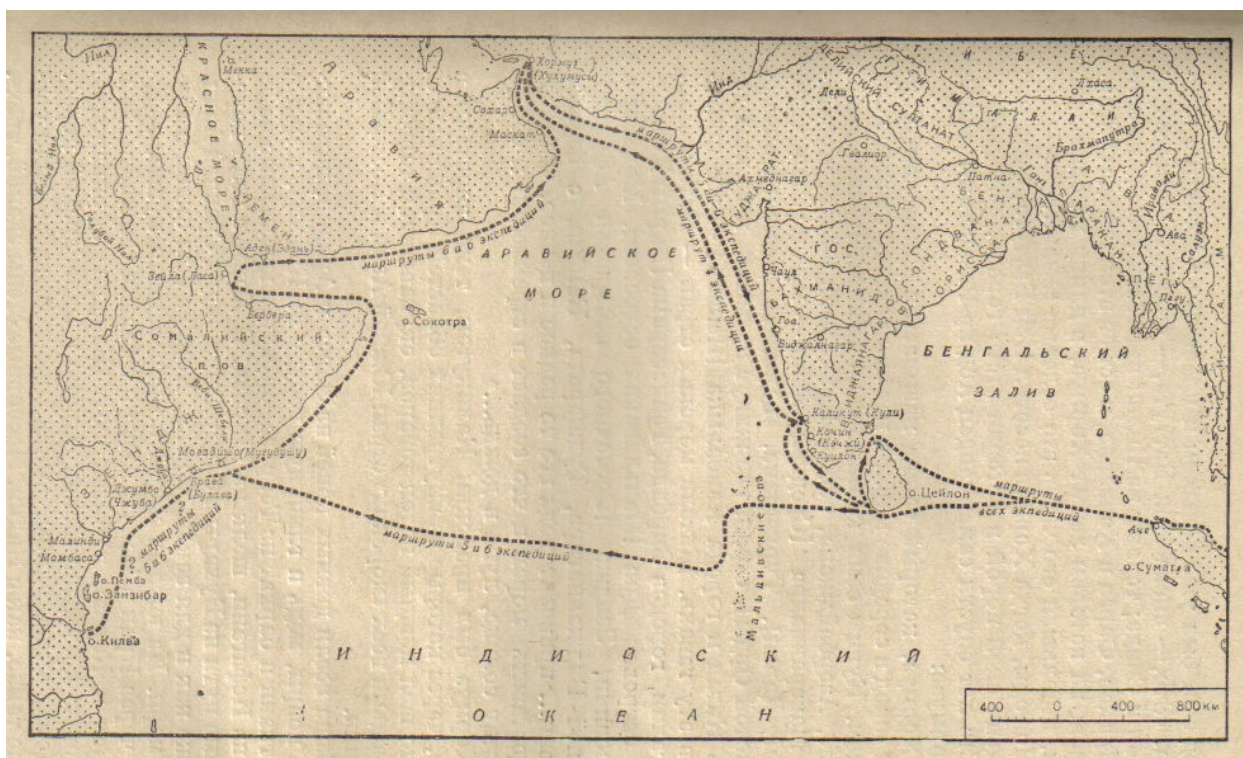
Флотилия вышла в конце 1413 года из китайских вод и возвратилась обратно в августе 1415 года.

ХОРМУЗ — ВЕЛИКАЯ ПРИСТАНЬ

В конце 1414 года в сезон северо-восточных муссонов Чжэн Хэ совершил переход из Каликута в Хормуз. «Ормуз великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть». Разумеется, Афанасий Никитин не подозревал даже о существовании своего старшего современника—Ма Хуаня, но как сходится эта запись в «Хождении за три моря» с тем, что сообщает о Хормузе автор «Обозрения берегов океана». «Эта страна,— говорит Ма Хуань,— лежит на морском пути близ гор. Она торгует со всем светом».

Начало торговой славы Хормуза положено было примерно в 1330 году, когда местный властитель Кутб-эд-дин, вассал монгольских ильханов Ирана, основал этот город на острове Джерун, расположенном близ иранского берега, неподалеку от входа в Персидский залив. Когда Ибн Баттута спустя несколько лет посетил Хормуз, город этот был уже большим и красивым с богатыми рынками, «Это,— писал Ибн Баттута,— складочное место для Индии и Синда; товары из Индии привозятся сюда из обоих Ираков, Фарса и Хорасана, и есть в этом городе султан. Остров, на котором лежит Хормуз, в длину на один день пути, и большая его часть это соленые земли...»

³⁷ Во время четвертого путешествия миссия евнуха Ян Чы посетила Бенгалию. Описания Бенгалии имеются у; Ма Ху.аня и Фэй Синя.

Маршруты экспедиции Чжэн Хэ (западная часть трассы)

Но годы, когда Хормуз посетил Ибн Баттута, были еще младенческой порой в истории этого города.

Сто лет спустя самаркандец Абд-ар-Разак так говорил о Хормузе:

«Хормуз, который также называется Джеруном, морской город в середине моря, и нет ему равного на всем лике земном. Купцы семи климатов: из Египта, Рума [Малой Азии], Азербайджана, обоих Ираков, из Фарса, Хорасана, Мавераннахра [Средней Азии — междуречья Сыр-и Аму-Дарьи], Туркестана, царства Дешт-и-Кипчака [Золотой Орды], стран, где живут калмыки, и из всех земель Китая и города Ханбалыка [Пекина] — все приходят в эту гавань. Жители морских стран — Китая, Явы, Бенгалии, городов Зирбада, Тениссерима [Бирмы], Сокотры, островов Див [Мальдивских островов], Малабара, Абиссинии, Зенджа [Восточного побережья Африки], гаваней Виджаянагара, Гуджарата, Камбая, с берегов Аравии... привозят сюда все то редкое и ценное, что можно доставить морем и что создает в стремлении к совершенству солнце, луна и дождь...»

Хормуз был иранским Каликутом, теми воротами в море, через которые из внутренних областей Ирана непрерывно шел мощный поток товаров, скупавшихся торговыми людьми всех «морских» стран Южной Азии и Восточной Африки.

Сюда везли дивных коней из Фарса и Аравии, хорасан-ские ковры, медь и глиняную посуду из Кашана, шерстяные ткани и бархат из Тебриза, оружие и ювелирные изделия из Исфагани, шелк из Шираза. В Хормуз вели караванные пути из Бухары и Самарканда, и для Средней Азии, так же как и для земель Ирана, Хормуз был окном в южные моря. Из южных морей по караванным путям, ведущим через Иран в Малую Азию и в гавани Сирии, везли в Дамаск и Копию, в Византию и Венецию африканскую слоновую кость, китайский фарфор и малабарский перец.

Дома, люди, улицы, рынки, площади здесь были совсем не такие, как в Индии. Массивные стены зданий, трех-, четырех- и пятиэтажных, сложены были из камня. На плоских крышах люди спали, проводили часы досуга, принимали гостей.

Здесь было очень мало зелени и мало тени, сухую землю, покрытую белесыми выцветами соли, немилосердно жгло солнце.

У мужчин были огненные бороды, женщины закрывали лица неплотной голубой или розовой чадрой, глаза у них были подведены густой черной краской. Фэй Синь с

удивлением писал, что в этой стране совсем нет подножного корма для скота и быков: овец и верблюдов кормят там вяленой рыбой.

К этому вселенскому базару у стен белокаменной цитадели впервые в истории Ирана пришел китайский флот — шестьдесят кораблей с двадцатипяти тысячным посольством. В Хормузе, так же как в Каликуте, миссия Чжэн Хэ была вполне успешной. Правитель Хормуза³⁸ принял грамоты Чэн-цзу, посетил Чжэн Хэ и преподнес ему ценные дары.

С четвертой экспедицией отправилось из Китая посольство в Бенгалию; оно доставило в Китай редкостного зверя — «цзулафа» — жирафу, которая, очевидно, была привезена в Бенгалию индийскими или арабскими моряками из какой-нибудь гавани на сомалийском берегу Африки или из Адена, где, по словам Фэй Синя, процветала торговля диковинными африканскими зверями.

ТРИ ТЫСЯЧИ ОСТРОВОВ

В четвертом плавании Чжэн Хэ продлил прежний марш рут не только на северо-запад, но и на юго-запад. Либо вся флотилия, либо часть ее посетила страну Лю-шань — Мальдивские острова. Эта цепочка коралловых островов протягивается в Индийском океане примерно на восемьсот километров вдоль 73—74 градусов восточной долготы от широты мыса Коморин до экватора. В Мальдивской группе несколько тысяч мелких атоллов и настолько низки эти крохотные островки, что издали с корабля кажется, будто кокосовые пальмы растут прямо из синих вод океана.

«Эта страна, — писал Ма Хуань, — лежит к юго-западу от Суматры, и дойти до нее можно за десять с лишним дней. Местные жители называют ее Дегань, здесь не видно городских стен... на запад от [главного острова] в море есть восемь атоллов и на каждом атолле старейшина. Все атоллы доступны для кораблей. Мелких атоллов, говорят, насчитывается более трех тысяч... И правитель и люди этой страны мусульмане, обычаи их прекрасны, все они придерживаются строгих правил.

А занятие у них рыбная ловля и выращивание кокосовых пальм».

Чжэн Хэ, видимо, прошел к северной группе Мальдивских островов от берегов Цейлона (оттуда при попутном ветре пути было пять-семь дней).

Почему же Чжэн Хэ направился к этой россыпи атоллов? Думается, что он предпринял этот рейд не ради мальдивской рыбы и не ради мальдивских кокосовых орехов. Об этом мы скажем ниже.

За 80 лет до четвертого плавания Чжэн Хэ Ибн Баттута писал, что Мальдивские острова — это одно из чудес мира. Их, говорил он, около двух тысяч и они нижутся в кольца, внутрь которых обычно ведет лишь один проход, подобный воротам. И только с помощью местных лоцманов можно плавать в этих водах. Примечательно, что уже во времена Ибн Баттуты решительно все жители Мальдивских островов исповедовали ислам. Ибн Баттута, однако, жаловался, что женщины здесь никак не поддаются уговорам правоверных блюстителей мусульманских обычаев и отказываются закрывать лицо.

Острова были во владении двенадцати царьков, которые номинально зависели от султана; резиденция его находилась на острове Мале. Кроме проса, никаких других культур жители тогда не разводили, а основным их занятием была рыбная ловля; вяленую рыбу мальдивские купцы вывозили в Индию, Йемен и даже в Китай. Ибн Баттута с восторгом описывал кокосовые пальмы на Мальдивских островах: «пальмы эти дают молоко, масло, мед и Прочное волокно». «Волокно это, — отмечает Ибн Баттута, — крепче бечевы из конопли и его вывозят в Индию, Аравию и Китай. Индийцы и арабы из Йемена

³⁸ Он был вассалом одного из сыновей Тимура — султана Шах-руха, отца великого астронома Улуг-бега; Шахрух правил большей частью Ирана и Средней Азии, и столица его была в Герате, на территории современного Афганистана.

сшивают этими волокнами части своих кораблей, не применяя гвоздей. В Индийском океане много рифов; при столкновении с ними корабль, сбитый железными гвоздями, рассыпается, тогда как сшитые суда более упруги и они не разбиваются на куски». Такие сшитые суда были в ходу и у моряков восточного побережья Африки, и об их высоких мореходных качествах много писали в XVI веке португальцы.

На Мальдивских островах арабские купцы закупали рыбу, кокосовые орехи, раковины-каури, которые во многих странах Востока использовались как ходячая разменная монета³⁹, хлопчатые ткани для тюрбанов и медные изделия.

С четвертым плаванием связаны события в Самудре, суматранском княжестве, о котором уже упоминалось выше.

На обратном пути Чжэн Хэ высадился в Самудре и низложил «мятежника Суганьла» [Искандера], который захватил власть в Самудре и сверг властителя этого города «Абидина» [Ала-уд-дина]. Военные действия Чжэн Хэ предпринял по просьбе «Абидина» и в союзе с правителем соседнего царства Ачин. Суганьла-Искандер был доставлен к императорскому двору. Версия, которую приводит Ма Хуань, позволяет предположить, что Искандер, сын простого рыбака, был не «мятежником», а вождем народного движения, направленного против властителя Самудры.

КИТАЙ ПРИХОДИТ В АФРИКУ

Как ни огромно было расстояние от устья Янцзы до Хормуза, как ни значительны были итоги первых четырех плаваний, нельзя все же не отметить, что маршруты их претворены уже были в прошлом многократными переходами одиночных китайских кораблей в гавани Малабара и Персидского залива.

В Африку же до пятого плавания Чжэн Хэ китайские корабли не ходили.

Следует оговориться при этом, что Африка (или, точнее говоря, ее восточное побережье) не была в начале XV века для Китая неведомой землей. Задолго до появления «торгово-этнографических энциклопедий» Сунской эпохи китайцы знали о существовании на берегах далекого «Юго-западного моря» стран, где живут черные люди и где водятся дикие звери, которых нет ни на Суматре, ни на Цейлоне, ни в Индии. Товары же из этих стран попадали в Китай уже в Ханьскую эпоху, а китайский шелк, бронзовые изделия и кожа были отлично известны в Египте в ту пору, когда он был провинцией Римской империи Клавдиев, Флавиев и Антониев, то есть в I и во II веках нашей эры. В Танскую эпоху, в середине IX века, появились обстоятельные описания страны Бобали (Берберы — побережье Сомалийского полуострова). «Там, — говорит Дуань Чжэн-ши, автор IX века, — люди не едят риса и хлеба и питаются только мясом. Они отворяют жилы быкам и пьют бычью кровь, смешанную с молоком; одежды эти люди не носят — только вокруг бедер у них кусок овечьей шкуры. И у тех людей в обычае продавать в другие страны своих собственных земляков, потому что за рабов, проданных в другие земли, они выручают куда больше, чем если бы торговали ими на месте. И кроме того, в стране Бобали есть слоновая кость и амбра». Действительно, в VIII—IX веках огромное количество рабов-негров появилось и в Иране, и в Индии, и на Яве, и в Китае, и предприимчивые даши продавали негров на рынках Гуанчжоу и Цюаньчжоу.

Об африканских странах подробно писала «Новая история Танской династии» — источник середины XI века, а о земле Бобали Чжоу Чжу-гуа так говорил в 20-х годах XIII века: «в ней четыре города⁴⁰, прочие же места — это селения, которые постоянно враждуют друг с другом. Поклоняются здесь небу, а не Будде, в стране много верблюдов и овец, и верблюжьим мясом и молоком кормятся местные жители. Есть там слоновая

³⁹ На самих Мальдивских островах одному; золотому динару соответствовала тысяча двести мелких раковин.

⁴⁰ Имелись в виду города Зейла, Бербера, Могалишо и Брава.

кость, амбра, носорожий рог, жидкие смолы, мирра, черепаший панцирь удивительной тонины, на которые большой спрос в других землях. И водятся там птицы-верблюды, рост у них с головы до кончиков лап шесть-семь футов, и у них есть крылья, и они могут летать, но не далеко, а также дикий зверь цзу-ла [жирафа] величиной с верблюда и статью подобный быку, он желтый, передние лапы у него пять футов, задние же только три фута, а голова сидит высоко и выдвинута вперед. И водятся тут звери, подобные мулам, с бурыми, черными и белыми полосами... Жители этой страны великие охотники, и они поражают зверей отравленными стрелами».

Этот превосходный зоологический этюд написан человеком, который хотя и не был в Африке, но располагал о ней точными сведениями от арабских и иранских купцов⁴¹ и несомненно видел либо у себя в фуцзяньских гаванях, либо на рынках стран южных морей страусов, жирафов и зебр. (Страусов уже во II веке нашей эры привозили в Китай через Парфянское царство и долгое время их называли в Китае «парфянскими птицами» — *аньсицяо*.)

В середине XIV века Ван Да-юань описывал страну Цзэняоляо — Зендж арабских географов, то есть полосу восточноафриканского побережья от Баб-эль-Мандебского пролива до Мозамбика. Вероятно, и в XIII и в XIV веках китайские купцы и искатели приключений на арабских кораблях добирались до Зенджа, их рассказы наряду с описаниями арабских и иранских путешественников служили отправными данными для китайских географов той эпохи.

Возвращаясь к эпохе Чжэн Хэ, отметим, что пятый заморский поход имел для Китая не меньшее значение, чем для Западной Европы плавание Васко да Гамы. Любопытно, что трассы конечных и наиболее важных отрезков маршрутов Васко да Гамы и пятого плавания Чжэн Хэ совпадают. Китайский флотоводец в 1418 году и португальский мореплаватель в 1498 году — первый следуя с востока на запад, второй идя с запада на восток, — пересекли ту часть Индийского океана, которая отделяет восточные берега Африки от Индостанского клина. Только китайские корабли прошли этими водами на 80 лет раньше флотилии Васко да Гамы.

Пятое плавание Чжэн Хэ было, подобно предыдущим походам, торгово-дипломатической миссией, причем на этот раз в орбиту Серединной империи втягивались страны, которые до той поры не имели с ней непосредственных сношений.

Этот скачок на запад был прямым следствием первых четырех походов. Вести о китайской флотилии, бросившей якорь в гаванях Каликута и Хормуза, слухи о посольствах великого султана султанов Крайнего Востока дошли до берегов Африки. О китайских кораблях и об огромных партиях китайских товаров толковали на рынках Мамбасы, Занзибара, Малинди, Берберы, местные царьки заранее подсчитывали барыши от торговли со страной Син, которая неожиданно оказалась на подступах к их владениям.

ЖИРАФЫ ПРИХОДЯТ В ГОСТИ

В 1415 и в 1416 годах в Китай прибыло множество миссий из различных стран Западного океана. В частности, явились послы из Малинди, города-государства на восточном берегу Африки; здесь в 1498 году Васко да Гама взял на борг флагманского корабля флотилии самого искусного кормчего того времени, «льва моря» Ахмада ибн-Маджида, который провел португальские корабли в Каликут.

Можно полагать, что посольство из этой далекой страны дважды за очень короткое время побывало в Китае: первый раз в 1415 году, когда послы привезли в подарок императору жирафу, второй раз в 1416 году. Жирафу доставила в 1415 году миссия, направленная в Китай из Адена.

Отметим, что при императорском дворе появление жирафа вызвало истинную сенсацию. Придворные поэты слагали оды в честь этих диковинных зверей.

⁴¹ Иранцы издревле называли страусов «шотор-морг» — птица-верблюд.

«...Из стран дальнего Юго-западного моря,— писал один поэт,— из застойных вод великих трясин явилась жирафа — порождение сих мест, и рост ее пятнадцать футов, и статью она олень оленем, а хвост у нее бычий, и рога мягкие и бескостные, и шкура ее в ярких пятнах, подобных красным облакам или пурпурным сгусткам тумана. Она плавно ступает своими копытами, заботливо выбирая путь, и шаг ее упруг и в каждом движении грация и ритм...»⁴². Разумеется, послы, прибывшие из Адена и Малинди, явились в Китай не только в качестве жирафьих проводников и поводырей. После того как переговоры мослов при дворе были закончены, император принял решение отправить гостей из стран юго-западных морей восвояси на флотилии столь же значительной, как и эскадры первых четырех экспедиций. Так возникла пятая экспедиция Чжэн Хэ, которой поручалось дойти до Малинди и установить непосредственные связи с африканскими и аравийскими землями.

ПУТЬ К ЧЕРНОМУ МАТЕРИКУ

На этот раз флотилия, видимо, снаряжалась дольше, чем четвертая и третья. Указ об ее отправке был дан 28 декабря 1416 года, год с лишним спустя после возвращения Чжэн Хэ из четвертого плавания. Впрочем, задержка была скорее всего вызвана желанием Чэн-цзу одновременно отправить на родину всех послов, которые в течение 1415 и 1416 годов явились в Китай.

Но в сезон северо-восточных муссонов 1416—1417 годов экспедиция еще не отправилась в путь. Весной 1417 года Чжэн Хэ еще находился в Цюаньчжоу, где оставил в одном храме мемориальную подпись, помеченную 16-м днем пятого месяца пятнадцатого года Юнлэ (31 мая 1417 года). Скорее всего флотилия вышла в плавание в октябре или в ноябре 1417 года и в марте—апреле 1418 года достигла Цейлона. Оттуда она отправилась в дальнейший путь в апреле или в мае того же года. Каким же образом повел ее в Африку Чжэн Хэ? Прежде всего следует исходить из предположения, что Чжэн Хэ, желая отправиться из Цейлона или Каликута к берегам Африки в начале сезона юго-западных муссонов, должен был учесть вековой опыт арабских и индийских мореходов.

В логиях же знаменитого кормчего Васко да Гамы Ахмада ибн-Маджида, в которых блестяще обобщен этот опыт, рекомендуется плыть в начале сезона юго-западных муссонов от берегов Малабара к Занзибару, следуя на юг к островам Фаль (Лакадивские острова) и далее по закатным (западным) румбам к Долгому Берегу (Сомалийское побережье)⁴³; судя по тому, что на этом пути звезда Сухайль (Канопус) стоит на высоте шести с половиной пальцев (примерно 8 градусов) над горизонтом, эта трасса, вероятно, проходила примерно вдоль экватора.

Ибн Маджид подчеркивает, что в это время года путь к берегам Африки через Аравийское море закрыт. «Не проникнет,— говорит он,— [к месту] кто плывет при девяноста [дней от начала солнечного года по персидскому календарю], не считая того, что бывает в редкие годы».

⁴² Когда в Китай прибыла в 1414 году первая жирафа из Бенгалии, Палата Церемоний решила в связи с ее появлением устроить встречу столь редкостному зверю. Чэн-цзу, однако, отклонил это предложение: «Пусть,— сказал он,— сановники денно и ночью пекутся о делах управления, дабы в мире было яроцветание. Если на земле будет мир, то ничто не нарушит доброго порядка, хотя бы этой жирафы и вовсе не было бы на свете». Впрочем, в следующем, 1415 году он встречал торжественное шествие, во главе которого вели жирафу, доставленную из Малинди. Но эти знаки внимания были оказаны не африканскому зверю, а африканскому посольству.

⁴³ Т. А. Ш у м о в с к и й. Три неизвестные логии Ахмада ибн-Маджида—арабского логмана Васко да Гамы, Изд. АН СССР, М.— Л., 1957, стр. 14.

Поэтому, следуя советам арабских и индийских лоцманов, Чжэн Хэ должен был избрать южный вариант ин-дийско-африканской трассы. В этом случае он прямо от Цейлона пошел к Мальдивским островам, спустился до экваториальных широт и там, используя свежие юго-восточные пассаты, взял курс на Африку. Не случайно побывал на этих островах Чжэн Хэ в четвертом своем плавании и не случайно Фэй Синь говорит, что, «идя на юг от Билило [гавань на юго-западном берегу Цейлона], что в Силане [Цейлоне], можно достичь страны Булава [Брава в южной части Сомалийского полуострова] за двадцать один день».

Если допустить, что Чжэн Хэ шел к Африке южным путем, вдоль экватора, то он должен был примерно в мае или июне достичь берегов черного материка на участке между Малинди и Бравой (примерно между 4 градусом южной широты и 2 градусом северной широты). Затем флотилия, пользуясь попутным сомалийским течением, вероятно направилась на северо-восток вдоль сомалийского берега, обогнула крайнюю восточную оконечность Африки — мыс Гвардафуй и водами Аденского залива прошла мимо северного берега Сомалийского полуострова до Берберы или Зейлы; далее корабли, видимо, пересекли Аденский залив, достигли Адена и оттуда вдоль берегов Хадрамаута и Омана проследовали в Хормуз, а из Хормуза в Каликут. Переход Аден — Хормуз — Кали-кут Чжэн Хэ мог совершить в ноябре — декабре 1418 года, в сезон северо-восточных муссонов.

Таким образом, в мае — июне 1418 года за 79 лет 11 месяцев до Васко да Гамы китайские мореплаватели достигли восточных берегов Африки. Возвратилась же флотилия в Китай в августе 1419 года⁴⁴.

ВОСТОЧНЫЙ РОГ

Восточный рог Африки — Сомалийский полуостров — это далеко выдвинутый в Индийский океан выступ африканской платформы. Это та «Великая дуга», к которой через неведомое море плыл египетский мореход Баурджед, герой увлекательной повести И. А. Ефремова. Это окраина страны Пунт, таинственной земли темнокожих, предания о которой хранят каменные книги Египта, это «Царство Благовоний» греческих мореплавателей, это Зендж — страна слоновой кости и душистых смол арабских географов, это земля Бибало летописцев танского и сунского времени.

Великий рог примыкает на западе к высокому нагорью Эфиопии. Северный край этого мощного клина, очертания которого подобны корабельному носу, круто обрывается в воды Аденского залива, а за ним лежат невысокие берега Аравии.

К югу и юго-востоку Эфиопское высокогорье и северные сомалийские гряды понижаются, образуя ряд широких уступов, исполинскую лестницу, нижние ступени которой уходят под мощный покров юных речных отложений.

В этих низменностях прибрежного пояса блуждают реки, у которых нет ни постоянных берегов, ни постоянных русел — сомалийские «туги». В сезон горячих юго-западных муссонов они совершенно пересыхают и возрождаются лишь в «зимнее» время, когда истомленную зноем землю орошают не очень частые дожди. Солнце иссушает здесь не только мелкие туги. Даже самая длинная река Восточного рога — Веби Шебели не доносит своих вод до Индийского океана и теряется в соленых прибрежных болотах.

Климат сомалийской земли жаркий и сухой. На севере, в Бербере, даже в феврале, когда дуют северо-восточные муссоны, средняя температура не опускается ниже 26

⁴⁴ Автор в своей книге «По следам путешественников и мореплавателей Востока», М., 1955, стр. 142, опираясь на очень неясное указание «Минши» («Истории Минской династии»), провел трассу пути Чжэн Хэ к Африке через Аравийское море по маршруту Куилон — Хормуз — Аден. Очевидно, этот северный вариант маршрута куда менее вероятен.

градусов, а бывают дни, когда ртутный столбик поднимается до 42—43 градусов. Влага слабых муссонных дождей молниеносно испаряется; поэтому, хотя кое-где осадков выпадает почти столько же, сколько в Москве (около 500 миллиметров, в среднем же 230—300 миллиметров), воздух здесь так же сух, как в пустынях Туркмении.

Ближе к Эфиопскому нагорью там, где больше влаги, простираются бескрайние саванны. Это заросли жестких трав с пятнами «колючего редколесья». Деревья и кустарники-сухотлюбы — акации, мимозы, молочаи — расчетливо экономят здесь каждую каплю воды. Они низкорослы, их искривленные стволы и угловатые, усеянные шипами и колючками ветви покрыты корой, подобной засохшим струпьям. Порой эти саванные рощи с приземистыми, широко кронными деревьями напоминают наши яблоневые сады.

Сходство это обманчиво — деревья саванны не дают сладких и сочных плодов, листва их жестка, и над этими «садами» совсем не наше курское' или рязанское небо. В засуху листва опадает, выгорает трава, и саванна, голая и сухая, становится бурой. В долинах больших рек зеленеют полосы галерейных лесов, которые ничуть не похожи на леса влажных тропиков. Как и в саванне, здесь растут те же акации, тамаринды, мимозы, правда, они здесь выше и стволы их толще; попадаются и пальмы и кое-где ветви оплетены лианами; борьба идет не за свет, а за воду, и поэтому долинные леса редкие и щупальца корней тянутся во все стороны и глубоко впиваются в почву, жадно высасывая из нее скудную влагу.

Ближе к морю полосы саванн змеятся лишь вдоль берегов тугов. На севере в этих саванных зарослях растут камедные деревья, источающие благовонную смолу, по которой в древности греки и называли землю Восточного рога Африки «Царством Благовоний». В прибрежных низменностях пустыня царит безраздельно. Всюду, куда хватает глаз, простирается мертвая, сожженная солнцем желтовато-бурая земля с белыми пятнами солончаков.

Северный берег изрезан неглубокими бухтами, восточный, обращенный к Индийскому океану, своими очертаниями напоминает лезвие турецкого ятагана — искривленный клинок без зазубрин и заусениц. Здесь на десятки миль тянется ровная кайма песчаных отмелей; то там, то тут на нее с моря надвигаются блуждающие гряды дюн, и они непрерывно ведут наступление на прибрежные низины.

Южнее Сомалийского полуострова море вдается в африканский берег, на участке между рекой Тана и устьем Замбези образующий неглубокую излучину. Море здесь приближается к Восточноафриканскому плато — высокому нагорью, расщепленному исполинскими расколами, вдоль которых тянется цепь великих африканских озер.

Здесь саванны не такие сухие, как на сомалийском полуострове, — это травянистая степь с рощами колючих акаций, мимозами, тамариндом, сикиморой и огромными баобабам.

Саванны Восточной Африки — истинный звериный рай. Особенно хорошо чувствуют себя здесь антилопы, их в саваннах множество и при этом самых разнообразных видов: карликовые антилопы чуть побольше зайцев; антилопы-прыгуны с копытцами, подобными пуантам балерин; пряморогие бейзы; массивные большеголовые канны; бородатые гну — звери-кентавры с головой быка и корпусом лошади; стройные газели с глазами красавиц из «Тысячи и одной ночи». Саванны — край зебр и жираф. Для саванн создала природа это животное с журавлиной шеей, несущей голову, способную дотянуться до «надножного корма» — жесткой листвы древесных крон. Саванна — обетованная земля для львов, леопардов, гепардов, гиен и прочих хищников и для охотников за слоновой костью.

В Восточной Африке между Таной и Замбези нет пустынь. Низменная прибрежная полоса прорезана долинами больших и малых рек. Берег окаймлен барьером коралловых рифов, разорван речными дельтами, почти повсеместно оброс непроходимой каймой мангровых зарослей. Рифы образуют гавани с тихими водами, но очень затрудняют

подступы к берегу, бедному глубокими бухтами. Только на островах близ побережья — Пембе, Занзибаре, Мафии — много удобных и надежных гаваней.

Испокон веков в степях Восточного рога кочевали сомали — племена эфиопской расы, которые говорили на языке, родственном языку древнего Египта.

Эти высокие, крепкие, узконосые люди с кожей кофейного и красновато-бурого цвета странствовали от туга к тугу, от колодца к колодцу и в месяцы сухих ветров откочевывали на запад и на север ближе к горам.

«Они постоянно перегоняют свои стада,— говорит французский географ Моретт,— по скудным пастбищам от одного водоема до другого; хотя вода бывает солоноватой, но животные все же ее пьют.

Нередко один почти высохший водоем отстоит от другого на расстоянии двух дней пути. Истомленная жаждой группа кочевников — мужчины, женщины, дети и скот — с трудом бредет по степи. Стада кочевников почти всегда бывают смешанными; они обычно сострят из нескольких голов горбатого длиннорогого скота... мяса этот скот дает мало, молока так же — не больше одного литра от коровы. Кроме того, в стадо входит несколько темно-рыжих овец, шерсть которых идет на изготовление бурнусов, значительно большее количество коз и, наконец, верблюды, единственные животные, способные ходить по степям и пустыням в упряжи и с вьюком».

Сомали жили в легких шатрах, которые разбирались и ставились вновь в одно мгновение. Решетчатый каркас этих странствующих жилищ покрыт был слоем сухих трав и настилом из верблюжьих шкур. Так же, как и их западные соседи — данакиль, галла, тиграи, сомали были искусными гончарами, резчиками по рогу и корзинщиками. Славилась их плетеные изделия — корзины из тонкой соломы, окрашенной в золотисто-желтые и лилово-красные тона, и поделки из слоновой кости и носорожьего рога.

Пять сомалийских племен мирно соседствовали на землях Восточного рога, и каждое племя владело территорией, куда большей по площади, чем Бельгия, Голландия и Дания, взятые вместе.

Сомали, хотя и были коренными африканцами, ничего общего не имели ни в облике, ни в языке, ни в хозяйственном укладе с обитателями более южных областей.

Черная Африка начиналась на юго-западе за рекой Джума. Она захватывала всю экваториальную Африку от моря до моря и между Джумой и Замбези выходила к Индийскому океану.

Здесь в полосе между великими озерами и Индийским океаном обитали племена, которые говорили на языках банту и получили у арабов прозвище суахили (прибрежные жители)⁴⁵. Эти племена в незапамятные времена подняли саванную целину, распахали земли в долинах и в устьях рек, засеяли ее неприхотливыми восточноафриканскими культурами: местным просом — дуррой, сорго, бобами, земляным орехом. В ту эпоху, когда греческие, индийские, малайские мореплаватели освоили морской путь из Красного моря к Красной реке Вьетнама, в полосе побережья между Восточным рогом и Мозамбиком уже были цветущие селения.

Из этой страны, которую греки называли «землей сшитых лодок» (Рапта), и с берегов острова Менутиас (Занзибара) в гавани Красного моря везли слоновую кость, амбру и черепаши панцири.

В те времена северные сомалийские земли входили в Аксумское царство, которое занимало большую часть Эфиопии и эритрейское побережье Красного моря и тесно было связано с Южной Аравией. В первых веках нашей эры на берегах Аденского залива уже были арабские колонии, а начиная с VII века арабы из Йемена, Хадрамаута, Омана непрерывно оседают на берегах Восточного рога и в землях, лежащих к югу от него.

⁴⁵ Суахили — термин весьма условный. Это не народность и не этнографическая единица вообще, а плеяда восточных африканских племен, говорящих на диалектах восточной группы языков банту.

Вероятно, в VII или в VIII веке арабы стали называть все восточноафриканское побережье от Аденского залива до Замбези страной Зендж, или Зиндж.

Особенно усилилась арабская колонизация Зенджа в X веке. Около 908 года арабы основали Могадишо, в 920 году Браву, около 975 года арабы и иранцы из Шираза zaloжили свои фактории в Момбасе, на островах Пемба и Занзибар и в Килве, близ устья реки Руфиджи. В конце X века арабы и иранцы в поисках золота дошли до Замбези и основали к югу от нее город Софалу. Из приморских городов они посылали экспедиции в глубь страны, к великим озерам, используя старые караванные пути и прокладывая новые дороги в сердце Черного материка.

Зенджские города стояли у самого моря за мощным обводом каменных стен. Эти города находились на африканском ответвлении великого муссонного пути, главной торговой дороги южных морей. Они жили торговлей, а самым прибыльным промыслом был невольничий торг, который в IX—XI веках достиг огромных масштабов. В эту эпоху черные рабы появлялись во всех странах, лежащих на магистральных и боковых муссонных путях. Люди с побережья, говорящие на языке суахили, масаи, акамба и кикуйо из страны к востоку от озера Виктория, строили Боробудур и Ангор-Том, работали на полях Тьямпы, охраняли покои царя Шривиджайи и танских и сунских императоров, добывали олово на Малаккском полуострове и грузили корабли в гаванях Сирафа, Куилона и Цюаньчжоу⁴⁶.

Люди из южных областей Зенджа — с берегов Руфиджи и Рувумы и с «суахильского» побережья вывозились и в города Восточного рога — Зейлу, Берберу, Могадишо, Джумбу, Малинди и Момбасу. Рабы кое-где распахали сомалийскую почву и на жалких клочках отмытой от соли земли вырастили сады и насадили стойкие восточноафриканские культуры — дурру, бобы, маниок. Однако прокормиться тем, что так неохотно и в таком малом количестве давала здешняя земля, зенджские города не могли, и почти все припасы привозились из соседних; областей.

Пришельцы смешивались с местным населением, и за шесть-семь веков в Зендже мулатов самых различных цветов и оттенков стало гораздо больше, чем чистокровных арабов или сомалийцев. Даже португальцы, цвет кожи которых отражал самые различные степени лузитано-мавританских связей, были поражены пестротой зенджского населения. Они писали о «дубленокожих», «краснокожих» и «красновато-бурых» жителях Килвы, Момбасы, Малинди и Могадишо и говорили при этом, что язык суахили везде на побережье столь же распространен, как и арабский.

Обычно каждый из городов заселялся выходцами из какой-либо определенной местности Йемена, Хадрамаута, Омана или Фарса. Так, в Могадишо оседали главным образом арабы из племени мукри, в Килве — ширазцы, в Бербере — йеменцы, в Зейле — переселенцы из Адена.

Та племенная рознь, которая существовала в аравийской или иранской метрополии, переносилась и в африканские колонии. «В Зендже,— говорили арабы, — что ни город, то

⁴⁶ Работоторговля велась в Восточной Африке и в средние века и в новое время, вплоть до начала XX века, причем с арабами весьма успешно соперничали европейские скупщики «живого товара», и прежде всего португальцы. Трудно даже приблизительно подсчитать, какое количество рабов вывезено было из Танганьики, Уганды, Кении, Мозамбика в различные страны Азии. В середине XIX века в приморских областях Северо-Западной Индии было более четырехсот тысяч африканцев, говоривших на языке суахили. В Омани в 1853 году треть населения составляли рабы. Во времена экспедиций Чжэн Хэ некоторые мусульманские властители в Индии имели до десяти тысяч негров-рабов. Особенно выгодной статьёй этой позорной торговли был вывоз из Восточной Африки молодых девушек для гаремов и оскотенных мальчиков, которых продавали на рынках Адена, Хормуза и Каликута.

свой султан», и таких султанатов было около десятка, причем все они яростно враждовали друг с другом⁴⁷.

Ислам господствовал в Зендже безраздельно, что, несомненно, весьма облегчало местным купцам сношения с мусульманским торговым миром в странах южных и восточных морей.

ГОРОДА НА ОПАЛЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Ма Хуань не описывает африканских земель, а Фэй Синь не принимал участия в первом плавании Чжэн Хэ, и его беглые заметки о странах Африки не позволяют определить маршрут флотилии в водах Восточного рога⁴⁸. Видимо, следуя вдоль экватора, корабли флотилии Чжэн Хэ вышли к африканскому берегу между Джумбой и Ма-линди. О Малинди Фэй Синь не писал ничего, но вряд ли облик этого города сильно изменился к тому времени, когда появилась книга португальца Дуарти Барбозы, солдата, моряка, авантюриста, сложившего голову на Филиппинах, куда он попал с экспедицией Магеллана.

Барбоза около 1517 года, через 100 лет после пятого похода Чжэн Хэ, писал: «Выйдя из Момбасы и направляясь вдоль берега, приходят в красивый город на материковой земле — Малинди, лежащий на побережье. Он принадлежит маврам и правит им король-мавр. И в городе много каменных многоэтажных домов, и в них много окон и плоские крыши, как у нас [в Португалии]. И в городе людные улицы, а народ там и черный и белый.

Ходят же они нагие, прикрывая лишь срамные места куском хлопчатой ткани или шелка. Некоторые же носят широкие одежды и тюрбаны из богатой ткани. И они великие менялы и торгуют тканями, золотом, слоновой костью и иными товарами как с маврами, так и с язычниками великого царства Камбай [Гуджарат]. И в эту гавань приходит ежегодно много кораблей с товарами... в городе изобилие припасов, — рис, просо и пшеницу они получают из Камбай, — и разных плодов и напитков. Здесь много толстохвостых овец, коров и иного рогатого скота...»

Малинди лежит, собственно говоря, уже вне Восточного рога, и климат в этой местности мягче. Но от экватора и далее на север города имели уже чисто сомалийский облик.

Судя по тому, что говорил о сомалийских городах вездесущий Ибн Баттута, они не очень радовали взор путешественника, несмотря на довольно большие базары и шумные гавани.

Ибн Баттута, который предпочитает скорее перехвалить, чем недохвалить чужеземные города, буквально выходит из себя, описывая Зейлу. «Это,— говорит он,— самый грязный, самый гнусный, самый вонючий город на свете. А воняет здесь из-задохлой рыбы и падали. Верблюдов режут на мясо прямо на улицах и трупы никто не

⁴⁷ Радужный прием, который оказал Васко да Гама властитель Малинди, вызван был желанием этого царька приобрести сильного союзника в борьбе с соседней Момбасой, где португальцев встретили весьма враждебно. Таким образом, португальцам удалось освоить самый трудный участок морского пути в Индию благодаря усобицам в зенджских землях. Эти же усобицы позволили португальцам в XVI веке прочно утвердиться повсеместно на восточноафриканском побережье.

⁴⁸ Самый южный пункт на африканском берегу, который встречается у Фэй Синя,— это Чжуба — город Джумбо, лежащий на экваторе. Джумбо расположен на 3 градуса севернее Малинди, где Чжэн Хэ должен был побывать, поскольку с его кораблями возвращалось на родину посольство из этого города. Весьма вероятно, что Чжэн Хэ заходил либо в пятом, либо в шестом плавании еще дальше на юг и побывал на Пембе и Занзибаре.

убирает». Из-за смрада, который стоял над городом, Ибн Баттута предпочел провести ночь не в здешнем караван-сараяе, а на палубе корабля.

Очень возможно, что арабский путешественник попал в Зейлу в ноябре — декабре, в сезон северо-восточных муссонов, когда с гор спускались кочевники сомали. В это время года население городов Восточного рога возрастало втрое против обычного, и на всех рынках шла торговля верблюжатиной, сырой, вяленой, жареной и соленой, что, естественно, не способствовало благолепию и чистоте зенджских городов.

Впрочем, о Могадишо, где забивали по несколько сот верблюдов в день, Ибн Баттута писал более сдержанно. Торговые обычаи в этом городе, однако были весьма своеобразны. Когда чужеземный корабль входил в гавань, его со всех сторон окружали челноки (самбуки), на которых находились агенты местных купцов. Эти предприимчивые деятели буквально захватывали в плен иноземных торговых гостей. Купец-иноземец попадал в дом к местным купцам и только у своего хозяина он мог покупать товары, и только через него продавать свое добро. Цены на все товары были твердо установлены, и если обнаруживалось, что гость покупал местную слоновую кость или камедь по более низким ценам или вступал в сношение с местными купцами без дозволения хозяина, то такие сделки объявлялись недействительными.

Фэй Синь, описывая эти города, нигде не прибегает к крутым и резким эпитетам. Напротив, он говорит о достойных обычаях их жителей, о белых каменных трех-четырёхэтажных домах в Могадишо и Браве, домах, где трапезные и спальни расположены не во внутренних покоях, а на плоских крышах.

Уныние вызвали у Фэй Синя не сами города, а та земля, на которой они стояли — выжженная солнцем, безлесная, сухая. «Булава [Брава], — пишет Фэй Синь⁴⁹, — расположена в соленой пустыне, жара в этом городе невыносимая, почвы бесплодны и урожаи крайне скудны. Воду достают из глубоких колодцев, и это единственная сносная вода, которая имеется здесь».

Описание города Ласа⁵⁰ — той самой Зейлы, которая вызвала у Ибн Баттуты отвращение и гнев, у Фэй Синя ведется следующим образом:

«Эту страну можно достичь при попутном ветре через 20 дней, следуя из Гули [Каликута]. Город лежит на берегу моря, и стены его выложены из каменных глыб. Нигде на горных склонах и в пустыне не видно ни травы, ни деревьев. Коров, овец, верблюдов, лошадей кормят вяленой морской рыбой. Климат всегда жаркий. Поля неказисты, урожаи скудны. Выращивают здесь один ячмень. Дождей не бывает по несколько лет. Воду из колодцев достают бурдюками с помощью зубчатых колес. Мужчины и женщины собирают волосы в пучок и носят длинные одежды; у женщин на голове украшения на манер, принятый в Хулумусы [Хормузе]. Дома строят из каменных глыб и глины и они трех- и четырехъярусные. В верхних этажах помещения для варки пищи, покои хозяев и гостей, внизу живут слуги и рабы».

Думается, что китайским мореплавателям повезло больше, чем Ибн Баттуте, — они попали в гавани Восточного рога в сезон, когда не было массового убоя верблюдов; и, кроме того, им, разумеется, не были навязаны обременительные обычаи местного гостеприимства.

Путь флотилии, как мы уже говорили, шел вдоль берегов Восточного рога. Корабли заходили в Джумбу, Браву, Могадишо, Берберу и Зейлу. Все эти города-госу-

⁴⁹ Китайское название Булава очень точно, в соответствии с нормами китайского языка, передает местное наименование этого города (Брава). При этом начальному *б* соответствует слог *бу*, слог *ра* слог *ла*.

⁵⁰ В специальной литературе ведутся споры об истинном местонахождении «Ласы». На картах, составленных по данным экспедиции Чжэн Хэ, Ласа показана к северо-западу от Адена, в Аравии; однако большинство исследователей считает, что Фэй Синь, описывая город Ласу, имел в виду Зейлу.

дарства направили в Китай посольства с ответным визитом, а миссии из Бравы в 1418 и в 1423 годах побывали в Серединной империи дважды.

АДЕН — РОДИНА „ЛЬВОВ МОРЯ”

Китайские гости скупали в гаванях Зенджа африканских зверей — львов, зебр, антилоп, а также благовонные смолы, слоновую кость, амбру и ладан. Спрос на китайские товары был велик, особенно на шелк и фарфор. В общем, однако, торговые операции в Зендже были не слишком значительны. И не в Мogaдишо и не в Бербере надо было искать ключи к торговым путям, ведущим в Египет и Сирию, страны, лежащие на подступах к европейскому Средиземноморью и в Аравию, которая по многим причинам интересовала организаторов китайских заморских экспедиций.

Центром, который находился на скрещении главных морских дорог, ведущих из Индии и из гаваней Ирана в Египет, Аравию и в Восточную Африку, дорог, связанных с системой главных караванных путей Передней Азии, был город Аден, куда корабли пятой экспедиции, видимо, пришли из Зейлы в августе или в сентябре месяце 1418 года.

Аден стоит на узком полуострове в ста пятидесяти километрах к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива; узкий песчаный перешеек соединяет этот выступ суши с гористым аравийским берегом. Город расположен на восточном берегу полуострова в огромной воронке — кратере потухшего вулкана.

С моря вход в гавань Адена охраняет скалистый остров Сирах. Со стороны суши город был окружен двойным рядом укреплений — мощной каменной стеной с бастионами и башнями и естественным, и при этом почти неприступным, оборонительным валом — цепью гор, на вершинах которых воздвигнуты были основательные крепостные сооружения.

Впрочем, эти укрепления, естественные и искусственные, могли уберечь город лишь от набегов арабов-кочевников. Воды в городе не было, она поступала из гор по трубам к водонапорной башне, построенной за городскими стенами. Когда эту тонкую водяную нить перерезали летучие дружины бедуинов, опасность городу не грозила. Воды в местных резервуарах было достаточно, чтобы напоить тридцать-сорок тысяч аденцев в течение нескольких дней. Но длительная осада грозила городу мучительной смертью от жажды.

Свободной земли в этом белом городе, застроенном трех- и четырехэтажными плоскокрышными домами, было очень мало и земля эта была такая же скудная и сухая, как засоленная почва Хормуза и Бравы.

И хотя в городе и были небольшие сады и огороды, но решительно все припасы — рис, ячмень, пшеница, фрукты — сюда ввозились из Индии.

Безводие, нестерпимый зной, неминуемые голод и жажда при малейшем нарушении нормальных связей с внешним миром — все это нисколько не пугало чужеземных купцов — египетских, иранских, зенджских, гуд-жаратских, каликутских, цейлонских, суматранских; не было в водах, омывающих Аравию, — ни в Индийском океане, ни на Красном море, более удобной гавани, к тому же еще столь удачно расположенной. В Аден привозили из внутренних областей Аравии и аравийского побережья Красного моря марену, опиум, благовонные смолы, тонкие камлотовые ткани — гордость ткачей Джидды и Медины, рытый бархат из Мекки, киноварь, ртуть.

Эти товары скупали иноземные купцы, главным образом гуджаратцы, которые из трюмов своих кораблей выгружали на аденские пристани сандаловое дерево, алоэ, пряности, сахар, кокосовые орехи и кокосовое волокно, жемчуг, лекарственные снадобья и хлопчатые ткани индийской выделки. Эти ткани одевали всю Аравию и весь Египет, и Барбоза говорил, что трудно вообразить себе, сколько их привозят сюда из Камбая.

Он же писал, что в Адене «самый большой и богатый торг, больший, чем где бы то ни было на земле».

И, по всей вероятности, отзыв этот вполне заслуженный. Недаром Ма Хуань и Фэй Синь, которым отлично были известны все «пристанища» южных морей от Сурабаи до Берберы включительно, писали о царстве Эдань (Адене) с почтительным удивлением.

«Царство Эдань,— писал Ма Хуань,— лежит на берегу моря. Оно богатое и процветающее, и все жители здесь мусульмане, и нравом они суровы, У них семь-восемь тысяч хорошо обученных воинов, пеших и конных, которые держат в страхе соседние земли... Дома каменные, с плоской крышей, в высоту футов до сорока, а базары обильны припасами, и одежды, тканей и книг там так же много, как в Китае... Рис они едят с медом, и блюдо это очень вкусное. Есть здесь пшеница, бобы, фиги, миндаль, изюм, орехи грецкие, гранаты, абрикосы, персики; верблюды, слоны, короткошерстные безрогие бараны; фулу [зебры], черные и белые птицы-верблюды, розовая вода, белый виноград...⁵¹

Китаю они приносят дань жемчугом, золотыми кубками и златоткаными поясами, унизианными драгоценными камнями...»

А Фэй Синь говорит о странных аденских одеждах — длинных белых бурнуссах, и о женщинах, скрывающих лица под голубым покрывалом.

Аден был родиной искусных кормчих и лоцманов, центром арабской навигационной науки.

«В Эдани,— пишет Ма Хуань,— опытные астрономы. Они определяют дни, когда начинают цвести цветы, и дни увядания и дни затмения луны и солнца, предсказывают, когда подует ветер и когда пойдет дождь, узнают, сколь высоки будут приливы и отливы. И нет ничего в вещах такого рода, До чего они не могли бы дознаться».

Действительно, Аден и ряд гаваней Южной Аравии были в то время центрами арабской навигационной науки. Здесь составлялись подробные лоции морей, омывающих берега Восточной Африки, Аравии, Ирана, Цейлона, Индии, островов Малайского архипелага (рахнамаджи), здесь обучались «львы моря» — кормчие и лоцманы (му¹-аллимы), и о каждом из них можно было сказать словами Баратынского:

Была ему звездная книга ясна
И с ним говорила морская волна...

Здесь опытные арабские астрономы по тем сведениям, которые сообщали им му'аллимы, вносили поправки в лоции и составляли мореходные карты, наблюдали за движением небесных светил и определяли те изменения в положении звезд относительно полюсов небесной сферы, которые происходят с течением времени. Здесь составлялись таблицы, по которым можно было узнать время затмения солнца и луны,— эти данные имели огромное значение для мореплавания. Здесь, наконец, создавались новые навигационные приборы, простые и точные, которые не только не уступали европейским, но зачастую превосходили их. У Ахмада ибн-Маджида, уроженца Аравии, те инструменты, которые с гордостью показал ему в Малинди Васко да Гама, не вызвали ни малейшего удивления. В Адене и других аравийских городах мастера навигационного дела ничуть не уступали в изобретательности своим лиссабонским, севильским и генуэзским коллегам.

За 400 с лишним лет до Ма Хуаня арабский географ ал-Мукаддаси писал: «Я сам проехал по нему [Индийскому морю] около двух тысяч фарсанхов [свыше семи тысяч морских миль] и объехал весь остров арабов [то есть Аравию] от ал-Кулзула до Аббадана... я водил дружбу с шейхами, которые родились там и выросли, из числа пилотов, судовладельцев, математиков, доверенных купцов. Я видел, что они лучше всех людей знают его, его гавани, ветры, острова... я видел у них тетради (дафатир) об этом,

⁵¹ Конечно, слоны и зебры не водились в Аравии. Но Аден вел торговлю африканскими зверями и отсюда корабли-зверинцы уходили в гавани Ирана, Индии, Явы, Камбоджи, Тьямпы и Китая.

которые они изучают, на которых основываются и согласно с которыми поступают...» И дальше ал-Мукаддаси передает свою беседу с одним старым аденским шейхом, с которым он поделился своими сомнениями о точности некоторых арабских описаний различных морей. «На сведущего ты попал,— сказал шейх, затем разгладил песок своей рукой и начертил на нем море без всякого «плаща» и «птицы» [то есть без условных изображений [фигуры Земли]; он обозначил у него заливы в форме языков и несколько ответвлений и потом сказал: — Вот изображение этого моря и нет для него другой карты...»⁵²

С аденским султаном Чжэн Хэ нашел общий язык, и посольства из Адена в 20-х и в начале 30-х годов XV века неоднократно посещали Китай. Последний раз аденские миссии появлялись в Китае в 1436 году.

Из Адена Чжэн Хэ проследовал в Хормуз, а оттуда через Каликут и Малакку возвратился на родину, куда прибыл 8 августа 1419 года.

Сам Чжэн Хэ так изложил итоги пятого заморского похода в своих мемориальных надписях: «В пятнадцатом году Юнлэ [1417 год], командуя флотом, мы посетили западные страны. Страна Хулумусы [Хормуз] преподнесла [нам] львов, леопардов с золотистыми пятнами, крупных западных коней. Страна Эдань [Аден] дала зверя цилинь, которого в этих краях называют цзулафа, и длиннорогую тварь маха [антилопу]. Страна Мугудушу [Могадишо] подарила хуафулу [зебру] и львов. Страна Булава [Брава] преподнесла верблюдов, которые пришли туда за тысячу ли, и птиц-верблюдов [страусов]. Страна Чжаова [Ява] и Гули [Каликут] преподнесли зверя милигао.

Все эти страны соперничали между собой, изыскивая все диковинное, где бы оно ни было сокрыто — в горах или в море, или в виде прекрасных сокровищ захоронено в песках или в прибрежных отмелях. Некоторые из [даров] прислал дядя царя с материнской стороны, другие же — дядя с отцовской стороны или младший брат царя, и вручили нам акт присяги на верность, написанный на золотом листе».

Хотя о присяге и дани речь идет в связи с одним лишь властителем, каким именно — не известно, но, судя по запискам Фэй Синя, процедура получения грамот «на золотых листах» и «дани» происходила во всех городах Зенджа и в Адене.

По-видимому она имела куда большее значение, чем доставка в Китай редких зверей, хоть запись о пятом плавании начинается с сообщения о львах Хормуза и длиннорогих антилопах из Адена.

Шестая экспедиция вышла в плавание в марте 1421 года и возвратилась в Китай в сентябре 1422 года. Так же как и пятая экспедиция, она была направлена в Хормуз, Аден и в гавани Восточного рога. Цели этой экспедиции так излагает Чжэн Хэ в своей люцзяганской надписи:

«В девятнадцатом году Юнлэ, командуя флотом, мы доставили послов из Хулумусы и других стран, долгое время пробывших в столице, в их земли. Цари всех этих стран преподнесли в качестве дани разные местные произведения и при этом даже в большем количестве, чем прежде».

Указ о снаряжении флотилий был дан 3 марта 1421 года, но экспедиция вышла в путь, видимо, не ранее ноября. 10 ноября 1421 года Чжэн Хэ было приказано снабдить всем необходимым чужеземных послов, отправляемых восвояси. При этом отмечалось, что за доставку послов отвечает евнух Хун Бао. В это время в Китае были послы из Хормуза, Адена, Джуфара в Аравии, страны Ласа (Зейлы), Бравы, Могадишо, Каликута, Кочина, Куилона, Кайла (все эти четыре города лежат на Малабарском берегу), Цейлона, Мальдивских островов, Ламбри, Сома-торы, Ару, Малакки, страны Ганьбали (?), Бенгалии и Калимантана.

Поскольку в сентябре следующего, 1422 года экспедиция уже возвратилась в Китай, мало вероятно, что за 10 месяцев Чжэн Хэ удалось посетить все перечисленные страны и доставить на место их миссии. Сам Чжэн Хэ в обеих мемориальных надписях,

⁵² И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV, стр. 550—551.

упоминая о «развозке» послов по домам, называет в числе стран, которые посетили мореплаватели в 1421—1422 годах, только Хормуз. Возможно, что в Малакке или в одной из гаваней Суматры флотилия разделилась и Хун Бао взял курс на Каликут — Хормуз — Аден, а Чжэн Хэ двинулся к Мальдивским островам, чтобы оттуда южным путем дойти до Мogaдишо, Бравы и Зейлы и в Адене соединиться с эскадрой Хун Бао.

Во всяком случае в шестом плавании китайские мореплаватели посетили берега Восточного рога.

Первые шесть экспедиций отправлялись в плавание одна за другой с незначительным интервалом; по существу с 1405 по 1422 год между Китаем и странами Западного океана установилось регулярное сообщение, и флотилии Чжэн Хэ ежегодно посещали различные гавани, лежащие на Южноазиатском морском пути.

Однако седьмую экспедицию отделяет от шестой восьмилетний промежуток времени. За эти восемь лет только один раз Чжэн Хэ выходил в море и не к берегам Африки, а всего лишь к Палембангу, где он по поручению Чэн-цзу принимал присягу от нового властителя этой страны. В 1425 году Чжэн Хэ был назначен на сугубо сухопутную должность начальника ремонтных работ во дворцах Нанкина (а Нанкин к тому времени стал уже заштатной столицей), и на этом посту он, видимо, пребывал до мая 1430 года. Предварительно как «престарелый чиновник» пятидесятилетний Чжэн Хэ был отставлен от всех постов, связанных с флотской службой.

Эта длительная пауза не была простой случайностью. С 1424 года со смертью Чэн-цзу в Китае началась кампания против дальних заморских походов. Причины ее весьма сложны и связаны с теми особенностями китайского феодального строя, которые во второй половине XV и в XVI веке вызвали упадок Минской державы и ее самоизоляцию от внешнего мира. Об этом мы скажем ниже, подводя итоги деятельности Чжэн Хэ. Те доводы против заморских экспедиций, которые противники их выдвинули в 1424 году, лишь в слабой степени отражают действительные причины, определившие резкий поворот во внешней и торговой политике в 20-х и 30-х годах XV века. Новый император Жэнь-цзун по совету видного сановника Ся Юань-ши отменил особую подать — «деньгу на флотилию Западного океана», которая взималась при прежнем императоре. По инерции двор продолжал посылать миссии в дальние западные страны и принимать послов из этих стран, но эти дипломатические акции уже не подкреплялись регулярными рейдами в Западный океан — казна не отпускала средств на новые крупные экспедиции.

Была отправлена лишь одна (седьмая и последняя) экспедиция Чжэн Хэ, которая, однако, не заходила дальше Хормуза. Эта экспедиция предпринята была в период с января 1431 по июль 1433 года. В этом плавании принимали участие все летописцы заморских походов Чжэн Хэ — Ма Хуань, Фэй Синь и Гун Чжэнь, и о нем сохранилось наибольшее число письменных свидетельств.

«Сим повелевается, — говорится в императорском указе от 25 мая 1430 года, — первому евноху Чжэн Хэ направиться в Западный океан. Большим и малым морским судам надлежит выйти с их прежних стоянок в Нанкин, дабы запастись всем необходимым, и каждый ямынь⁵³ должен представить соответствующую сумму денег и припасы, а также всяческие вещи для подношения, равно как и товары, которые, коли будет на то желание, закупят командиры, отправляющиеся в плавание, а также все необходимое на кораблях».

В поход вышло двадцать семь тысяч восемьсот пятьдесят человек. Флотилия 19 января покинула Нанкин. 8 апреля 1431 года вошла в бухту Чандунган в Фуцзяни, где простояла до зимы. Во время стоянок на Янцзы и в фуцзяньских водах Чжэн Хэ велел воздвигнуть мемориальные надписи в Люцзягане и в Чанлэ.

Седьмая экспедиция — это единственный заморский поход, подробный маршрут которого дошел до наших дней. Вот основные даты этого маршрута:

1431 год 19 января — выход из Нанкина

⁵³ Местный орган власти.

	3 февраля — прибытие в Люцзяган
	8 апреля — прибытие в Чанлэ
1432 год	12 января — выход из прохода Ухумэнь
	27 января — прибытие в Да-Вьет
	12 февраля — отплытие из Аннама
	7 марта — прибытие в Сурабаю на Яве
	13 июля — выход из яванских гаваней
	24 июля — прибытие в Палембанг
	27 июля — выход из Палембанга
	3 августа — прибытие в Малакку
	2 сентября — выход из Малакки
	12 сентября — прибытие в Ачин
	2 ноября — выход из Ачина
	14 ноября — прибытие на Никобарские острова
	28 ноября — прибытие на Цейлон
	2 декабря — выход из гавани на Цейлоне
	10 декабря — прибытие в Каликут
	14 декабря — выход из Каликута
1433 год	17 января — прибытие в Хормуз
	9 марта — выход из Хормуза
	31 марта — прибытие в Каликут
	9 апреля — выход из Каликута
	15 апреля — прибытие в Ачин
	1 мая — выход из Ачина
	9 мая — прибытие в Малакку
	6 июля — флотилия вошла в устье Янцзы
	7 июля — прибытие в Тайцан
	22 июля — прибытие в Нанкин

Из Каликута в начале апреля 1433 года на нескольких кораблях было направлено посольство к «арабам». В этом посольстве, которое побывало в Мекке, участвовало семь рголмачей и, вероятно, в числе их был Ма Хуань.

Седьмой экспедицией Чжэн Хэ командовал будучи уже преклонных летах. Вскоре по возвращении из плавания, во второй половине 1433 или в 1434 году, великий мореплаватель умер, и его кончина была одновременно и кончиной заморских предприятий. Экспедиция соратника Чжэн Хэ — Ван Цзин-хуна в 1434 году в Ачин была лишь финальным эпизодом в истории дальних плаваний первой трети XV века. У Колумба и Васко да Гамы оказалось по нескольку могил; судьба останков Чжэн Хэ более печальна: все следы его могилы утеряны, и хотя есть предположение, что прах его был похоронен в Нанкине, надгробной эпитафии с именем великого флотоводца до сих пор не удалось отыскать на нанкинских кладбищах.

ИСКУССТВО ВОДИТЬ КОРАБЛИ

Более десяти тысяч морских миль — почти двадцать тысяч километров — отделяют гавани и якорные стоянки в устье Янцзы от аденского рейда и грязно-белых «пристанищ» Восточного рога Африки. Путь туда лежит через шесть морей и два океана и на тысячемильных трассах пересекает открытое водное пространство, где кормчий неделями не видит берегов.

Естественно, что в походах, подобных экспедициям Чжэн Хэ, вождение кораблей было делом весьма нелегким. Чтобы благополучно пройти через узкие проходы между островами Южно-Китайского моря и Малаккского пролива, чтобы согласовать движение судов с режимом муссонов, чтобы точно в назначенный день и час явиться в ту

или иную гавань Южноазиатского морского пути и войти и выйти из нее, не посадив корабли на предательские мели, банки и рифы, капитаны и кормчие обязаны были обладать поистине энциклопедическими познаниями и сноровкой. «Запомни,— писал Ахмад ибн-Маджид,— о ты, желающий научиться, что моряк должен знать многое. Пойми это. С самого начала ему следует иметь познания о фазах луны, о румбах, путях, расстояниях... Он должен уметь определять высоту звезд, знать признаки пути в порт, время вхождения солнца и луны в знаки Зодиака, ветры и муссоны, правила и случайные приборы, которыми пользуются на борту корабля: то, в чем есть нужда, то, что может оказаться вредным или полезным, то, что может стеснять во время плавания. Нужно, чтобы моряк знал час и место восхода созвездий и равноденствия, способ определять высоту звезды и устройства прибора, восхода и заката звезд, их координаты, расстояния от экватора и полюса, пути, которыми они идут... ему должны быть известны все побережья, их пристани и признаки пути к ним так же, как строение морского дна; растения, встречаемые на водной поверхности, морские змеи, рыбы, травы, изменения цвета воды, приливы и отливы; острова во всех направлениях»⁵⁴.

Очевидно, всего важнее было в каждый данный момент определить положение корабля в море. Задача эта была достаточно нелегкой, даже когда судно следовало вдоль берегов Китая, Явы и Суматры. Никакое наставление (а подробные лоции южных морей появились лишь во время заморских плаваний Чжэн Хэ и их приходилось составлять «на ходу») не могло дать исчерпывающего описания всех извилин и выступов берега, всех возможных ориентиров для мореплавателя. Приходилось держать в памяти тысячи береговых примет и твердо помнить, что скала, подобная медвежьей голове, или песчаная коса с одинокой кокосовой пальмой лежат на таком-то расстоянии от такого-то места фучзяньского или Малабарского берега. Надо было знать на память все островки и мели у берегов Калимантана, все рифы близ побережья Мамбасы и при этом твердо помнить, что приливы и отливы, морские бури, а порой даже различное освещение солнцем меняют конфигурацию берега, что неутомимый работник-море то до основания размывает песчаные отмели и косы, то воздвигает их в самых неожиданных местах. Чтобы вести корабль в открытое море, надо было постоянно определять координаты судна и согласовывать эти определения с курсом, которым оно шло, и со скоростью его движения. В тропических широтах, где днем люди изнывают от невыносимого зноя, наиболее благоприятны для плавания ночные часы. Положение звезд — небесных ориентиров — над горизонтом для различных местностей было известно уже задолго до плаваний Чжэн Хэ. Так, для северного полушария ведома была высота стояния над линией горизонта Полярной звезды (китайцы называли ее Бейцзисин) и различных звезд созвездий Малой Медведицы, Пегаса, Рыб, Ориона и т. д.

Высоту звезд над горизонтом измеряли очень простым прибором.

Единицу, которой измерялась высота небесного светила над горизонтом, арабы называли «исба», а китайцы: «чжи». И на арабском и на китайском языке слово это означает палец. Один чжи соответствовал $1^{\circ}36'$, и если по угломерному прибору оказывалось, что Полярная звезда стояла на высоте трех чжи, то широта этого места примерно равна была 4,1 градуса.

Если широту можно было установить по солнцу или по звездам с точностью до 1—1,5 градуса, то куда хуже обстояло дело с определением долготы.

Без точных приборов, по которым можно было бы исчислить разность времени между данным исходным пунктом и тем местом, где находится корабль, сколько-нибудь точно долготу определить было невозможно. Поэтому координаты в пути определялись по данным исчисления широты и по трассе пройденного пути, а она рассчитывалась по румбам компасной шкалы.

⁵⁴ Т. А. Шумовский. Три неизвестные лоции Ахмада ибн-Маджида, 1957, стр. 74.

Китайцы пользовались компасом со шкалой, разделенной не на тридцать две, как у европейцев и у арабов, а на двадцать четыре части.

Разумеется, точность определений координат в открытом море была не так уж велика. Ведь не только примитивные угломерные приборы, которыми пользовались в движении, когда корабль сильно качало, но и югоуказующая игла давали весьма неточные показания.

В ту пору китайцы уже знали, что магнитная стрелка никогда точно не указывает на юг, но величина магнитного склонения — а она изменяется и в пространстве и во времени — была неведома, а поэтому и магнитные румбы не соответствовали румбам географическим.

Единица пройденного пути называлась «гэн» — вахта⁵⁵. Теоретически «гэн» соответствовал тому отрезку пути, который корабль мог пройти за одну вахту, а вахта равна была 2,4 часа. В среднем считалось, что «гэн» равен тридцати ли, или десяти морским милям (восемнадцати с половиной километрам)⁵⁶.

Таким образом, записывая число вахт и показания курсов корабля, легко можно было вычертить «траекторию» его хода. Расчеты уточнялись, если скорость дополнительно определялась по лагу — поплавку на шнуре, который время от времени выбрасывали за борт.

Ветрам и течениям уделялось большое внимание: данные о силе и направлении ветров обязательно записывались в особые журналы.

Близость берега определяли по ряду признаков: появлению птиц (разумеется, не морских, поскольку такие морелюбы, как фрегаты, залетают на сотни миль от берега), пресноводных рыб, плавающих веток, изменению цвета воды — чем ближе был берег, тем светлее она становилась, и, наконец по промерам глубин, которые всегда велись на подходе к побережью и проводились особенно тщательно в водах, усеянных рифами, например, близ Мальдивских берегов, у западного побережья Калимантана и близ Занзибара.

Кормчие того времени водили корабли редко сбиваясь с курса. Они обладали своего рода «шестым чувством», и мельчайшие, самые, казалось бы, незначительные морские приметы давали им ценнейшие указания, и они, пересекая океанские пространства шириной в две-три тысячи миль, приходили в точно назначенное место⁵⁷.

АРХИЕПИСКОП ЛОД И КИТАЙСКИЕ ЛОЦИИ

⁵⁵ У арабских мореплавателей была подобная же единица — *вам* — трехчасовая вахта.

⁵⁶ Практически средняя скорость была во времена Чжэн Хэ примерно семь с половиной миль за одну вахту, но в открытом море при попутных ветрах достигала пятнадцати-семнадцати миль.

Эти расчеты подтверждаются я данными подневных записей маршрута седьмого плавания. Следуя из Чанлэ в Хормуз, флотилия была в движении 134 дня, на обратном пути «чистый переход» до устья Янцзы завял 116 дней. Расстояние же от Хормуза до устья Янцзы около девяти тысяч миль. Следовательно, на обратном пути средняя скорость была восемь миль за одну вахту.

⁵⁷ Так, в Индийском океане, где различные планктонные формы (а распределение их подчиняется закону морских течений) вызывают цветение воды — окраску ее в темно-синий, лазурные, изумрудные и кроваво-красные тона, арабские кормчие по этим тонам и оттенкам точно определяли, где находится корабль.

Точно так же китайские моряки по цвету, плотности и даже по запаху донного ила безошибочно узнавали, в какие воды вступило их судно.

Опыт, приобретенный китайскими моряками в семикратных заморских плаваниях, не пропал даром. Пожалуй, самым замечательным достижением соратников Чжэн Хэ явились мореходные карты с пояснительным текстом и лоции, которые составлены были в ходе экспедиций в Западный океан.

Неведомо, каким образом в библиотеку кентерберийского архиепископа Уильяма Лода, казненного в 1645 году по приговору Долгого парламента за контрреволюционные козни, попала китайская рукопись XVI столетия. Она называется «Шуньфэнсянсун» — «В пожеланиях попутного ветра». Это лоции, составленные в XVI веке, и в них содержатся исключительно интересные указания об огромной работе, которая велась во флотилиях Чжэн Хэ и была целиком положена в основу этого труда. В прологе к «Шуньфэнсянсун» говорится: «Старые копии [лоций] гибнут ежегодно, и трудно по ним уже судить о том, что истинно в них. И я опасаясь, что в будущем, списывая с этих копий, люди впадут в ошибку. Занимая часы досуга, я сравнил исчисленные данные о количестве вахт, пройденных подневно [на пути из Китая в Иран], и рассчитал дни, потребные для этого путешествия, и я собрал все, что писано было о вахтах и румбах югоуказующей иглы, форме берегов и свойствах вод, и об островах, мелях и глубинах во всех местах от Южной столицы [Нанкина] нынешней Небесной династии до Тайцана и [далее] до Малайского океана варварских стран...

...В первом году Юнлэ [1403 год] было решено направить миссию в Западный океан, дабы выполнить предназначения императора.

В многократных плаваниях были сверены и исправлены румбические карты и таблицы путеводных звезд и зарисованы очертания островов в море [и берегов] и [изучены] воды морей».

Рукопись содержит путеводные указания, исчисленные в гэнах — вахтах, и данные о румбах, которые основываются на безнадежно утраченных лоциях, составленных Чжэн Хэ и его спутниками.

Один английский гидрограф нанес курсы, указанные в этих лоциях, на современные карты берегов Малайи и убедился, что ошибка в показаниях компаса на китайских кораблях была ничтожной. Более того, оказалось, что в малайских водах китайские кормчие XV века шли в проходах, которыми лишь сравнительно недавно воспользовались как наиболее благоприятными европейские мореплаватели.

КАРТЫ „УБЭЙЧЖИ“

Мореходные карты Чжэн Хэ, пояснительные тексты которых очень близки к тексту «Шуньфэнсянсун», сохранились в копиях, в другом трактате XVI века — «Убейчжи». На картах «Убейчжи» показаны берега Китая и ряда стран Западного океана до Булавы [Бравы], Мугудишу [Могадишо] и аравийских берегов Красного моря включительно. На этих картах даны контуры побережья и рассеянных близ него островов, указаны длина морских переходов, удобные якорные стоянки, рифы, мели и, что особенно важно, приведены данные о курсах движения судов, выраженные в румбах китайской шкалы с двадцатью четырьмя делениями.

В «Убейчжи» воспроизведено двадцать карт на сорока листах; в пояснительных пометках к ним описываются соответствующие отрезки пути, пройденного флотилиями Чжэн Хэ. На первую карту было положено устье Янцзы, участок ее низовья от предместий Нанкина почти до самого моря, и она носит название «Карты плавания от базы Баоноуаньчан до выхода в Лунцзянгуани, там где [начинается путь] в чужеземные страны и к разным иноземцам».

Затем следуют восемь карт морского побережья Китая, на которых нанесены берега, бухты, устья рек и острова Цзянсу, Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна.

На десятую карту положено побережье Вьетнама (Да-Вьет и Тьямпа). Одиннадцатая отведена берегам Камбоджи, двенадцатая — Яве, тринадцатая — северо-

восточному побережью Суматры, четырнадцатая — Малакке и островам Малаккского пролива, пятнадцатая и шестнадцатая — северо-западным берегам Суматры. На семнадцатой карте нанесены Андаманские острова и берега Бенгалии, на восемнадцатой — Цейлон и Малабар, Могачишо, Брава и Малинди.

На двух последних картах положены южный, юго-западный и юго-восточный берега Аравии и побережье Персидского залива⁵⁸.

Чрезвычайно важная деталь — Мугудишу [Могачишо] Булава (Брава) и Малинди показаны на семнадцатой, индийско-цейлонской, карте, перед картами берегов Аравии и Персидского залива.

Этот порядок карт далеко не случайный. Безусловно, китайские мореплаватели сперва попадали на берега Восточного рога Африки, куда они шли в экваториальных широтах, а затем уже через Аден и Хормуз возвращались в индийские гавани.

ЛЮ ДА-СЯ ЗАКРЫВАЕТ ЗАПАДНЫЙ ОКЕАН

«Такова уж моя доля — мало пользы принесли мне двадцать лет службы, проведенных в трудах, ибо ныне я не имею в Кастилии крова над головой и пищу мне негде обрести, разве только в корчме и таверне, и зачастую я не имею ни гроша, чтобы заплатить по счету».

Так писал Колумб «католическим королям» с острова Ямайка, совершая свое последнее, четвертое, путешествие, за три года до смерти и спустя три года после того, как в воздаяние своих заслуг он был привезен из Нового Света в Кастилию закованным в цепи.

Личная судьба Чжэн Хэ сложилась более благоприятно. Его не забивали в колодки, а милостиво отрешили от должности как «престарелого чиновника». Однако судьба его замыслов и дел оказалась куда более печальной, чем судьба открытий, совершенных Колумбом.

В Западной Европе конца XV века поиски и открытия новых земель и новых морей были прямым следствием процесса разложения феодализма; они в свою очередь ускоряли этот процесс, содействуя росту юной капиталистической формации, которая шла на смену формации феодальной.

⁵⁸ 1 Исключительно точные первые двенадцать карт, на которых указаны названия почти всех островков и помещены сведения о | мелях, рифах, положении звезд и т. д.; менее точны карты берегов Явы, Суматры и Маякского пролива; в этих водах огромное количество мелких островов, которые, естественно, не было никакой возможности положить на карты.

На картах берегов Индии, Гочжи (Кочин), Гули (Каликут) и другие города-государства Малабара изображены как острова.

Один современный английский картограф говорит: «курсы на этих картах показаны исключительно точно. Они весьма сходны с курсами китайского «Ежегодника прибрежных вод и приливов», который издается в наше время и которым в наибольшей степени пользуются капитаны судов каботажного плавания».

Это свидетельство говорит само за себя. Право же, современные неаполитанские или мессинские шкиперы не отважились бы вести свои корабли вдоль берегов Сицилии или Калабрии по морским итальянским картам (портуланам) XV века!

Картографы экспедиций Чжэн Хэ, а среди них был и летописец великих плаваний — Фэй Синь, своими трудами вписали в историю Южноазиатского морского пути одну из наиболее славных и ярких страниц. Они сделали этот путь легко доступным для грядущих поколений мореплавателей и куда в большей мере, чем «знаменитые войска» и волонтеры-«смельчаки», посланные с флотилиями Чжэн Хэ в Западный океан, обеспечили безопасность плавания в водах шести морей Старого Света.

«До какой степени,— пишет Энгельс,— в конце XV века деньги подкопали и разъели изнутри феодализм, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; золота искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»⁵⁹.

«Католические короли» могли наложить на Колумба оковы, но не в их власти было закрыть только что открытую Америку. Заморские плавания и заморская экспансия были в Европе конца XV века исторической необходимостью. Открытия подчинялись закону своеобразной «цепной реакции», которая действовала непрерывно и с нарастающей силой. Поэтому за Колумбом следовала плеяда новых искателей морей и земель, золота и пряностей, жемчуга и рабов.

Иным образом складывалась историческая обстановка в Китае начала XV века. Несомненно, и в Китае Минской эпохи действовали силы, которые подкапывали и разъедали изнутри феодальную систему. Несомненно, что купечество приморских городов было прямо и непосредственно заинтересовано в широком развитии торговых связей, и в дальних заморских рынках. Несомненно, что уровень общего развития страны, степень ее технической культуры были настолько высоки в эпоху Чжэн Хэ, что любая замор-¹ екая экспедиция, любое плавание в Южный и Западный океан были уже практически осуществимы.

Однако в Китае того времени не создавались условия, благоприятные для той «цепной реакции», которая так характерна для эпохи географических открытий и начало которой положили в Европе португальские и испанские мореплаватели.

Причины подобного исторического своеобразия весьма сложны, и в настоящее время они основательно изучаются китайскими историками.

Здесь мы можем лишь отметить, что как раз в 30-х и 40-х годах XV века в Китае значительно усилилось влияние новой феодальной знати, прибравшей к рукам огромные земельные владения. Земли, щедро розданные этой алчной клике, были главным источником ее доходов. Эти земли, захваченные правдой и неправдой, лежали не за дальними морями, не на Суматре и на Цейлоне, а где-нибудь в долине Хуанхэ или на шэнсийском лёссовом плато, на исконно китайской территории⁶⁰. Землевладельческая знать, таким образом, приобрела возможность неограниченной эксплуатации китайского крестьянства, источники ее несметных доходов находились непосредственно внутри страны.

Между тем все помыслы купцов и особенно торговых людей приморских городов были направлены за пределы Китая, и естественно, что интересы торгового сословия ни в какой степени не совпадали с интересами феодальной клики.

⁵⁹ М а р к с и Энгельс. Собрание сочинений, т. XVI, ч. 1, стр. 442.

⁶⁰ К середине XV века великие князья, царедворцы и чиновники высших рангов захватили наилучшие пахотные земли и прибрали к рукам огромные дворцовые поместья. У многих феодалов было по тысяче и более цингов земли, и с этих земель они, нещадно обирая крестьян, получали колоссальные доходы.

«Чиновники из штата великих князей,— говорится в одном источнике Минской эпохи,— и евнухи, отправляемые для сбора податей, целыми днями рыщут по дорогам, и только на прокорм их слуг тратится десять тысяч лан. Поистине везде неслыханные грабежи и сборщики податей хватают простой народ и забивают до смерти «арендаторов».

Когда были розданы все сколько-нибудь пригодные земли, помещики разных рангов стали захватывать, осушать и распахивать внутренние водоемы — озера и пруды, и к концу XV века такая практика привела к подрыву ирригационного хозяйства и к истощению многих ранее орошаемых земель.

Этим во многом объясняется то яростное противодействие планам дальних морских экспедиций, которое стало особенно активным после смерти Чэн-цзу. К сожалению, мы не знаем, какова была доля участия купцов приморских городов в экспедициях Чжэн Хэ; ответ на этот вопрос не дают ни историографы походов великого мореплавателя, ни ссылки на те товары, которые вывозились из Китая или доставлялись туда из заморских стран.

Нам известно, что в трюмах кораблей флотилий Чжэн Хэ привозили из стран Западного океана слоновую кость, сапановое, сандаловое, эбеновое, орлиное, мастичное дерево, благовонные смолы, изумруды, алмазы, ляпис-лазурь, оникс, сапфиры, мирру, носорожий рог, павлинья перья, тяжелую парчу из Дамаска, дорогие ковры из Хорасана, шкуры львов, леопардов и тигров, жемчуг, опиум, черепаший панцири. На нанкинскую пристань выгружали клетки с зебрами, страусами, жирафами, львами, золотистыми леопардами, антилопами и прочими живыми диковинками.

Трудно представить себе стоимость этого транспорта предметов роскоши, особенно если учесть, что в каждой флотилии было по шестьдесят кораблей⁶¹.

Все эти драгоценные ненужности и зоологические редкости предназначались не для фунзяньских и нанкинских купцов. Парча, страусы и жирафы, ляпис-лазурь и изумруды, павлиньи перья и мирра мгновенно исчезали в бездонных императорских сокровищницах, а затем все это щедро раздавалось принцам крови, наложницам, астрологам, одописцам, прорицателям и бесчисленной высокородной челяди, которая заполняла приемные залы и прихожие дворцов «Сына неба».

Значит ли это, что главной, если не единственной целью заморских экспедиций начала XV века было удовлетворение потребностей и запросов узкого круга феодальной знати, численно ничтожной группы, которая занимала самые верхние ступени сословно-иерархической лестницы?

Думается, что дело обстояло сложнее, и что тот список товаров, который приводится в источниках, дает весьма неполное представление о размахе заморской торговли в первой четверти XV века.

Известно, что как раз в это время в Китае большую известность получили сравнительно дешевые индийские ткани.

Многие другие товары (олово из Малакки, красители для фарфора с островов Малайского архипелага, оружие, дешевые ковры и т. п.), не показанные в официальных перечнях, неизменно доставлялись на кораблях флотилии, причем все товары такого рода ввозились из-за моря купцами и предназначались не для нужд императорского двора, а для продажи на внутреннем китайском рынке⁶².

Таким образом, каждая дальняя экспедиция, каждый поход в моря, омывающие индийские и иранские берега, должен был приносить неисчислимые выгоды тому классу, который всей своей деятельностью подрывал устои китайского феодального общества. Речь идет не о непосредственных материальных выгодах, не о барышах от удачных

⁶¹ Официально суда флотилий Чжэн Хэ назывались «Корабли драгоценностей» (*баочжуань*).

⁶² В 20-х годах английский археолог Стейн обнаружил на берегах Персидского залива множество черепков китайских керамических изделий XIV—XV веков, изделий, весьма дешевых и грубых. Вряд ли представители императорского двора снисходили до торговли столь «низменными» товарами; скорее всего их сбывали на иранских рынках агенты китайских торговых домов. «Громадные корабли,— писал один поэт Минской эпохи,— словно горы, закрывают солнце и небо, и в гаванях столько чужестранцев, что каждодневно золота тратится на десятки миллионов».

Это, правда, лишь поэтические реминисценции, но ведь об участии купцов в торговых операциях флотилий Чжэн Хэ мы можем прочесть в записках Фэй Синя и Ма Хуаня и об этом говорят также более поздние источники.

торговых операций на каликутском или аденском рынках, а о тех не всегда даже отчетливо зримых последствиях, которые имели плаванья Чжэн Хэ для развития межазиатских торговых связей и межазиатского рынка и в конечном счете для укрепления социальных позиций гуандунского, фуцзяньского и нанкинского купечества.

Однако эти незримые, но достаточно ощутимые последствия дальних походов Чжэн Хэ и его спутников вызвали глубокое беспокойство той паразитической прослойки, которая жила потом и кровью нещадно эксплуатируемого китайского крестьянства и по законам социальной инерции недремно оберегала устои феодального строя.

Феодальная клика в своей борьбе за всемерное сужение заморских связей умело использовала те отрицательные моменты, с которыми были связаны дальние экспедиции эпохи Чэн-цзу.

Несомненно, африканские и цейлонские редкости, которые в огромном количестве привозились на кораблях Чжэн Хэ в Нанкин, недешево обходились китайской казне.

Расходы на закупку золотистых леопардов, рубинов и павлиньих перьев тяжелым бременем ложились на все податные сословиями голоса против разорительных экспедиций в Западный океан раздавались еще при жизни Чэн-цзу, причем недовольство чрезмерными тратами на эти экспедиции высказывалось в различных общественных кругах.

В годы царствования Чэн-цзу глава этой оппозиции Ся Юань-ши за резкие нападки на заморскую политику Чэн-цзу был посажен в тюрьму. Новый император Жэнь-цзун освободил Ся Юань-ши и приблизил его к своей особе. Ся Юань-ши еще на тюремном пороге заявил, что во что бы то ни стало «следует приостановить посылку кораблей в Западное море за диковинными и драгоценными товарами».

В первые же дни правления Жэнь-цзуна в 1424 году опубликован был указ, по которому запрещалось снаряжение кораблей «для приобретения драгоценных камней в варварских странах Западного океана. Буде же таковые корабли уже снаряжены в Фуцзяни и Тайцане, задержать их на месте и не пускать в море».

Ся Юань-ши и прочие противники заморских походов, отменяя «деньгу на флотилию Западного океана», подать бесспорно разорительную, отнюдь не поступали как печальники народной скорби. Интересы стригомого податного сословия волновали их меньше всего. От отмены флотской деньги налогоплательщики не получили облегчения, а прочие осуществленные одновременно финансовые мероприятия показали, что советники нового императора, закрывая дорогу иноземным редкостям, совсем не собираются оставить без предметов роскоши феодальную клику. Жэнь-цзун в том же, 1424 году отменил налоги на добычу юньнаньских драгоценных камней, на лорлю жемчуга в китайских водах, на сбор благовонных смол с китайских деревьев, на ввоз самаркандских благородных коней, на морские деликатесы и редкостные плоды.

Таким образом, произошла лишь переориентация в снабжении двора предметами роскоши. Вместо аравийских благовонных смол, приближенные Жэнь-цзуна стали получать смолы гуандунские.

Во второй половине XV века тенденции к самоизоляции страны продолжали нарастать, причем самое имя Чжэн Хэ стало одиозным в правящих кругах.

С железной последовательностью чиновники императорских приказов принялись за уничтожение документов, связанных с семикратными плаваньями Чжэн Хэ.

В этой связи голландский китаевед Дюйвендак говорит: «...Не только совершенно прекратились походы за море — даже память о них едва-едва сохранилась». Ссылки на путешествия Чжэн Хэ (в китайской литературе XV— XVI веков) очень скудны и носят поверхностный характер. И никогда эти походы не использовались для иллюстрации славного прошлого страны.

Сочинения Ма Хуаня, Фэй Синя и Гун Чжэня не получили широкого распространения, а сообщения других источников были бедны данными и трудно доступны.

Биография Чжэн Хэ в «Минши» («Истории Минской династии») — это лишь связный рассказ, который мог быть написан любым посредственным ученым. Так как же получилось, что не сохранилось официальных отчетов о путешествиях Чжэн Хэ? Ведь Чжэн Хэ и его спутники непременно должны были давать исчерпывающие ответы о своих плаваниях императору.

Ответ на этот вопрос весьма любопытен. На первый взгляд факты, о которых пойдет здесь речь, покажутся нереальными, однако волей-неволей убеждаешься в их истинности.

Гу Ци-юань (автор XVI века — о нем см. стр. 181) писал в своем труде «Кэцзочжуй», что в период Ченхуа (1465—1487 годы) дан был приказ разыскать документы, относящиеся к экспедициям Чжэн Хэ в Западный океан. Некто Лю Да-ся, который тогда был вице-президентом Военной палаты, получив приказ, сжег документы, полагая, что они «содержат лживые рассказы о чудных вещах, далеких от того, что можно увидеть воочию и о чем можно услышать. А из местных товаров ничего они (экспедиции Чжэн Хэ) не доставили, кроме бетеля, бамбука, винограда, гранатов и больших птичьих яиц и тому подобной чепухи. А то, что содержится в «Синьчашэнлань» [труде Фэй Синя], вообще бессмыслица, не поддающаяся проверке».

В восьмой главе «Шуюйчжоуцзулу», автором которого был Син Янь-сы, ведавший сношениями с чужеземцами, эта же версия приводится с некоторыми дополнениями. Там сказано, что когда получен был указ императора о розысках документов, глава Военной палаты Сян Чжун поручил одному чиновнику отправиться в архивы и отыскать там эти документы. Тот их не нашел, потому что все бумаги предварительно были спрятаны Лю Да-ся. Тогда Сян Чжун наказал чиновника и велел ему в три дня отыскать документы, но в конце концов так и не удалось ничего обнаружить. Лю Да-ся свои тайны не выдавал никому.

Сян Чжун созвал чиновников и спросил их: «Как же могло так случиться, что в архиве утеряны государственные бумаги?» На это стоящий тут же Лю Да-ся ответил: «Экспедиции Сань Бао⁶³ [Чжэн Хэ] в Западный океан стоили уйму денег и на них ушла масса зерна, да и, кроме того, тысячи людей погибли [в этих походах]. Хотя он [Чжэн Хэ] возвратился со всякими диковинными редкостями, какая прибыль была от этого государству?»

То было плодом дурного управления, которое вверено дурным сановникам, заслужившим суровое осуждение. Даже если бы старые архивы сохранились бы, их надо было бы уничтожить, чтобы искоренить самую возможность [подобных экспедиций]». Сян Чжун спокойно выслушал это, встал и сказал: «Вы обладаете немалыми скрытыми добродетелями; право же, то место, которое вы занимаете, слишком ничтожно для вас»⁶⁴.

Бесспорно, доля истины в словах Лю Да-ся была. Заморские экспедиции, которые привозили главным образом предметы роскоши, разоряли страну. Но лечить недуг отсекая болящему голову — способ весьма неразумный, и, закрывая пути в Западный океан, налагая запрет на торговлю со странами южных морей, разрывая сложившуюся систему связей, Минская феодальная империя вступила на путь, чреватый для нее гибельными последствиями.

Ведь регулярные рейсы флотилий Чжэн Хэ, даже несмотря на тот своеобразный характер, который им придавали высокородные любители индийских рубинов и аф-

⁶³ Сань Бао — три драгоценности — прозвище Чжэн Хэ. Под этим именем он был известен народу.

⁶⁴ J. Duyvendak. The true dates of the dates of the Chinese maritime expeditions in the early. XVth century, *T'oung Pao*, 1939, XXXIV.

риканских львов, открывали дорогу (правда, не очень широкую) китайским товарам на рынки стран южных морей,

А такое расширение сферы торговых связей способствовало росту производства и в конечном счете содействовало формированию пусть даже крайне замедленных капиталистических отношений, приближая решительный и благотворный кризис китайской феодальной системы.

Самоизоляция Китая, консервируя эту систему, обрекала страну на неизбежный застой, пагубно отражаясь на всей экономической жизни страны, вызывала постепенное окостенение всей системы управления.

Китайские флотоводцы, водившие во времена Чжэн Хэ корабли к берегам Африки, в 70-х годах XV века чувствовали себя беспокойно и неуверенно, отправляясь в поход к берегам соседнего Да-Вьета, и тщетно добивались от властей, чтобы их ознакомили с лодчниками Чжэн Хэ, которые тем временем исподволь уничтожали Лю Да-ся и подобные ему чиновники.

Повсеместно на южных морях Китай к концу XV века утратил те позиции, которые он занял в славных тридцатилетних заморских походах Чжэн Хэ.

В Малакке, где, кстати сказать, по инерции местные султаны освобождали китайских купцов от уплаты пошлин, на исходе XV и в самом начале XVI века гуджаратские, бенгальские, яванские торговые люди господствовали безраздельно, в Каликуте забыли, как выглядят китайские суда, и даже в гавани Южного Китая товары привозились на арабских, индийских и яванских судах.

В XVI веке в водах Дальнего Востока появились португальцы; потомки тех фуцзяньских и гуандунских мореходов, перед которыми раскрывались настежь ворота Могалишо и Адена, с горечью должны были примириться с захватом Малакки и с основанием португальской базы у самых ворот Гуанчжоу, в Макао, и с бесцеремонным хозяйничаньем незваных гостей на морских дорогах, ведущих из Индии и стран Малайского архипелага в гавани Китая.

Разумеется, общие тенденции, которых придерживалась феодальная клика Минской империи во второй половине XV и в XVI веке, пагубно отражались не только на внешней политике и торговых связях Китая.

Колоссальный опыт, накопленный в ходе заморских плаваний Чжэн Хэ, оказался в значительной мере неиспользованным, многие ценные картографические материалы были уничтожены, и как раз в то время, когда навигационная наука Европейского Запада стала развиваться в стремительном темпе, феодальная камарилья сделала все возможное, чтобы отбросить китайское мореплавание к доминским временам.

А ВСЕ-ТАКИ ВЕРТИТСЯ

Значит ли это, однако, что огромные достижения китайских мореходов начала XV века были целиком сведены насмарку, что походы Чжэн Хэ не оказали никакого влияния на дальнейшее развитие мореплавания и географических наук?

Конечно, нет. Не только в библиотеку кентерберийского архиепископа Лода попадали списки с мореходных карт и лоций Чжэн Хэ. Недаром безымянный составитель трактата «В пожелании попутных ветров», который неведомыми путями попал в канун английской революции в руки рясоносного советника Карла I — Лода, писал, что сохранившиеся копии лоций затерты до дыр, что от частого пользования текст их стал совершенно нечитаемым.

Тайно переписанные во время гонений, эти лоции верой и правдой служили фуцзяньским и гуандунским кормчим; их берегли как зеницу ока, их изучали, ими руководствовались и их совершенствовали последующие поколения китайских мореплавателей.

Итогом заморских плаваний Чжэн Хэ явились замечательные труды Ма Хуаня и Фэй Синя, «бывалых людей», которые вписали в китайскую географическую литературу новые страницы и оставили описания сорока стран Азии и Африки; эти описания для Китая XV века имели такое же значение, как для Европы того времени книга Марко Поло. Сравнивая труды Ма Хуаня и Фэй Синя с трактатом Ван Да-юаня, нетрудно убедиться, насколько расширились рамки мира, доступного Китаю за время великих плаваний Чжэн Хэ. Для Ван Да-юаня Аравия и африканские берега были недостижимыми землями, о которых он писал со вторых рук, а Ма Хуань и Фэй Синь обошли все побережье Южной Аравии и Восточного рога Африки, они воочию видели пустыни Омана и знойные сомалийские равнины. И те реальные живые описания, которые оставили эти непосредственные участники плаваний Чжэн Хэ, положены были в основу китайских географических работ последующего периода. На «плечах» Ма Хуаня и Фэй Синя стояли китайские географы XVI и XVII веков — Чжэн Сяо, Хуан Шэнь-цзэн, Чжан Се. Не вина, а беда этих географов, что в эпоху блестящих успехов, одержанных европейской географической наукой, они продолжали переписывать и комментировать Ма Хуаня и Фэй Синя. Но в темный период истории китайской географии оба эти имени были такими же путеводными звездами для китайских землеведов, как имена Птолемея, Эратосфена и Страбона для географов средневековой Европы.

Можно было сжечь бумаги экспедиций Чжэн Хэ, его отчеты и донесения и развеять по ветру их пепел, но нельзя было вытравить из памяти народа воспоминаний о героических походах на край света. Ведь в начале XV века не менее ста тысяч китайцев-моряков, солдат побывали в странах Западного океана и донесли до своей родины вести о чужедальних краях. Благодаря этим бесчисленным спутникам Чжэн Хэ китайский народ прошел своеобразный курс практической географии. Вероятно, сыновья и внуки любого моряка из флотилий Чжэн Хэ были сильнее в географии Азии, чем Лю Да-ся, который считал ложью точные и правдивые описания Фэй Синя.

«Чжэн Хэ обошел все острова океана, чтобы закрепить у чужеземных народов грозную славу Китая, и народы эти до сих пор помнят о великих его подвигах и восхищаются делами, совершенными китайцами».

Так писал о впечатлении, которое оставили экспедиции Чжэн Хэ в умах вьетнамцев, индонезийцев, цейлонцев и индийцев, великий китайский революционер Сун Ят-сен. Действительно, в различных странах память о Чжэн Хэ и его походах хранится до наших дней. На Яве показывают близ Семаранга «могилу» Чжэн Хэ, на которой до сих пор местные жители жгут курительные палочки, предания о великом мореплавателе имеются и на Цейлоне и на Тайване, где многие болезни лечат целебной травой «саньбао», названной в честь Чжэн Хэ.

Нет сомнения, что те связи, которые установились между Китаем и народами сорока стран, лежащих на Южноазиатском морском пути, сыграли огромную роль в истории муссонной Азии и муссонной Африки.

Плавания Чжэн Хэ в немалой степени способствовали благотворному контакту между Китаем и странами Среднего и Ближнего Востока. Так, глубокий след в истории мореплавания оставило повседневное общение китайских, арабских и индийских мореходов.

Нельзя забывать также, что флотилии Чжэн Хэ указали многим китайским труженикам, задавленным невыносимым гнетом, путь в далекие земли южных морей, где не было ни императорских чиновников, ни помещиков. Кто сосчитает, сколько беглых крестьян и ремесленников осело в XV и в XVI веках, в ту пору, когда миллионы китайцев покидали насиженные места в поисках лучшей доли, на берегах Явы, в долине Муси, в Самудре, Малаккв и на всех мелких островах малайских морей. Роль эмиграции тех времен до сих пор еще не оценена должным образом, а между тем сколько полезных сельскохозяйственных культур, сколько новых технических приемов получили народы Западного океана от переселенцев, выходцев из Минской империи.

Лучшую оценку значения китайских великих плаваний дал сам Чжэн Хэ в мемориальной надписи в Чанлэ:

«Страны за горизонтом и от края до края Земли стали доступны, и в их числе самые что ни на есть западные и самые северные, как бы далеки они не были, и все дороги пройдены и все пути сочтены. И иноземцы из стран, лежащих далеко за морями, даже те, речи коих должно переводить дважды [то есть с их собственного языка на какой-либо из распространенных языков Ближнего и Среднего Востока, а затем уж на китайский], явились ко двору [императора] с ценными товарами и дарами».

Это не поэтическая гипербола. Слова великого мореплавателя дают «весомое и зримое» представление о конечных результатах китайских заморских походов 1405—1433 годов,

И не за горами то время, когда подвиги отважных китайских мореплавателей, проложивших путь от берегов Китая к берегам Африки, будут оценены в меру их заслуг и когда имя Чжэн Хэ войдет в историю географических открытий наравне с именами Колумба, Васко да Гамы и Магеллана,

ЛИТЕРАТУРА

Китайские источники

Репрессии, которые посмертно обрушились на участников плаваний Чжэн Хэ, весьма пагубно отразились на основных источниках, в которых отражена история этих плаваний,— описаниях их непосредственных участников.

В сущности первые издания трудов Ма Хуаня и Фэй Синя появились спустя по меньшей мере 100 лет после того, как они были написаны; при этом китайские читатели XVI века (а круг их был очень узок) с главным источником — трудом Ма Хуаня вынуждены были знакомиться не по оригинальной версии, а по сокращенной и при этом весьма вольной переработке китайского ученого Чжан Шэна (1450—1522).

За эти 100 лет в процессе чистки архивов Лю Да-ся и его коллеги уничтожили почти все списки с труда третьего участника плаваний Чжэн Хэ — Гун Чжэня, источника, по-видимому, более ценного, чем «Синьчашэнлань» Фэй Синя⁶⁵.

К счастью, очень важные каменные документы — мемориальные надписи Чжэн Хэ — находились не в государственных архивах, и тексты их поэтому сохранились, хотя о них и стало известно спустя 500 с лишним лет после смерти Чжэн Хэ. Ниже будут приведены краткие сведения об изданиях трудов Ма Хуаня и Фэй Синя и текстов мемориальных надписей.

Ма Хуань «Инъягиэнлань» («Обозрение берегов океана»)

Труд Ма Хуаня известен был в Китае в двух далеко не равноценных версиях — полной и оригинальной, которую сам автор написал в промежуток между 1425 и 1432 годами, и в сокращенной переработке Чжан Шэна (1450?—1522).

Переложение Чжан Шэна начиная с 1522 года переиздавалось много раз и было куда более известно, чем оригинальная версия.

В каталоге «Даныпэнтапцаншуму» (1620) перечислены пять изданий оригинальной версии «Инъяшэнлания». Чаще всего использовалось издание, воспроизведенное в собрании древних текстов «Цзилухой-бянь» китайского библиофила Чень Цзи-фу [2], которое вышло в свет около 1617 года.

⁶⁵ По крайней мере так отзывается о труде Гун Чжэня один китайский автор конца XVII века, который видел рукопись этой работы. По-видимому, «Сяньфангочжи» Гун Чжэня было использовано составителями «Анналов Минской династии» («Миншилу»).

В XIX веке оригинальная версия труда Ма Хуаня была опубликована в собрании текстов «Шэнчаоиши» у Ми-гуана [3] (1842), второе издание которого вышло в 1883 году.

Современное комментированное китайское издание «Иньчашэнляня» вышло под редакцией китайского исследователя Фэн Чжэн-цзюня в 1935 году [1, в].

Фай Синь «Синьчашанлянь» («Победное шествие ассадных плотов»)

Труд Фэй Синя был завершён в 1436 году и начиная с 1544 года неоднократно переиздавался.

Издание «Синьчашэнляня» помещено в собраниях текстов «Гуиньчжоухай» Лу Ци [4], вышедшем в свет в 1544 году и переизданном в 1821 году; в уже упомянутом сборнике «Цзилухойбянь» и в нескольких подобных же собраниях XVII и XVIII веков.

Имеется несколько неполных и устаревших английских переводов «Иньчашэнляня» и «Синьчашэнляня» [22, 24]. Наиболее основательный перевод — работа Рок-хилла, американского китаевода [31]. Рокхилл, однако, использовал при переводе труда Ма Хуаня не оригинальную версию, а переработку, Чжан Шэна.

Надписи Чжэн Хэ

Рокхилл приводит параллельные тексты из трактата Ван Да-юаня, написанного в 1349 году. Рокхиллом совместно с немецким китаеведом Ф. Хиртом выпущен был в свет перевод труда выдающегося предшественника Ван Да-юаня, Ма Хуаня и Фэй Синя — Чжоу Чжу-гуа, которым весьма желательно пользоваться при чтении текстов обоих летописцев походов Чжэн Хэ. Мемориальные надписи, воздвигнутые по желанию Чжэн Хэ в Люцзягане и в Чанлэ, обнаружены совсем недавно.

В ноябре 1935 года в китайском журнале «Гофэн» [3] историк Чжэн Хао-шэн опубликовал текст люцзяганской надписи, который он разыскал в сборнике древних произведений китайской литературы, составленном в XVI веке.

Надпись была выгравирована в 1431 году в храме «Небесной супруги» — богини-покровительницы мореплавания. Напомним, что Люцзяган стоит на реке Люцзяхэ, в устье Янцзы, там, где всегда формировались флотилии Чжэн Хэ перед выходом их на фуцзяньскую стоянку.

Вторую надпись, выгравированную в конце 1431 года, обнаружил китайский служащий Ван Бо-ши в Чанлэ — второй китайской базе Чжэн Хэ; она была перенесена в бывшую резиденцию Чжэн Хэ из местного храма, посвященного той же богине. Фотокопия надписи и текст ее были опубликованы в декабре 1937 года [41]. Перевод текста обеих надписей на английский язык был сделан Дюйвендаком [161]. Обе надписи близки по содержанию. Они настолько интересны и важны, что мы считаем необходимым привести здесь выдержку из надписи в Чанлэ; мы приводим «деловую часть» этого каменного документа, с болью в сердце опуская чрезвычайно колоритные обращения Чжэн Хэ к «Небесной супруге».

«Императорская Минская династия, простирая свою десницу на моря и сушу, превзошла дома Хань и Тан. Страны за горизонтом и от края до края Земля стали доступны, и в их числе самые, что ни на есть западные и самые северные, как бы далеки они ни были, и все дороги пройдены и все пути сочтены. И иноземцы из стран, лежащих далеко за морями, даже те, речи коих должно переводить дважды, явились ко двору с ценными товарами и дарами. Император, уповая на послушание и чистосердечие оных народов, повелел нам [Чжэн] Хэ и другим во главе нескольких десятков тысяч командиров и солдат знаменных войск на более нежели ста больших кораблях выйти [в путь] и вручить им [чужеземным народам] дары, дабы показать, сколь велика преобразующая мощь [царственной] добродетели, и обращаться с ними мягко. С третьего года Юнлэ [1405] до сего дня [декабрь 1431 года] нас семь раз посылали в качестве послов в страны

Западного океана. И вот какие страны мы посетили: сперва Чжанчэн [Тьямпу], Чжао-ва [Яву], Саньфоци и Сяньло [Сиам], затем шли прямо к Силаныпаню [Цейлону] в Южной Индии, Гули [Каликуту], Гэчжи [Кочину], а оттуда в западные страны Хулумусы [Хормуз], Эдань [Аден], Мугу-душу [Могадишо], а всего [побывали мы] более нежели в тридцати странах, больших и малых. Мы пересекли свыше ста тысяч ли необозримых водных пространств и видели в океане огромные, как горы, волны, которые вздымались к небесам, и в глазах наших был образ земель, скрытых в дальней туманной синеве, паруса же наши пышно распускались, подобно тучам, и днем и ночью шли мы [быстро], как звезды, и преодолевали мы эти дикие волны, как будто шли по людной улице. Воистину все это происходило так благодаря величию и счастливым судьбам Двора, и более всего обязаны мы были [нашим удачам] покровительству, божественной «Небесной супруге». Мощь ее немалая в прежние времена, ныне проявилась особенно изобильно. Случалось что, когда были мы среди бушующих волн, вздымаемых сокрушительным ветром, вспыхивали на мачте огни фонарей богини⁶⁶, и сразу же, как только появлялся волшебный свет, умерялись опасности, и даже если снова волны накидывались [на корабли], стремясь их опрокинуть, не было уже причины страшиться нам [гнева моря]. Когда мы прибывали в дальние страны, захватывали мы живьем тех царей, которые были непочтительны, и истребляли злодеев-варваров, которые предавались разбою на морях, так что морской путь был очищен и умиротворен и местные [моряки] стали им пользоваться без опаски. Все это содеялось так, ибо было с нами благоволение богини...

Мы, Чжэн Хэ и другие, получая назначение в высокие миссии от нашего священного государя, распространяли на чужеземные страны его милости и благорасположение. Командуя множеством [людей] во флотилии и охраняя ценности и деньги от ярости бурь, мы опасались лишь не выполнить то, что надлежало нам свершить; как могли мы отважиться дурно выслужить императорскому дому, как могли мы не исполнить то, от чего зависело спокойствие всей флотилии и войск и безопасность плавания к цели и восвояси? И вот, взвесив все это, решили мы запечатлеть на камне [то, чего сподобились] совершить по милости богини, и отметить годы и месяцы наших плаваний в чужеземные страны и оттуда обратно [в Китай], дабы память о них осталась навечно.

1. В третий год Юнлэ [1405], командуя флотом, пришли мы в Гули и в другие страны. В то время пират Чэнь Цзу-п собрал своих приверженцев в стране Сань-фоци и грабил там местные корабли. Когда же он отважился выступить против нашего флота, наземные воины пришли [к нам на помощь], и прежде чем прозвенел гонг, он был уничтожен. В пятом году [1407] мы возвратились.

2. В пятый год Юнлэ [1407], командуя флотом, мы побывали в Чжаова [на Яве], в Гули [Каликуте], Гэчжи и Сяньло [Сиаме]. Все цари этих стран прислали ценные дары, редкостных птиц; и диковинных зверей. В седьмом году [1409] мы возвратились.

3. В седьмом году Юнлэ [1409], командуя флотом, мы посетили страны, где побывали уже прежде, и взяли курс на Силаныпань [Цейлон]. Царь Цейлона Ялекунаэр оказал нам неуважение и пытался напасть на [наш] флот. Благодаря явственному покровительству богини, ответившей на наши молитвы, [заговор] был раскрыт и царь затем захвачен в плен. В девятом [1411] году, возвратясь [в Китай], мы передали [его императору]. Он получил прощение и возвратился в свою страну.

4. В одиннадцатом году Юнлэ [1413], командуя флотом, мы прибыли в Хулумусы [Хормуз] и другие страны. В стране Су-мэньдала [Сомотора, Самудра] был лжецарь Суганьла [Искандер], который грабил и опустошил этот край.

Ее царь Цайнулиабидин [Зайн-ул-Абд-дин] направил послов к врагам императорского дворца, дабы принести жалобу [на узурпатора]. Мы пришли туда с войском, коим командовали, и при тайной помощи богини полонили лжецаря. В 13-м году [1415] при

⁶⁶ Эти фонари богини — огни Святого Эльма.

нашем возвращении мы привели его [к императору]. В этом же году царь страны Маньлацзя [Малакки] явился [ко двору императора] собственной персоной со своей супругой и вручил дань.

5. В пятнадцатом году Юнлэ [1417], командуя флотом, мы посетили западные страны. Страна Хулумусы преподнесла [нам] львов, леопардов с золотистыми пятнами и крупных западных коней. Страна Эдань [Аден] дала зверя цилинь, которого в этих краях называют цаулафа, и длиннорогую тварь маха [антилопу]. Страна Му-гудушу [Могадишо] преподнесла зверя хуа-фулу [зебру] и львов. Страна Булава [Брава] преподнесла верблюдов, которые пришли туда за тысячу ли, и птиц-верблюдов [страусов]. Страны Чжаова [Ява] и Гули [Каликут] подарили зверя милигао. Все эти страны соперничали между собой, изыскивая все диковинное, где бы оно ни было сокрыто — в горах и в море, или в виде прекрасных сокровищ захоронено в песках, или в прибрежных отмелях. Некоторые из [даров] прислал дядя царя с материнской стороны, другие же — дядя с отцовской стороны или младший брат царя, и [вручили нам] акт присяги на верность, написанный на золотом листе.

6. В девятнадцатый год Юнлэ [1421], командуя флотом, мы доставили послов из Хулумусы и других стран, долгое время ожидавших в столице случая для возвращения в те страны, откуда они прибыли. Цари всех этих стран приготовили даже еще большие дани, чем прежде.

7. В шестом году Сюань-дэ [1431] снова, командуя флотом, мы направились в чужеземные страны, дабы огласить там императорский указ и вручить дары.

Мы стали в этой гавани [Чанлэ], где воздвигнута была данная надпись, на якорь, выжидая северного ветра, чтобы выйти в море, и вспомнив, сколь часто в прежних плаваниях мы получали от богини помощь и защиту, решили запечатлеть все это на камне. В шестой год Сюань-дэ, циклический год Синь-хай, во второй зимний месяц [5 декабря 1431 года— 3 января 1432 года], в добрый час, надпись сия воздвигнута главными послами — великими евнухами Чжэн Хэ, Ван Цзин-хуном и вторыми послами великими евнухами Лу Сином, Чжоу Ля-ном, Чшоу Манем, Хун Бао, Ян Чжэнем, Чжан Да, У Чжуном и командирами Чжу Чжэнем и Ван Хэном.

Старший из числа монахов [храма «Небесной супруги»] Ян И-чу [когого имя в монашестве] Чжэн И, низко склоняя вый, молит о воздвижении сего камня».

Более поздние источники

Помимо записок участников плаваний *источники* и мемориальных надписей, сохранились источники более поздние и уже в силу одного этого менее ценные. В них, однако, содержатся любопытные, сведения, заимствованные из документов первой трети XV века, ныне безнадежно утраченных.

Мы приведем здесь названия нескольких наиболее интересных китайских работ XVI и XVII веков.

В уже упомянутом собрании «Цзилу-хойбянь» имеется очень важная работа китайского ученого Чжоу Юнь-мина (1460— 1524); она невелика, но это единственный документ, в котором сохранилась подневная роспись одного из маршрутов Чжэн Хэ. Это тот «график» движения флотилии в седьмом плавании, который мы привели на стр. 152 — 153. Документ этот озаглавлен — «Путешествия в Западный океан» («Сисиян») и, кроме росписи маршрута, содержит некоторые данные о войсковых контингентах флотилии [5].

Большое значение имеет трактат видного китайского ученого первой половины XVI века Хуан Шэн-цзяна «Сияньчаогун тяньду» («Записки о [странах], данниках Западного океана»), написанных около 1520 года [6].

Хуан Шэн-цзян использовал, помимо трудов Ма Хуаня и Фей Синя, лоции экспедиций Чжэн Хэ, что позволило ему дать детальные маршруты плавания флотилий на ряде участков Южноазиатской трассы. «Записки» Хуан Шэн-цзяна были в XVI— XVII

веках известны только по весьма немногочисленным рукописным копиям. Первые издания, видимо, появились только в XIX веке.

В 1559 году законовед Тань Си сы опубликовал свод извлечений из различных императорских указов — «Миндачжэнцзу-аньяо», в который вошло несколько весьма любопытных указов Чэн-цзу, относящихся к снаряжению первой экспедиции Чжэн Хэ [7].

Еще более интересен трактат Гу Ци-юаня (1565—1628) «Кэцзочжуйюй». Гу Ци-юань приводит очень подробные сведения о количестве кораблей в первой флотилии Чжэн Хэ, их размерах и, что особенно важно, о составе экипажей и различных родах оружия и войсках, которые отправлены были в заморский поход. «Кэцзоч-жуйюй» был переиздан в Китае в 1936 году [8].

В Китае сохранились многотомные ди-настийные истории. Всего их двадцать четыре, и каждая из них представляет собой своего рода историческую энциклопедию, которая охватывает период правления определенной династии. Эти огромные компиляции нередко заключают весьма ценные данные, извлеченные из ныне уже недоступных источников.

Составители «Истории Минской династии» («Минши»), которые трудились между 1723 и 1731 годами (в то время в Китае уже правила Маньчжурская династия, которая Пришла к власти в 1644 году), не могли пройти мимо таких выдающихся событий, как заморские плавания Чжэн Хэ. Им уделена 324, 325 и 326 главы этого труда, и, кроме того, сведения о Чжэн Хэ и об его экспедициях встречаются и в других разделах «Истории» [9].

Но об успехах, достигнутых в минское время, историографы XVIII века, которые кормились щедротами императоров новой династии, захватившей власть по праву силы, писали в весьма сдержанных тонах. Кроме того, составители «Истории» не располагали надежными документальными данными. В результате они запутали хронологию плаваний Чжэн Хэ и допустили ряд ошибок, даже излагая те сведения о странах Западного океана, которые они заимствовали у Ма Хуаня, Фэй Синя и более поздних авторов.

Биография Чжэн Хэ, включенная в «Историю», — это набор общих фраз, по которым никоим образом нельзя проследить жизненный путь великого мореплавателя. Описания стран Западного океана, которые основаны на разнородных и разновременных источниках, вносят путаницу в географию южноазиатских земель.

Весьма немного дают и «Анналы Минской династии» («Миншилу»); в них интересны, однако, некоторые события, излагающиеся по утраченным запискам Гун Чжэня [10].

Имя Чжэн Хэ, несмотря на все старания гонителей, в XVI веке было очень популярно. О Чжэн Хэ слагали легенды и песни, а в 1597 году появился роман «Сиянцзян» — «Сказание о Западном океане», много раз затем переиздававшийся в Китае. Наконец, заслуживает особого внимания труд Мао Юань-и «Убейчжи» — «Трактат о военной подготовке», вышедший в свет в 1621 году, в котором воспроизведены карты, составленные по данным экспедиций Чжэн Хэ.

Современные исследования

Работы китайских авторов

За последние четверть века в Китае появилось много исследований, связанных с походами Чжэн Хэ и с изданием различных источников по истории этих походов.

Интересные работы принадлежат перу историка Фэн Чжэн-цзюня [И, 12], который со своими комментариями опубликовал в китайском переводе работу Пеллио [28].

В 1956 году в КНР вышла в свет работа Чжу Ци [13], в которой подробно описаны все походы Чжэн Хэ и дан анализ исторической обстановки, определившей необходимость и возможность дальних китайских плаваний в начале XV века.

Работы европейских авторов

Открытие мемориальных надписей Чжэн Хэ в 1935 и 1937 годах вызвало полную переоценку всех хронологических данных об экспедициях Чжэн Хэ. В связи с этим даже обстоятельная сводная работа П. Пеллио [27], опубликованная в 1933 году, устарела в 1938 году, и пользоваться ей следует с осторожностью. То же еще в большей степени относится к более старым работам Дж. Фил-липса [20], В. Груневельдта [21], У. Майерса [23] и У. Рокхилла [30]. Впрочем, работа У. Рокхилла [30] — переводы из трудов Вань Даюань, Ма Хуаня и Фэй Синя, до сих пор сохраняет свое значение, поскольку ни один европейский китаевед с тех пор не опубликовывал новых переводов китайских источников эпохи Чжэн Хэ.

Наибольший интерес представляют, несомненно, исследования Дюйвендака [15,16,17,18] и особенно его обстоятельная работа 1939 года, опубликованная на страницах лейденского китаеведного журнала «T'oung Pao» в 1939 году [16].

Для предварительного ознакомления со всем кругом вопросов, связанных с экспедициями Чжэн Хэ, можно рекомендовать краткую, но весьма содержательную работу Дж. Миллса, вышедшую в свет в 1951 году [25].

К сожалению, список советских работ о Чжэн Хэ чрезвычайно скуден и ограничивается тремя названиями [19, 31, 32].

Источники на китайском языке

1. Ма Хуань. «Инъяшэнлань» («Обозрение берегов океана»): а) в сб. «Цзилухойбянь» Чэнь Цзи-фу, ок. 1617, гл. 62; переработка Чжан Шэна — там же, гл. 63; б) в сб. «Шэнчаоши», 1842, 1883; в) «Инъяшэяланьцяочжу». Критическое издание. «Обозрение берегов океана, под ред. Фэн Чжэн-цзюня, 1935.

2. Фэй Синь. «Синьчашэнлань» («Победное шествие звездных плотов»): а) в сб. «Гуцинъчжоухай» Лу Ци, 1544, 1821; б) в сб. «Цзилухойбянь» Чэнь Цзи-фу, гл. 61.

3. Текст Люцзяганской надписи. Журнал «Го фэн», ноябрь, 1935, № 4.

4. Текст надписи в Чанлэ. Журнал «Фуцзянь вэньхуа», декабрь, 1937, № 26.

5. Чжоу Юань-минь. «Сясяян» («Путешествие в западные страны»).

6. Хуан Шэн-цзэн. В сб. «Цзилухойбянь» Чэнь Цзи-фу, гл. 62; «Сияньчаогунтяньлу» («Записки о [странах] данниках Западного океана»; в различных сборниках текстов географического характера, изданных в XIX веке и в первых трех десятилетиях XX века.

7. Тань Си-сы. Сб. «Миндачженцзуаньяо» («Собрание разных узаконений Минской династии»), 1559.

8. Гу Ця-юань. «Кэцзочжуйюй», Последнее издание, 1936 г.

9. «Минши» («История Минской династии»), гл. 324—326.

10. «Миншялу» («Анналы Минской династии»), гл. 6, 51, 77, 86 и др.

Современные китайские работы

11. Фэн Чжэн-цзюнь. Исследование о походах Чжэн Хэ в Западный океан, Шанхай, 1935.

12. Фэн Чжэн-цзюнь. История связей Китая с Южным океаном, Шанхай, 1937.

13. Чжу Ци. Чжэн Хэ, Пекин, 1956.

Современные европейские работы

14. Duyvendak J. J. R. Ma Huan reexamined, *Verhandelingen d. Koninklijke Akademie v. Wetenschappen te Amsterdam, aft. Letter-kunde*, 32, JVs 3, 1933.

15. Duyvendak J. J. R. Sailing directions of chines voyages, *T'oung Pao*, 1938, XXXIII.

16. Duyvendak J. J. R. The true dates of Chinese maritime expeditions in the early XV th. Century, *T'oung Pao*, 1939, XXXIV.
17. Duyvendak J. J. R. Voyages de Tcheng Houo, Monumenta Cartografica Africae et Aegipti, IV, fasc. 4, 1939.
18. Duyvendak J. J. R. China's discovery of Africa, 1949.
19. Думан Л. И. Чжэн Хэ, БСЭ, т. 47.
20. Phillips G. The seaports of India and Ceylon, described by Chinese voyagers of the XV th. century, together with an account of Chinese Navigation, *Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, 1885, 1886, XX, XXXI.
21. Groeneveldt W. Notes on the Malay archipelago and Malacca compiled from Chinese sources, Batavia, 1876; Batavia, 1887.
22. Hirth F., Rockhill W., Cha Ju Kua; his work on the cinese and arabe trade in the XII and XIII centuries entitled Chu Fan CM, S. Petersburg, 1912.
23. Mayers W. Chinese explorations of the Indian Ocean, *China Review*, III—IV, 1874—1875.
24. Mills J. Malaya in the Wu Pei Chih charts, *Journal of Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, 1937, XV.
25. Mills J. Notes on the early Chinese voyages, *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1951, 3.
26. Mulder W. The «Wu Pei Chih» Charts, *T'oung Pao*, 1944, xxxvii.
27. Pelliot P. Les grands voyages maritimes chinois au debut du XV siecle, *T'oung Pao*, 1933, XXX.
28. Pelliot P. Notes additionelles sur Tcheng Houo, *T'oung Pao*, 1934/1935, XXXI.
29. Pelliot P. Encore a propos des voyages de Tcheng Houo, *T'oung Pao*, 1936, XXXII.
30. Rockhill W., Notes on the relation and trade of China with Eastern archipelago and the coast of Indian Ocean in XV th century, *T'oung Pao*, 1914—1915, XV—XVI.
31. Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей Востока, Географгиз, М., 1955.
32. Свет Я. М. Дальние плавания китайских мореходов в первой половине XV века, Вопросы истории естествознания и техники, вып. 3, 1957.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЖЭН ХЭ

1371	Рождение Чжэн Хэ. Место рождения город Куньян в Юньнани.
1381	Вступление минских войск в Юньнань.
1382	Смерть отца Чжэн Хэ. Завоевание Юньнани минскими войсками. Разорение Куньяна.
Восьмидесятые годы	Чжэн Хэ попадает ко двору принца Чжу-ди, сына императора Чжу Юань-чжана.
1394-1398	Чжэн Хэ принимает участие в военных походах Чжу-ди.
1398	Смерть императора Чжу Юань-чжана и начало войны ва «умиротворение страны».
1401	Взятие Нанкина войсками яньвана Чжу-ди.
1402	Чжу-ди становится императором Чэн-цзу (1402-1424).
1403	Первые подготовительные мероприятия к дальним заморским походам.
1405, март	Указ Чэн-цзу о назначении Чжэн Хэ послом в страны Западного океана. Начало работ по подготовке первой экспедиции.
1405, сентябрь	Выход первой экспедиции из устья Янцзы к фуцзяньской стоянке.
1405, декабрь	Выход первой экспедиции из фуцзяньской стоянки в открытое море. Начало первого плавания Чжэн Хэ.

1405, декабрь } 1407, октябрь }	Первое плавание. Посещение Тьямпы, Явы, Суматры, Сиама, Цейлона и Каликута. Поход на Палембанг против пирата Чэнь Цзу-и.
1407, октябрь } 1409, июль — } август }	Второе плавание. Посещение Тьямпы, Явы, Малакки, Суматры, Цейлона и Каликута. Чжэн Хэ устанавливает тесную связь с Парамешварой (Мегат-Искандер-шахом), основателем Малакки.
1409, октябрь } 1411, июль }	Третье плавание. Посещение Тьямпы, Явы, Суматры, Каликута, Цейлона. Успешная борьба с царем Цейлона Виджая-Баху V.
1413, октябрь } 1415, август }	Четвертое плавание. Посещение Тьямпы, Явы, Суматры, Малакки, Цейлона, Каликута, Мальдивских островов и Хормуза. Свержение правителя Самудры Искандера.
1416, май } 1419, август }	Пятое плавание. Посещение Тьямпы, Явы, 1419, август Г Малакки, Суматры, Каликута, Цейлона, Мальдивских островов. Переход от Мальдивских островов в экваториальных широтах к восточному берегу Африки (май—июнь 1418 года?). Посещение Малинди (?), Мogaдишо, Бравы, Зейлы (?). Посещение Адена и Хормуза.
1421, весна } 1422, сентябрь }	Шестое плавание. Посещение Тьямпы, Малакки, Суматры, Явы, Каликута, Адена, Мogaдишо и Бравы.
1424	Смерть императора Чэн-цзу и вступление на престол императора Жэнь-цзуна. Отмена «деньги на флотилию Западного океана». Лишение Чжэн Хэ командного поста в морском ведомстве. Назначение его на оборонительные работы и работы по ремонту дворцовых зданий в Нанкин.
1425 -1432	Ма Хуань пишет труд «Инъяшэнлань».
1431, январь } 1433, июнь }	Седьмое плавание. Посещение Аннама, Тьямпы, Явы, Малакки, Суматры, Цейлона, Каликута, Хормуза. Миссия Хун Бао посещает в 1432—1433 году Мекку.
1434?	Смерть Чжэн Хэ. Экспедиция Ван Цзи-гуна на Суматре — последний эпизод в истории дальних заморских плаваний начала XV века.
1436	Фэй Синь заканчивает свой труд «Синьчашэн-лань».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Удивительное известие Месера Джироламо	5
Страна трех морей	8
Юэ — мореплаватели солнечного восхода	11
Рождение морской державы	13
Великий муссонный путь	17
Подвиг Фа Сяня	20
Тайские зори	23
Окна в дальние моря	29
Китай поворачивается к морю	32
Югоуказующая игла	38
Рах МопдоЙса	42
Зерновые флотилии	45
Говорит Марко Поло	47
Минская революция	49
Путешествие в XIV век	52
Нужна зеленая улица	56
Облачный юг	59
Чжэн Хэ вступает в жизнь	61
Великий замысел	65
Флотилия Западного океана	68

Летописцы великих походов	73
Кули — жемчужина Индии	78
Забытая империя	85
Царство беглого каторжника	86
Страна низких дверей	88
Каменная легенда	94
Путь к Яве	95
Прекрасная Ява	97
Зеленый океан	103
Гавань, выброшенная на мель	106
Страна амазонок	108
Царство пестролицых и земля хвостатых людей	109
Малакка — ключ к Западному океану Битва на Цейлоне	113
Хормуз — великая пристань	118
Три тысячи островов	124
Китай приходит в Африку	127
Жирафы приходят в гости	132
Путь к черному матерiku	133
Восточный рог	135
Города на опаленной земле	142
Аден — родина «львов моря»	145
Искусство водить корабли	153
Архиепископ Лод и китайские лощи	157
Карты «Убэйчжи»	158
Лю Да-ся закрывает Западный океан	160
А все-таки вертится	169
Литература	173
Даты жизни и деятельности Чжэн Хэ	186

Яков Михайлович Свет

ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Младший редактор *Г. П. Зоркина*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *С. М. Кошелева*

Редактор карт *А. В. Голицын*

Корректор *Б. А. Логинова*

Т-07732. Сдано в производство 10/И-60 г. Подписано в печать 22/У1-60 г. Формат 84XЮ8¹/з2- Печатных листов 6, условных листов 9,84, издательских листов 9,85, Тираж 50000. Цена 2 р. 95 к. Заказ № 155. С 1/1-61 г. цена 30 коп.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова Москва, Ж-54, Валовая, 28